

КОРРЕКТОРСКИЙ ЭТБ.

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

4

1983

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
ИЮЛЬ — АВГУСТ

СОДЕРЖАНИЕ

4
1983

<i>Носкова А. Ф., Поп И. И.</i> Становление системы договорных отношений СССР и стран народной демократии (1945—1949)	3
<i>Цамбел С.</i> (ЧССР). Опыт Коммунистической партии Чехословакии в решении аграрно-крестьянского вопроса	19
<i>Зеленин В. В., Романов В. Е.</i> Действия СССР на международной арене в поддержку югославского народно-освободительного движения	28

К IX МЕЖДУНАРОДНОМУ СЪЕЗДУ СЛАВИСТОВ

<i>Злыднев В. И.</i> Типологическая близость культур западно- и южнославянских народов в эпоху формирования наций	43
<i>Осипова Н.</i> 90 лет румынской славистики	53
<i>Орел В. Э.</i> Проблемы языковых контактов и интерференции языков на IV—VIII съездах славистов	62
<i>Осипова М. А.</i> Лексическая семантика и функциональные связи дистрибутивных глаголов (на материале современных русского и западнославянских литературных языков)	70

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

<i>Павлюченко О. В.</i> «Русские клубы» в Сербии на рубеже XIX—XX веков	81
<i>Лабунцев Ю. А.</i> Первая книга, напечатанная глаголицей, и ее исследователь Михаил Бобровский (к 500-летию начала книгопечатания глаголическим шрифтом)	86
<i>Гагрюшин Н. К.</i> «Изборник Святослава» 1073 г. и «Диалектика» Иоанна Дамаскина	94
<i>Сурта Х. Ф.</i> Стихотворение А. Э. Одынца и А. Мицкевича «Panicz i dziewczupa» на русском языке	97

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Виноградова Л. Н.</i> Трехтомник фольклористических трудов Ю. Кшижановского	101
<i>Титова Л. Н.</i> Книга о культуре чешского национального Возрождения	104
<i>Мигев Вл.</i> (НРБ). Фашизм и антидемократические режимы в Европе. Начало 20-х годов — 1945 г.	106

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), В. А. ДЬЯКОВ,
 В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ,
 В. Г. КАРАСЕВ, Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
 Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
 Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 121069, Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а.
 Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

НОСКОВА А. Ф., ПОП И. И.

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ СССР И СТРАН НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ (1945—1949)

Главным итогом второй мировой войны был разгром наиболее реакционных сил империализма. Благодаря решающей роли СССР в победе над фашистской Германией произошел значительный сдвиг в расстановке классовых и политических сил в мире. Значительно укрепились позиции сторонников демократии и социализма, налицо были подъем национально-освободительного движения и распад колониальной системы. В развитых капиталистических странах Европы резко активизировалось рабочее движение, усилилось влияние коммунистических и рабочих партий. В Центральной и Юго-Восточной Европе от капиталистической системы отпал ряд государств, где буржуазии не удалось в момент освобождения этих стран от фашизма восстановить свое классовое господство. Возникла новая власть, власть трудящихся масс, боровшихся во главе с передовым пролетарским авангардом за реализацию коренных социально-экономических и политических преобразований, за построение нового общества.

Социализм, ставший реальностью после победы Великого Октября, выходил за рамки одной страны, начался процесс складывания мировой социалистической системы. Это было второе по своему социально-политическому значению событие во всемирной истории после Великой Октябрьской социалистической революции.

Одновременно зарождались и приобретали качественно новое содержание взаимосвязи между государствами этой системы¹. Решающую роль в возникновении межгосударственных отношений нового типа в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе сыграл переход политической власти в ходе народно-демократических и социалистических революций в руки трудящихся масс, руководимых рабочим классом. Впервые в истории Польши, Чехословакии, Югославии, Албании, Венгрии, Румынии, Болгарии интересы народных масс стали оказывать решающее влияние на определение внешнеполитической ориентации этих стран, что создавало условия для максимального обеспечения реализации их национально-государственных задач.

Характер революционных преобразований, первые двусторонние договоры о дружбе, взаимопомощи и сотрудничестве, совместная борьба за международное признание молодых народно-демократических государств в обстановке накапливавшихся расхождений в позициях главных участников антигитлеровской коалиции и постепенного нарастания антикоммунистических тенденций и агрессивности в политике ведущих капиталистических стран во главе с США — все это усиливало стремление к единству во взаимоотношениях между народно-демократическими и со-

¹ Этот вопрос рассматривался нами специально [4].

циалистическим государствами. Опыт общей борьбы против фашизма, практика совместных выступлений в рамках антигитлеровской коалиции в годы второй мировой войны и на международной арене после ее окончания оказывали стимулирующее воздействие на развитие двусторонних контактов между СССР и странами народной демократии и самими этими странами. Активизация этих контактов диктовалась и теми глубокими внутренними потребностями, которые испытывала народно-демократическая власть стран региона, приступив к осуществлению глубоких политических и социально-экономических преобразований.

Одной из важнейших задач после второй мировой войны было восстановление разрушенного народного хозяйства. Враждебное отношение западных держав к революционным изменениям в странах региона и попытки воздействовать на направление их внутреннего развития любыми способами, включая экономическое давление, вызывали необходимость налаживания регионального экономического сотрудничества и связей с СССР. Экономические контакты СССР со странами региона возникли еще во время войны, но тогда была это практически односторонняя экономическая помощь СССР освобождаемым народам. После войны экономические отношения стали оформляться соответствующими международно-правовыми актами, фиксирующими объем и сроки сотрудничества, и определялись взаимной выгодой и потребностями. При этом Советский Союз шел всегда навстречу своим контрагентам. В течение 1945—1946 гг. были заключены в основном краткосрочные торговые соглашения, которые базировались на принципах наибольшего благоприятствования и взаимной помощи и преследовали задачи как восстановления разрушенной экономики, так и ее перестройки с целью повышения жизненного уровня самых широких народных масс.

Установление стабильных экономических связей между СССР и странами народной демократии было делом весьма непростым в политическом отношении. Устраняемая от власти буржуазия стран региона пыталась спасти свои позиции путем восстановления прежних экономических связей с капиталистическими государствами, стремилась воспрепятствовать переориентации внешней торговли. В народно-демократических странах развернулась острая политическая борьба по вопросам выбора главных направлений внешнеэкономических связей. Представители рабочего класса в правительствах этих государств добивались укрепления и расширения экономических контактов с СССР, подчеркивали отсутствие во внешней политике Советского Союза попыток дискриминации каких-либо партнеров, исключение методов политического давления и т. п. От исхода классово-борьбы в странах региона в сфере внешнеэкономической политики во многом зависело и развитие самих народно-демократических революций.

Заключая первое двустороннее экономическое соглашение с Польшей, Советский Союз проявил глубокое уважение к суверенности своего партнера, в полной мере учел его экономические потребности и государственные интересы. Соглашение не содержало никаких политических условий, оно было продиктовано обоюдной заинтересованностью в укреплении народной власти в Польше. На этой же основе были подписаны все последующие торговые соглашения между двумя странами [2, с. 50—77]. В июле 1945 г. был заключен первый торговый договор между СССР и Польшей [3, т. VIII, с. 472—477], закрепивший новое направление польской внешнеторговой ориентации. Летом 1945 г. СССР и Польша подписали также ряд соглашений, по которым СССР отказывался в пользу Польши от трофейного германского имущества на всей польской территории, уступал 15% всех репарационных поставок из советской зоны оккупации Германии и 30% причитающегося Советскому Союзу промышленного оборудования из западных зон (15% в обмен на поставки польских товаров) [3, т. VIII, с. 543—544]. Результатом выполнения обязательств по торговому договору и соглашениям был значительный рост занятости населения и увеличение объема производства в основных отраслях польской экономики [4, 5 VII 1946]. Кроме того, независимо от договорных обязательств и в дополнение к ним СССР продолжал оказывать Польше

различную научно-техническую, медицинскую, финансовую помощь, помощь продовольствием. Польская печать высоко оценивала значение советско-польских экономических отношений того времени. «Благодаря мощному импорту из СССР, благодаря импортируемым рудам работает металлургическая промышленность, благодаря импорту шерсти и хлопка работает текстильная промышленность, благодаря импорту горючих смесей двинулся наш машинный парк, первыми машинами, обслуживавшими нашу экономическую жизнь, были советские „Зисы“ и „Газы“» [5, 13 XII 1945].

Курс на укрепление и развитие дружественных отношений между Польшей и СССР был одобрен I съездом ППР в декабре 1945 г. и поддержан партиями Демократического блока. Польские коммунисты прилагали усилия для того, чтобы постепенно в общественном сознании складывалось и побеждало понимание необходимости для Польши новой внешнеполитической ориентации, которая отразилась в советско-польских соглашениях и договорах 1945 г. [3, т. VIII, с. 538—542]. В 1946 г. в результате новой серии советско-польских экономических переговоров было подписано соглашение о взаимных поставках на 1946 г. и затем ряд документов об аннулировании польских финансовых обязательств военного времени в отношении СССР, о снабжении польской армии вооружением и боеприпасами из СССР, о предоставлении Польше открытого кредита в золоте, о дополнительной помощи продовольствием. Благодаря широким экономическим контактам с Советским Союзом Польша смогла избежать голода, расширить посевные площади, иметь перспективу обеспечения себя своим зерном, пустить в ход промышленность, избежать безработицы и экономического застоя [3, т. IX, с. 116]. Как о несомненном факте говорилось о переориентации внешней торговли. Благодаря расширяющимся советско-польским экономическим связям молодое народное государство смогло приступить к восстановлению хозяйства на плановых началах и преодолеть ряд экономических трудностей, усугублявшихся дискриминационной политикой западных держав [6, с. 9].

Начало национально-демократической революции в Чехословакии внесло существенные изменения в характер отношений между СССР и ЧСР. Первое правительство Национального фронта чехов и словаков в своей программе, выработанной при активном участии коммунистов и провозглашенной в Кошице 5 апреля 1945 г., торжественно заявляло, что его внешнеполитическая деятельность будет направлена на теснейшее сотрудничество с первым социалистическим государством — Советским Союзом. «Чехословацко-советский договор от 12 декабря 1943 г., — говорилось в программе, —... будет определять всю будущую внешнеполитическую позицию нашего государства» [7, с. 32—33]. Планировалось расширение сотрудничества и с другими демократическими государствами, главным образом с Польшей и Югославией. В программе подчеркивалось, что союз с могущественным социалистическим государством создает прочную основу безопасности и суверенитета Чехословакии. Правительство Национального фронта чехов и словаков торжественно брало на себя обязательство расширять взаимные связи между Чехословакией и СССР во всех сферах — военной, политической и культурной. После окончания войны на политической арене Чехословакии практически не было такой общественной силы, политической партии или группы, которая бы осмелилась открыто выступать против внешнеполитического курса народно-демократического государства. Многие реалистически мыслявшие буржуазные политические деятели, оставаясь глубоко враждебными социализму, отдавали себе отчет в том, что только СССР принес освобождение народам Чехословакии [8, с. 271]. Наученные опытом Мюнхена, они понимали, что безопасность Чехословакии может гарантировать только союз с СССР. Кроме того, они вынуждены были считаться с дружественным отношением к Советскому Союзу широких народных масс. Все это создавало впечатление, что по вопросам внешнеполитической ориентации республики существовало единство. Но в действительности единство это понималось буржуазными силами как вынужденное, временное и тактическое. Важ-

нейшие внешнеполитические задачи Чехословакии — закрепление доюгославских границ, выселение немецкого населения с чешских земель — могли быть реализованы лишь при поддержке СССР. И это понимали буржуазные лидеры. Однако они стремились постепенно, исподволь перевести внешнюю политику республики на путь «моста между Востоком и Западом», т. е. добиться всемерного расширения связей с Англией, Францией и США. Такая линия внешней политики противоречила подлинным интересам страны и настроениям широких народных масс. Представитель КПЧ Б. Давид заявил с трибуны Национального собрания: «Союз с Советским Союзом для нас является вопросом национального бытия. Поэтому мы должны решительно отвергать всякую попытку оживления политики „моста“ и сидения на двух стульях, с которых мы однажды уже упали. С такой политикой у нас есть трагический опыт» [9, с. 47—48]. КПЧ была единственной политической партией, которая последовательно осуществляла линию дружбы и союза с СССР как с главным гарантом суверенитета страны.

Революционные силы чехословацкого общества с первых дней мира настойчиво развивали советско-чехословацкое сотрудничество, встречая полное взаимопонимание и поддержку с советской стороны. В июне 1945 г. в Москве находилась первая правительственная делегация Чехословакии во главе с премьер-министром, левым социал-демократом З. Фирлингером. Она обсудила с советскими представителями вопросы о поставке сырья для чехословацкой промышленности, о военных трофеях Советской Армии на территории Чехословакии. Окончательно решена была судьба Закарпатской Украины. Договор о ее воссоединении с Украинской ССР стороны подписали в Москве 29 июня 1945 г. [10, с. 174—175]. Впервые рассматривался также вопрос о взаимной кооперации в промышленном производстве между СССР и ЧСР [11, с. 210—211]. 22 октября 1945 г. в Праге было заключено соглашение о поставках между СССР и ЧСР, имевшее огромное значение для чехословацкой промышленности, получившей необходимое ей сырье. Уже в 1945 г. экспорт из СССР в ЧСР составил 28,7 млн рублей, а импорт соответственно — 3,8 млн рублей [12, с. 51—53]. При этом советские поставки в действительности были формой кредита, так как Чехословакия в 1945 г. испытывала большие трудности в обеспечении экспорта. Немалую роль в такой диспропорции сыграл и саботаж чехословацкой буржуазии, державшей тогда в своих руках внешнюю торговлю республики.

По мере углубления демократической национализации в промышленности ЧСР расширялись возможности для налаживания контактов между различными министерствами и ведомствами двух стран в сфере планирования, финансирования экономических программ развития и реконструкции транспорта, а также разработки сырьевых месторождений. 12 апреля 1946 г. было подписано новое торговое соглашение между СССР и ЧСР. Взаимные расчеты по этому соглашению осуществлялись в форме клиринга и поэтапно, что было выгодно, прежде всего, Чехословакии, ибо такая система позволяла более точно планировать поставки и лучше использовать производственные мощности ЧСР [12, с. 49—51]. Во время пребывания в Москве в июле 1946 г. чехословацкой делегации во главе с К. Готвальдом, ставшим премьер-министром чехословацкого правительства после победы КПЧ на выборах в мае 1946 г., были решены все вопросы, касающиеся советского трофейного имущества на территории Чехословакии. Практически все имущество, принадлежавшее СССР, в том числе и крупнейшее предприятие по производству синтетического бензина в г. Мост, было передано Чехословакии [13, с. 84—85].

Советский Союз оставался верен принципам интернациональной помощи народам, освобожденным от фашистского ига. Договор о дружбе и взаимной помощи между Советским Союзом и Югославией от 11 апреля 1945 г. специально предусматривал развитие и углубление экономических и культурных советско-югославских связей. В дополнение к договору было заключено соглашение о взаимных поставках товаров, необходимых для народного хозяйства обеих стран. В середине 1947 г. было подписано по-

вое советско-югославское соглашение, определившее общий порядок торговли между странами. По этому соглашению Советский Союз поставлял в Югославию нефть, нефтепродукты, уголь, промышленное оборудование. Югославские поставки в СССР составляли, главным образом, свинец, табак, фрукты [14, с. 135]. Югославское руководство высоко оценило роль и значение советской помощи и всего комплекса экономических отношений Югославии и СССР [15, с. 307, 310, 312—313]. Постепенно налаживались торговые отношения Югославии и со странами народной демократии, куда она экспортировала продукцию сельского хозяйства, лесоматериалы, цветные металлы, а получала взамен сырье и промышленное оборудование для восстанавливаемой промышленности.

Советский Союз стремился установить прочные и дружественные контакты со всеми соседними странами. Восстановив дипломатические отношения с Венгрией, Румынией и Болгарией уже в 1945 г., Советское правительство не перекладывало ответственность за преступления фашистских клики на народы этих стран и оказывало им всевозможную помощь, что было важным фактором в укреплении народной власти, разрывании демократических преобразований, выборе новой внешнеполитической ориентации Румынии, Болгарии и Венгрии. Открывались возможности для налаживания устойчивых экономических связей этих стран с СССР и другими странами народной демократии. В конце войны Советский Союз заключил первые краткосрочные торговые соглашения: в марте 1945 г. — с Болгарией, в мае — с Румынией, в августе — с Венгрией, причем на весьма выгодных для этих стран условиях [16, с. 463; 17, с. 509; 18, с. 112—113; 19, с. 75]. Соглашения укрепляли позиции народно-демократических правительств, авторитет левых сил, помогали преодолевать трудности послевоенной разрухи. В то же время они подрывали позиции иностранного капитала в указанных странах, активы которого до подписания мирных договоров не затрагивались законами о национализации. Опасаясь за свои капиталы, США не замедлили выступить с протестом против этих соглашений, однако Советское правительство решительно отвергло его как беспредметный [20, т. 5, с. 354—355]. В 1946 г. СССР подписал новые торговые соглашения с Румынией, Венгрией и Болгарией. Следует отметить, что поставки советского сырья почти полностью покрывали в эти годы потребности промышленности Венгрии, Болгарии и Румынии. Например, объем торговли Румынии с Советским Союзом увеличился в два раза. СССР поставлял Румынии 80% импортируемого кокса, 100 — чугуна, 78 — железной руды, 99 — хлопка, 100% шерсти [21, с. 202].

Большую роль в экономических связях между СССР и указанными странами в этот период играли краткосрочные кредиты в натуральной форме: в поставках зерна, руды и т. д. Помощь эта носила интернациональный характер, потому что СССР сам находился в то время в тяжелой ситуации послевоенной разрухи. Относясь с пониманием к трудностям народно-демократических стран, Советское правительство передало Болгарии 2436 вагонов из числа трофеев Советской Армии, 12 речных судов — Венгрии, в 1946 г. продлило сроки репарационных поставок Румынии и Венгрии, приняло решение о досрочном возвращении военнопленных [17, с. 538]. Таким образом, зарождение в первые послевоенные годы экономических связей между СССР и всеми странами народной демократии происходило на принципах равноправия, взаимного доверия, помощи и уважения суверенитета, что стало важной предпосылкой расширения экономических связей в регионе и свидетельствовало о начале процесса формирования новых экономических отношений, развивавшегося по мере углубления революционных преобразований в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Начало народно-демократических преобразований в Болгарии, Венгрии и Румынии ускорило процесс нормализации их отношений с Польшей, Чехословакией и Югославией, который осуществлялся поэтапно и затрагивал многие накопившиеся в прошлом нерешенные проблемы. Благодаря тому, что коммунисты и левые социалисты оказывали на внешнеполитический курс своих стран безраздельное или преобладающее влияние, по мно-

гим насущным проблемам были найдены со временем взаимоприемлемые решения.

В первые месяцы после окончания войны Польша, Чехословакия и Югославия восстановили дипломатические отношения и наладили экономические контакты с Болгарией [22, с. 27—28]. К концу 1946 г. Венгрия нормализовала государственные связи почти со всеми соседними странами [23, с. 163—168, 258—270]. Дипломатические отношения между Румынией и Чехословакией, Румынией и Польшей были восстановлены в октябре 1945 г. [21, с. 201—202]. Вскоре после окончания войны был подписан ряд торговых соглашений между большинством стран народной демократии. Правда, удельный вес товарооборота внутри региона был невелик. Это объяснялось рядом причин: отсутствием или слабостью традиций взаимной торговли, военными разрушениями, недостаточной промышленной развитостью экономики почти всех стран региона, незавершенностью социально-экономических преобразований и процесса оформления новой структуры экономики в целом. Несмотря на эти объективные трудности, процесс становления сознательно определяемых и развиваемых связей между странами региона протекал уже на новых принципах взаимовыгоды и взаимопомощи, что было важно в смысле создания дружеского климата в межгосударственных отношениях в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Наиболее активные, плодотворные и многосторонние контакты имели место между Польшей, Югославией и Чехословакией, бывшими союзниками по совместной борьбе с фашизмом. В новых условиях их сотрудничество наполнялось новым политическим содержанием. Возникла необходимость в юридических актах, которые бы фиксировали складывание союзнических отношений между странами региона и дополняли уже действовавшие договоры СССР с Чехословакией, Югославией и Польшей. Важным шагом на пути к этому были визиты премьер-министра народной Югославии маршала Тито в Польшу и Чехословакию в марте 1946 г. Эти визиты демонстрировали стремление укрепить сотрудничество в момент, когда западные державы поставили под сомнение окончательный характер решений, принятых на Берлинской конференции относительно послевоенных реалий в Центральной Европе. 18 марта 1946 г. в Варшаве был подписан Договор о дружбе и взаимной помощи между Польшей и Югославией [24, № 3 (6), 1946, с. 62—72]. Переговоры Тито в Чехословакии были довольно сложными из-за позиции чехословацких буржуазных политиков, занимавших тогда важные посты в правительстве и с опаской следивших за революционными изменениями в Югославии. Поэтому реакция президента Э. Бенеша и буржуазных министров на предложение о союзном договоре была отрицательной [25, р. 270—274]. Представители левого крыла Национального фронта чехов и словаков, и в первую очередь коммунисты, твердо выступили за подписание такого договора. Попытка затянуть переговоры не удалась, и 9 мая 1946 г. в Белграде был подписан договор о дружбе и сотрудничестве между Чехословакией и ФНРЮ [18, с. 319—325; 26, с. 270—274].

Характерно, что как в польско-югославском, так и в чехословацко-югославском договоре особо подчеркивалась необходимость совместной защиты против возможного повторения агрессии со стороны Германии, хотя в 1946 г., в условиях оккупации Германии союзными войсками, она не представляла прямой опасности для стран региона. Непосредственную угрозу представляла политика западных империалистических государств, их стремление сохранить и укрепить немецкий монополистический капитал и силы, связанные с ним. Поэтому наличие в договорах статей о защите против агрессии Германии и присоединившихся к ней стран было своего рода предупреждением агрессивным кругам Запада [27, с. 28—29]. В то же время представители Польши, Чехословакии и Югославии заявляли, что договоры полностью соответствуют духу Устава ООН и их подписание не является созданием какого-либо блока государств, направленного против других стран. Не имели под собой никакой основы высказывания западной реакционной печати о создании какого-то агрессивного «славянского блока» [28, д. 5531, л. 149].

Существенным компонентом складывавшейся новой системы двусторонних союзов в Центральной и Юго-Восточной Европе была нормализация межгосударственных отношений Польши и Чехословакии, в послевоенное время обоюдного стремившихся покончить с порой далеко не дружественными отношениями прошлых лет [29]. Самыми последовательными сторонниками нормализации межгосударственных связей были польские и чехословацкие коммунисты. Демократические силы в обеих странах смогли противостоять попыткам разжечь националистические настроения. Во второй половине 1946 г. после референдума в Польше и выборов в Чехословакии, принесших победу демократическим силам этих стран, процесс их сближения усилился. Польско-чехословацкие переговоры велись в ходе Парижской мирной конференции. Постепенно укреплялось экономическое сотрудничество между обеими странами, развивались контакты и в других сферах [28, л. 41]. 5 марта 1947 г., в период обсуждения германского вопроса на Лондонской конференции заместителей министров иностранных дел и накануне Московской сессии Совета министров иностранных дел (СМИД), в Польше и Чехословакии было оглашено коммюнике о достижении соглашения относительно текста договора между ними, что было расценено как демонстрация единства двух стран [30, с. 54; 31]. 10 марта 1947 г. Договор о дружбе и взаимопомощи между Польшей и Чехословакией был подписан [32, с. 245—247, 263—264]. Этот договор рассматривался в обеих странах как начало нового этапа в отношениях между ними, как фактор укрепления мира в Европе. В договоре фиксировалось обоюдное стремление обеспечить мирное развитие своих стран и взаимную защиту от германской агрессии, не участвовать ни в какой коалиции, направленной против одной из договаривающихся сторон, строить взаимные отношения на принципах дружбы и взаимопомощи. Понимание общности национально-государственных интересов и необходимости сотрудничества, заложенное в договоре, вкупе с его положениями, предусматривавшими совместные действия против возможной германской угрозы, сближало его с ранее заключенными двусторонними договорами СССР с Чехословакией, Польшей и Югославией. Специальным протоколом было признано необходимым путем дальнейших переговоров решить все спорные вопросы, в том числе и о польско-чехословацкой границе, что и было сделано в 1958 г. [33, с. 116]. Вскоре представители Польши и Чехословакии подписали серию соглашений по экономическим и культурным вопросам (15 документов), которые закрепляли стремление обоих государств расширить многосторонние формы сотрудничества [34, с. 63].

Договоры, заключенные между СССР и странами народной демократии и между самими этими странами в 1946—1947 гг., явились логическим завершением усилий Советского Союза и революционных сил Польши, Чехословакии и Югославии, направленных на укрепление дружбы, единства и всестороннего развития связей. Эти договоры создавали в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе цельную систему политических и экономических двусторонних контактов. Договоры гарантировали безопасность в данном регионе Европы и создавали благоприятные внешние условия для закрепления проводившихся в странах народной демократии глубоких преобразований, их дальнейшего развития. Возникновение договорной системы Советского Союза, Польши, Чехословакии и Югославии можно считать важнейшим вкладом в процесс формирования социалистического содружества. В отдельных странах новые отношения проявлялись с разной степенью глубины [35, с. 32]. Осуществлявшиеся в странах народной демократии национализация промышленности, аграрная реформа, монополизация внешней торговли, наращивание государственного потенциала во внутренней торговле в совокупности с дружественными внешнеполитическими акциями Советского Союза, приводили к постепенному сознательному принятию новой ориентации все более широкими социальными кругами, к трансформации стихийных просоветских настроений, нараставших в годы войны и ярко проявившихся в момент освобождения стран региона Советской Армией, в политически и классово осознанную позицию.

По мере укрепления демократических сил в каждом национальном обществе и утверждения ведущих общественно-политических позиций рабочего класса и его марксистско-ленинского авангарда, выработавшего новую внешнеполитическую концепцию, соответствовавшую национально-государственным интересам, в отношениях стран региона и СССР зарождались, накапливались и укреплялись в качестве главных принципы пролетарского интернационализма.

К весне 1947 г. международная обстановка в Европе и в мире претерпела серьезные изменения. Провозглашение так называемой «доктрины Трумэна», по сути дела, срыв западными державами сессии СМВД в Москве (март — апрель), выдвижение «плана Маршалла» — все это свидетельствовало о переходе на Западе от «жесткого курса» к открытой политике «холодной войны» против СССР и стран народной демократии. «Доктрина Трумэна» предусматривала не только размещение американских баз в Средиземноморье, не только прямую поддержку реакции в Греции и Турции с целью создания угрозы демократии на Балканах, но и «непрерывный нажим на государства новой демократии, выражающийся в фальшивых обвинениях в тоталитаризме и в стремлении к экспансии, в атаках на основы нового демократического режима, в постоянном вмешательстве во внутренние дела этих государств, в поддержке всех антигосударственных, антидемократических элементов внутри страны, в демонстративном прекращении экономических связей с этими странами»... [36, с. 35—36].

С целью проведения все той же экспансионистской политики, но более завуалированными методами, был задуман и «план Маршалла», намечавший предоставление экономической помощи европейским государствам в обмен на подчинение их национально-государственных интересов задачам империалистической политики. Принятие «плана Маршалла» 16 западно-европейскими странами, как известно, подготовило почву для возникновения военно-политического Западного союза (1948) и агрессивного Североатлантического блока (1949) [37, с. 257, 261—268].

Применительно к Центральной и Юго-Восточной Европе расчет, связанный с «планом Маршалла» сводился к тому, «чтобы прощупать их стойкость в экономическом отношении, ... реставрировать власть империализма в странах новой демократии и заставить их отказаться от тесного экономического и политического сотрудничества с Советским Союзом» [36, с. 38].

Буржуазная реакция в странах народной демократии восприняла переход западных держав к «холодной войне» и политике «с позиции силы» как сигнал к действиям. Занимая в некоторых странах еще значительные позиции в экономике, располагая определенными международными связями и пользуясь некоторым влиянием в обществе, эти круги решили использовать «план Маршалла» для изменения национальной внутренней и внешней политики.

Особые надежды на «план Маршалла» возлагала чехословацкая буржуазия, сумевшая к весне 1947 г. в значительной мере сохранить и укрепить ориентацию внешней торговли страны на капиталистический Запад, что осуществлялось в ущерб интересам республики. Например, утечка валюты в капиталистический мир к 1948 г. достигла около 3 млрд. крон [38, с. 47—60]. При обсуждении на заседании правительства вопроса об участии Чехословакии в «плане Маршалла» усилиями правых было принято половинчатое решение: не отказываться от американского предложения, посмотреть как будет конкретизирован этот план. После получения дополнительной информации о «плане Маршалла», обнажившей его империалистическую сущность, правительство ЧСР 10 июля 1947 г. заявило о своем отказе от участия в нем [39, с. 111].

Обострение международной обстановки, оформление военно-политического союза ряда капиталистических стран во главе с США, возрождение германского военно-политического потенциала, политика раскола Европы, проводившаяся западными державами, вызывали в антиимпериалистическом, демократическом лагере, возглавлявшемся СССР, стремление «сплотиться, выработать согласованную платформу действий, выработать

свою тактику против главных сил империалистического лагеря...» [36, с. 8]. Одним из главнейших направлений деятельности СССР и стран народной демократии по решению этой задачи было развитие и упрочение экономических взаимосвязей стран формировавшегося социалистического содружества, что приходилось решать в условиях искусственного разрыва ранее действовавших экономических контактов стран региона с западным миром, объявившим экономический бойкот СССР и странам народной демократии после их отказа от «плана Маршалла». Углубление и расширение экономического сотрудничества стран народной демократии и СССР становилось в этих условиях важнейшим фактором выполнения их народно-хозяйственных планов [35, с. 32].

В 1947 г. Польша подписала ряд новых экономических соглашений с СССР, которые способствовали выполнению трехлетнего плана восстановления польской экономики и переходу к ее реконструкции. В 1945—1949 гг. из СССР в Польшу было поставлено свыше 1 млн *t* зерна, 582,5 тыс. *t* нефти, свыше 2 млн *t* железной руды, более 170 тыс. *t* хлопка, а также значительное количество марганца, апатитов. Поставки товаров из Польши в СССР (уголь, прокат, цинк, цемент, ткани и др.) также имели важное значение, так как способствовали восстановлению их разрушенных хозяйств [3, т. IX, с. 244—250].

Активными и результативными были до 1949 г. экономические связи Югославии с СССР и странами народной демократии. На их долю приходилась половина всего внешнеторгового оборота республики [40, с. 57—58]. Со второй половины 1949 г. экономические связи ФНРЮ с Советским Союзом и государствами Центральной и Юго-Восточной Европы были прекращены вследствие нарушения нормальных межгосударственных политических отношений между ними.

Решающее значение экономические связи с СССР и странами народной демократии имели в восстановлении и модернизации народного хозяйства Албании. С помощью советских специалистов и по советской технологии в Албании была восстановлена и расширена нефте- и горнодобывающая промышленность [41, с. 23].

В середине 1947 г., когда Болгария приступила к выполнению двухлетнего плана, было подписано торговое соглашение, по которому СССР полностью удовлетворял потребности последней в нефтепродуктах, черных и цветных металлах. Кроме того, Болгария получала разнообразные химические товары, вагоны, автомашины, станки и т. д. Взамен она поставляла в СССР табак, руду, консервы и др. [42, с. 53].

По заключенному в феврале 1947 г. советско-румынскому торговому соглашению Румыния получала из Советского Союза крайне необходимое ей сырье, топливо, строительные и химические материалы. Серьезные изменения произошли в ориентации румынской внешней торговли: главными импортерами румынских товаров к концу 1947 г. были СССР, Чехословакия, Болгария, Венгрия, Югославия. Они же выступали основными экспортерами товаров в Румынию, правда, доля США во внешней торговле страны была еще значительной [21, с. 265—266].

Советский Союз в эти трудные послевоенные годы неоднократно приходил на помощь народам Центральной и Юго-Восточной Европы, страдавшим от повторявшихся неурожаев. Так, в 1945—1947 гг. в Чехословакию, Румынию, Польшу были поставлены сотни тысяч тонн зерна, что помогло им справиться с большими продовольственными трудностями.

Изменение внутренних экономических основ в результате коренных социально-экономических преобразований в странах народной демократии обусловило необходимость и возможность для некоторых из них, начиная с 1947 г., перейти от ежегодных торговых соглашений к долгосрочным экономическим договорам. При этом, эти договоры строились с учетом экономических возможностей и потребностей партнеров и с целью выполнения общей задачи — восстановления хозяйства и создания предпосылок к решению проблем следующего этапа социально-экономического развития стран региона. Они закрепляли общие принципы сотрудничества — взаимную выгоду и взаимную поддержку, что ярко проявилось уже в од-

ном из первых договоров от 22 апреля 1947 г., по которому Болгария получала из СССР разнообразное промышленное оборудование. Более развитая Чехословакия летом 1947 г. подписала долгосрочное соглашение с Польшей, также испытывавшей острую потребность в промышленной продукции [43, с. 64—65].

В декабре 1947 г. в Москве между СССР и ЧСР были подписаны Договор о торговле и судоходстве, соглашения о товарообороте и платежах и о научно-техническом сотрудничестве [44, с. 13—34]. Эти документы создавали устойчивую перспективу для дальнейшего планомерного развития чехословацкой экономики, предпосылки для структурных изменений народного хозяйства Чехословакии. В сущности, складывавшаяся система экономических соглашений была материализацией нового соотношения классовых сил в Чехословакии, решающей роли рабочего класса и построения отношений между двумя странами на принципах пролетарского интернационализма.

Значительную выгоду экономические соглашения с Чехословакией представляли и для СССР. Поставки чехословацкого оборудования способствовали переоснащению некоторых отраслей советской промышленности. Большое значение имел импорт предметов широкого потребления. Немаловажным для обеих сторон было и то, что оплата поставок производилась как товарами, так и сырьем. Уже в 1948 г. объем торговли Чехословакии с Советским Союзом был в три раза больше, чем в 1946 г., а в 1949 г. товарооборот возрос по сравнению с 1948 г. еще на 50% [45, с. 162].

В 1948 г. были заключены долгосрочные торговые договоры между СССР и Польшей, Польшей и Болгарией, Болгарией и Чехословакией, Чехословакией и Венгрией. Они создавали экономические предпосылки для реконструкции народного хозяйства этих стран.

Торгово-экономические соглашения между СССР и странами народной демократии, а также между самими странами народной демократии, оформленные в 1945—1947 гг., явились выражением новых экономических отношений внутри складывавшегося социалистического содружества. СССР, руководствуясь принципами пролетарского интернационализма и ленинскими нормами внешней политики, стремился помочь братским странам в деле возрождения их экономики, подорванной войной. Опираясь на помощь и поддержку СССР, страны Центральной и Юго-Восточной Европы смогли отстоять свою экономическую независимость, наладить послевоенную хозяйственную жизнь и достигли серьезных успехов в развитии своей экономики. По мере того, как углублялся и расширялся процесс демократических и социалистических преобразований, перестраивалась и система их внешнеэкономических контактов. Зарождались многосторонние торгово-экономические связи народно-демократических государств, хотя на этом этапе они строились, в основном, на двусторонней основе и главной их формой была торговля. Тем не менее произошло изменение удельного веса всех государств региона в товарообороте каждой из стран народной демократии. В 1948 г. он составлял: для Польши — 41%, Чехословакии — 32, Венгрии — 34, Румынии — 71, Болгарии — 78, Албании — 100% [46, с. 41—42]. На 1949 г. показатели эти еще выросли. Это был значительный рост, по сравнению с довоенным временем, свидетельствовавший об экономической переориентации в условиях «холодной войны» на внутренний социалистический рынок.

По мере укрепления экономических контактов стран народной демократии между собой и с Советским Союзом, в условиях политического сближения, происходили качественные изменения не только в характере, но и в формах сотрудничества. Вырисовывалась перспектива превращения сотрудничества СССР и стран народной демократии в органическую составную часть внутренних экономических процессов каждого государства [47, с. 506].

Торговые договоры и соглашения, заключенные к концу 40-х годов, не только способствовали успешному восстановлению и развитию национальной экономики, не только срывали империалистическую политику экономической блокады и дискриминации, политику экономического

давления с политическими целями, но и открывали новый этап в экономических отношениях — они основывались на принципах пролетарского интернационализма, составили основу для многостороннего экономического сотрудничества, закладывали новые формы экономических связей.

Поиски новых, более эффективных форм взаимодействия имели место еще до образования СЭВ и дали определенные результаты: в марте 1948 г. был, например, создан польско-чехословацкий Совет экономического сотрудничества, который разработал конкретную программу перехода от экономических контактов к экономическому союзу. В мае и сентябре 1948 г. Польша заключила экономические конвенции с Венгрией и Румынией, предусматривавшие такое использование взаимных ресурсов, которое позволяло бы уравнивать потребности хозяйства этих стран и подойти к координации в некоторых отраслях польской, венгерской и румынской экономики. В марте 1949 г. в Будапеште проходило совместное заседание Комиссии венгеро-польского сотрудничества, где обсуждались проекты венгерской пятилетки и польской шестилетки. Партнеры договорились, что, налаживая двусторонний обмен товарами, они будут руководствоваться не только торговыми задачами, но и интересами дальнейшего развития экономического сотрудничества в целом [28, д. 9807, л. 16]. Это было то новое в отношениях между СССР и странами народной демократии, что вскоре вылилось в организацию Совета Экономической Взаимопомощи.

В условиях резкого обострения международной обстановки и формирования агрессивного блока капиталистических государств СССР и страны народной демократии должны были, защищая революционные завоевания, углублять союзнические отношения. Система ранее заключенных двусторонних договоров была в конце 1947—1949 гг. дополнена серией новых договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

В первую очередь были оформлены межгосударственные отношения СССР с Болгарией, Венгрией и Румынией. Международно-правовое положение этих стран до 1947 г. не было окончательно урегулировано. Источником ограничений на международной арене, установленных союзниками для Болгарии, Венгрии и Румынии, было их недавнее прошлое бывших сателлитов гитлеровской Германии. Но, если Советский Союз, руководствуясь демократическими принципами общения между народами, после перемирий взял курс на включение этих стран в борьбу против фашистской Германии, налаживал добрососедские отношения с народно-демократическими правительствами и боролся за подписание таких мирных договоров, которые бы облегчили этим странам переход к экономическому и общему национальному возрождению после войны [48, с. 38—39], то западные державы проводили совершенно иную политику. Они стремились использовать любые возможности для вмешательства во внутренние дела Болгарии, Венгрии и Румынии с целью воспрепятствовать глубоким внутренним общественным преобразованиям. Подписание мирных договоров в феврале 1947 г. утвердило международное равноправие этих стран, устранило ограничения их внешнеполитической активности и сузило сферу для попыток иностранного давления на внутри- и внешнеполитический курс [49]. Был открыт путь к урегулированию межгосударственных отношений Болгарии, Венгрии и Румынии с другими странами, к закреплению уже существующих демократических и дружественных связей с СССР и народно-демократическими странами соответствующими юридическими документами.

В конце 1947 г. были начаты переговоры Советского Союза с Венгрией, Румынией и Болгарией о заключении договоров. 18 февраля 1948 г. состоялось подписание договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Венгрией, 4 февраля — между Советским Союзом и Румынией, 18 марта 1948 г. — между Советским Союзом и Болгарией [50, с. 52—55, 127—130, 158, 161].

По своему содержанию и основным положениям подписанные договоры были идентичны и закрепляли военно-политический союз договаривающихся стран. Эти договоры преследовали те же цели, что и предшество-

вавшие им договоры между СССР, Польшей, Чехословакией и Югославией — создание прочного союза против возможной агрессии со стороны германского империализма или какого-либо другого государства, объединившегося с ним, и укрепление экономического, культурного и политического сотрудничества братских стран, защиту революционных завоеваний, сотрудничество в интересах всеобщего мира и безопасности в соответствии с целями и принципами ООН. В то же время они фиксировали уже не только демократические нормы взаимоотношений между государствами, но и переход к принципиально новым межгосударственным отношениям — отношениям между странами зарождающегося социалистического содружества.

Параллельно шла подготовка к заключению союзных договоров Польши и Чехословакии с Румынией, Болгарией и Венгрией. Это был в целом единый процесс формирования новой системы союзов в Центральной и Юго-Восточной Европе. Но в ходе работы над текстом каждого договора выявлялись некоторые особенности, вытекавшие из различного социально-экономического уровня отдельных стран, различных исторических традиций, степени развитости взаимных связей и отношений. Эти обстоятельства оказывали порой сдерживающее влияние на переговоры. Так, подготовка договора между Чехословакией и НРБ затянулась почти на год. Несмотря на наличие принципиальной договоренности о заключении договора, конкретное содержание его оставалось спорным для обеих сторон. Чехословацкое правительство настаивало, чтобы договор с Болгарией по форме и по содержанию соответствовал договорам СССР с Чехословакией, Польшей и Югославией, т. е. был бы направлен только против Германии и государств, которые бы к ней присоединились. Болгарское же правительство считало, что документ должен быть более широким и включать обязательства о помощи против любого агрессора [51]. Объяснялось это тем, что в условиях начавшейся «холодной войны» Болгария чувствовала угрозу с юга и юго-запада, ибо ее соседи — Греция и Турция — втягивались в агрессивный Западный блок. Здесь и кроется объяснение позиции чехословацких буржуазных деятелей, еще оказывавших определенное влияние на внешнюю политику страны, их нежелание идти на обострение отношений с Западом. В конце 1947 — начале 1948 г. болгарская сторона также проявила сдержанность в заключении чехословацко-болгарского договора, выжидая прояснения политической ситуации в Чехословакии. После победы в Чехословакии в феврале 1948 г. рабочего класса во главе с КПЧ и устранения с политической арены страны представителей реакции, открылся путь к подписанию договора между Чехословакией и НРБ. Подписанный 23 апреля 1948 г. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи по своему содержанию был идентичен договорам СССР с Болгарией, Румынией и Венгрией. 29 мая 1948 г. ПР и НРБ также подписали Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи [52], статьи которого включали обязательства о взаимопомощи против агрессора, о взаимных консультациях. Статьи о развитии экономических и культурных связей совпали с текстом соответствующих статей чехословацко-болгарского договора.

Договорная система Болгарии с народно-демократическими государствами была завершена подписанием в Софии 16 июля 1948 г. болгаро-венгерского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи [53].

Без особых трудностей оформлялся аналогичный договор между ПР и ВНР в Варшаве 18 июня 1948 г. [24, № 6, 1948].

Активизация контрреволюционных сил в конце 1947 — начале 1948 г. в Румынии и Чехословакии несколько задержала конкретные переговоры относительно договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который был подписан в Бухаресте лишь 21 июля 1948 г. Содержание его совпадало с вышеупомянутым договором [32, с. 265—267].

Польская Республика подписала с Румынской Народной Республикой соответствующий договор 26 января 1949 г. [24, № 2, 1949].

Мирный договор с Венгрией, подписанный в Париже 10 февраля 1947 г., был первым шагом к нормализации чехословацко-венгерских от-

ношений, отягощенных наследием прошлого, реминисценциями политики ревизии границ в среде правого руководства венгерской Партии мелких сельских хозяев в послевоенный период, а также националистическим отношением мелкобуржуазных кругов Чехословакии к венгерскому национальному меньшинству в южной Словакии [54, с. 487—489; 55]. Только устранение с политической арены обеих стран представителей эксплуататорских классов как носителей агрессивных, шовинистических идей, открыло путь к подлинной дружбе и сотрудничеству между Венгрией и Чехословакией.

16 апреля 1949 г. в Будапеште был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. От других договоров между народно-демократическими странами чехословацко-венгерский отличался обширной преамбулой, в которой освещалось длительное и сложное развитие взаимоотношений между двумя сторонами [32, с. 219—222; 23].

Заключение двусторонних договоров между СССР и государствами народной демократии, а также между самими этими государствами в 40-е годы знаменовало собой оформление в регионе договорно-правовой системы нового типа. В них нашли свое отражение и международно-политическое закрепление новые принципы — братской дружбы и взаимопомощи, которые стали определять основное содержание взаимоотношений между странами рождающегося социалистического содружества [56 с. 53].

Договоры исходили из признания подлинного равноправия партнеров, взаимного уважения государственных интересов. Договоры вызывались к жизни общностью главных внешнеполитических проблем, стоявших перед СССР и государствами Центральной и Юго-Восточной Европы. Это были: в годы войны — разгром фашизма, после 9 мая 1945 г. — создание благоприятных внешнеполитических условий для победы социализма в регионе. Поэтому договоры 40-х годов, хотя и заключенные на двусторонней основе, закрепляли формирующиеся союзнические политические отношения, а также складывающееся многоплановое дружественное сотрудничество СССР и стран народной демократии.

Двусторонние договоры 40-х годов служили делу защиты независимости, территориальной целостности и коллективной безопасности государств, их подписавших. Они отвечали принципам Устава ООН, укрепляли международное сотрудничество в то время, когда империалистические силы открыто объявили «холодную войну» миру демократии и социализма.

Формирование новой договорной системы в регионе имело большое значение для объединения внешнеполитических усилий стран региона и по такому важному вопросу, как германский. СССР и народно-демократические государства использовали все свое влияние и международный авторитет для того, чтобы сорвать планы правящих кругов западных держав по расколу Германии [57, с. 110—113].

В Восточной Германии СССР последовательно проводил в жизнь все решения, выработанные на конференциях членов антигитлеровской коалиции. Такие исторические преобразования, как демократическая аграрная реформа, экспроприация собственности нацистских и военных преступников и ее обобществление, ликвидация экономической мощи монополий и банков, создание нового демократического аппарата управления, реформа общеобразовательной и высшей школы и ряд других мероприятий, проводились при благоприятном содействии Советской военной администрации в Германии (СВАГ). В результате создавались новые основы политического и социально-экономического развития этой части Германии. СВАГ оказывала всестороннюю поддержку немецким демократическим силам. Глубокие перемены, происходившие в странах народной демократии и Восточной Германии, создавали объективные условия для изменения всего комплекса отношений немецкого и соседних с ним народов. Постепенно возникали и контакты некоторых стран народной демократии с восточной частью Германии. Первым государством, которое заключило (1946) торговое соглашение с Восточной Германией, была Польша.

Ускоренное оформление сепаратного западно-германского государства завершилось в сентябре 1949 г. образованием ФРГ. 7 октября Немецкий

народный конгресс принял исторические решения, ознаменовавшие рождение Германской Демократической Республики. Создание ГДР имело огромное международное значение. Глава Советского правительства И. В. Сталин в телеграмме президенту ГДР В. Пику и премьер-министру О. Гротеволу писал об этом событии как о поворотном пункте в истории Европы [58]. Вслед за Советским Союзом Временное правительство ГДР признали Польша и Чехословакия, затем Болгария, Венгрия, Румыния, КНР, КНДР, Албания, а в 1950 г. — Монголия. Создание ГДР явилось важным звеном процесса укрепления мировой социалистической системы.

К концу 40-х годов относится полоса дипломатического признания Советским Союзом и европейскими странами народной демократии некоторых государств азиатского континента, отпавших от капиталистического мира [59]. Развитие прогрессивных политических и социально-экономических процессов в этих государствах служило объективной основой для установления с ними дружественных отношений.

Таким образом, на заключительном этапе второй мировой войны и в первый послевоенный период от системы капитализма отпала группа стран Центральной и Юго-Восточной Европы, что означало выход социализма за рамки одной страны и превращение его в мировую систему. Вторая половина 40-х годов явилась временем смены в указанном регионе типа международных связей. Действовавшие здесь ранее отношения господства и подчинения, присущие капиталистической системе, сменились товарищеским сотрудничеством и взаимопомощью. Причем, развитие этого процесса в каждой стране было разным и по темпам и по конкретному выражению.

Межгосударственные контакты между народно-демократическими и социалистическими государствами претерпели постепенную эволюцию от отношений, базировавшихся на общедемократических принципах межгосударственного общения (добровольность, суверенность, независимость, территориальная целостность, равноправие, невмешательство во внутренние дела, взаимная выгода), к отношениям, включавшим не только общедемократические принципы, но и строившимся на принципах пролетарского интернационализма (братское сотрудничество, взаимопомощь, солидарность и координированность действий на международной арене, совместная защита революционных завоеваний) [60, с. 14, 115, 229, 235].

Развитие новых, в 40-е годы еще разных по степени зрелости, международных связей происходило параллельно со становлением социализма в отдельных странах. Они зарождались уже в тот период, когда вопрос о политической власти в странах региона еще не был решен окончательно, когда социально-экономические преобразования находились в стадии осуществления. Гегемония пролетариата в политической жизни общества стран региона, его главная роль в государственном аппарате, нарастание (разными темпами в каждом конкретном случае) элементов диктатуры пролетариата, ее утверждение обеспечивали необходимые условия не только для завершения народно-демократических и социалистических преобразований в регионе, но и для процесса становления межгосударственного сотрудничества на новых принципах уже на пути к победе социализма.

Принципы пролетарского интернационализма постепенно, по мере укрепления народной власти, становились всеобъемлющей основой отношений. Этот процесс сознательно регулировался народной властью [61, с. 105]. В свою очередь сознательно организуемое межгосударственное сотрудничество, демонстрируя «относительную самостоятельность международных отношений в интересах общественного прогресса» [60, с. 11—12, 110], играло важную роль в ходе складывания и укрепления мировой системы социализма, ускоряло развитие внутренних преобразований в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

В связи со сложностью международной обстановки конца 40-х годов, вызванной созданием империалистических военных блоков, и необходимостью окончательного разгрома внутренних контрреволюционных сил, а также завершения революционных преобразований возникла задача, обеспечения национальной независимости и суверенитета, защиты демо-

кратических и социалистических завоеваний. Постепенно складывался оборонительный, направленный на предотвращение новой агрессии сил империализма политический союз братских равноправных и суверенных стран, базирующийся на двустороннем сотрудничестве. Еще на заре Советской власти В. И. Ленин подчеркивал: «...стоя против огромного фронта империалистических держав, мы, борющиеся против империализма, представляем собой союз, требующий тесного военного сплочения...» [62]. Будучи важным фактором начальной стадии формирования этого союза, двусторонние договоры о дружбе и взаимопомощи являли собой материализацию очевидных тенденций к сплочению идейно-политических союзников. Причем основным звеном системы союзов был СССР. Отражая государственную политику новой власти, а именно власти народных масс, эти договоры создали политическую базу для гармоничного развития различных видов межгосударственных отношений в сферах экономики, культуры, идеологии, широко понимаемой общественной жизни стран региона.

Начавшиеся в 40-е годы сближение государств и народов Центральной и Юго-Восточной Европы было интегральной частью процесса развития социализма как в национальных, так и в интернациональных границах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Носкова А. Ф., Поп И. И. Из истории складывания нового внешнеполитического курса стран Центральной и Юго-Восточной Европы в годы второй мировой войны. — Советское славяноведение, 1982, № 5.
2. Polska Ludowa — Związek Radziecki. 1944—1974. Zbiór dokumentów i materiałów. Warszawa, 1974.
3. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VIII. М., 1974; Т. IX. М., 1976.
4. Trybuna Wolności.
5. Głos ludu.
6. Парсаданова В. С. Советско-польское экономическое сотрудничество в 1945—1949 гг. — Советское славяноведение, 1977, № 2.
7. Cestou května. Dokumenty z počátků naší národní a demokratické revoluce. Duben 1945 — květen 1946. Praha, 1975.
8. Шмераль Я. Б. Расстановка политических сил в Чехословакии после освобождения страны и стратегическая линия КПЧ. — Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.
9. Z nejnovejších dějin československo-sovětských vztahov po roku 1945. — Slovanské štúdie. Bratislava, 1962.
10. Шляхом до щастя. Нариси історії Закарпаття. Ужгород, 1973.
11. Voráček E. Předpoklady a počátek československo-sovětské hospodářské spolupráce v roce 1945. — Slovansky přehled, 1978, № 3.
12. Колодникова Л. П. Советско-чехословацкие экономические отношения. — Вопросы истории, 1978, № 5.
13. Советско-чехословацкие отношения 1945—1960. Документы и материалы. М., 1972.
14. 50 лет советской внешней торговли. М., 1967.
15. Тито И. Б. Избранные статьи и речи. М., 1973.
16. История Румынии 1918—1970. М., 1971.
17. История Венгрии. Т. 3. М., 1972.
18. Gibianskij L. J. K otázke spolupráce Československa, Polsko a Juhoslávie v boji za upravení ľudovodemokratického zriadenia (1945—1946). — Historický časopis, 1971, № 3.
19. Советско-болгарские отношения и связи. 1944—1958. М., 1981.
20. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. Т. 5. М., 1964.
21. Румыния в годы народно-демократической революции 1944—1947 гг. М., 1974.
22. Otázky mezinárodních vztahů, d. 4. Praha, 1963.
23. Cierna-Lantayova D. O nové Maďarsko. Bratislava, 1979.
24. Zbiór dokumentów. Warszawa.
25. Korbel J. Tito's Communism. Denver, 1951.
26. Cierny J. Nová orientácia zahrani nej politiky Československa (1941—1948). Bratislava, 1979.
27. Григорьянц Т. Ю. К вопросу о формировании договорной системы СССР и народно-демократических стран Центральной и Юго-Восточной Европы в 1945—1947 гг. — Советское славяноведение, 1980, № 1.
28. Центральный Государственный Архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 4459, оп. 27/1, ч. 2.
29. Kaňa O., Pavelka R. Těšinsko v polsko-československých vztazích 1918—1939. Ostava, 1970.

30. Sprawy międzynarodowe, 1968, № 11.
31. О некоторых вопросах польско-чехословацкого договора от 10 марта 1947 г. см. также Przegląd historyczny, 1982, № 3.
32. Dokumenty československé zahraničny politiky 1945—1960. Praha, 1960.
33. Kształtowanie się nowych założeń czechosłowackiej polityki zagranicznej w latach 1943—1948.— Sprawy międzynarodowe, 1971, № 5.
34. Гайда Э. Внешняя политика ПНР (1944—1975). М., 1977.
35. Орлик И. И. СССР и возникновение отношений нового типа.— История СССР, 1973, № 3.
36. Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г. М., 1948.
37. История дипломатии. Т. V, кн. 1. М., 1974.
38. Černá kniha kapitalistického hospodárení před Unorem 1948. Praha, 1948.
39. Veselý Z. Podstata Marshallova plánu a postoj Československa.— Acta Universitatis Carolinae Philosophica et historica. Studia historica XVIII. Praha, 1978.
40. Пекшев В. А. Развитие экономики ФНРЮ. М., 1956.
41. Тягуленко Л. В. Развитие экономики Народной Республики Албании. М., 1960.
42. Санажоев Ш. П. Мировая система социализма. М., 1968.
43. Zeszyty naukowe Uniwersytetu Łódzkiego, № 7. Łódź, 1976.
44. Voráček E. Politické aspekty československo-sovětských hospodářských dohod uzavřených v prosinci 1947.— Slovanský přehled, 1982, № 2.
45. Экономическое сотрудничество и взаимопомощь между Советским Союзом и европейскими странами народной демократии. М., 1958.
46. Внешняя торговля стран народной демократии. М., 1955.
47. Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.
48. Советские делегации на Парижской мирной конференции. М., 1947.
49. Жигня К. Л. Подготовка и заключение мирных договоров с Болгарией, Венгрией и Румынией после второй мировой войны. (Дипломатическая история.) Кишинев, 1981.
50. Внешняя политика Советского Союза. 1948. Ч. I. М., 1950.
51. Rudé právo, 6 IX 1947.
52. Народна Република България. Договори. Договор за приятелство, сътрудничество и взаимопомощи между Народната Република България и Полската Република. София, 1948.
53. Тодорова Р. Външната политика на България (февруари 1947—януари 1949).— Международни отношения и външна политика на България след втората световна война. София, 1982.
54. Zahorská D. Vyvin koncepcii maďarskej zahraničnej politiky 1944—1946.— Slovanský přehled, 1971, č. 6.
55. Zvara J. Maďarska menšina na Slovensku po roku 1945. Bratislava, 1969.
56. История внешней политики СССР. Т. 2. 1945—1975. М., 1976.
57. Галкин А. А., Мельников Д. СССР, западные державы и германский вопрос 1945—1965. М., 1966.
58. Правда, 14 X 1949.
59. Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенный период. Т. I. 1945—1957. М., 1978.
60. Социализм и международные отношения. М., 1978.
61. Реальный социализм. Философские проблемы общественного развития. М., 1979.
62. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 98.

ОПЫТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЧЕХОСЛОВАКИИ В РЕШЕНИИ АГРАРНО-КРЕСТЬЯНСКОГО ВОПРОСА

В шестидесятилетней истории Коммунистической партии Чехословакии можно выделить четыре основные этапа в политике партии по крестьянскому вопросу: 1) борьба за принятие ленинской постановки аграрно-крестьянского вопроса в период от образования КПЧ до VI съезда партии — т. е. до 1931 г.; 2) реализация политики рабоче-крестьянского союза в годы экономического кризиса и борьбы в защиту республики, за создание единого народного фронта против фашизма; 3) демократическая фаза в решении крестьянского вопроса как форма подхода к социалистической революции; 4) социалистические преобразования сельского хозяйства после февраля 1948 г.

Февральские события 1948 г. открыли возможность последовательного осуществления программы социалистических, экономических, социальных, культурных и других преобразований, коренным образом изменивших чехословацкую деревню. Этот процесс продолжается и в настоящее время.

Следует отметить, что рубежи названных этапов относительно и подвижны. Анализ их взаимосвязи и взаимообусловленности дает ключ к правильному пониманию закономерностей и тенденций развития аграрной политики КПЧ. Компартия Чехословакии прошла долгий путь борьбы за освобождение крестьянства — своего естественного и ближайшего союзника в революции и созидательной деятельности — от классового гнета, эксплуатации, нищеты, успешно сотрудничая с ним в строительстве социализма вот уже более четверти века.

Правда, КПЧ не сразу приняла ленинскую постановку аграрно-крестьянского вопроса, хотя Третий Интернационал рассматривал отношения к нему как одно из важнейших условий приема в Коммунистический Интернационал. Так, в первой аграрной программе КПЧ, опубликованной в 1922 г., нашло отражение отрицательное отношение партии к разделу земли среди крестьян при осуществлении аграрной реформы: парцелляция земли, указывалось в этом документе, будет препятствовать созданию в перспективе социалистического крупного производства в сельском хозяйстве. В проекте тезисов по аграрному вопросу в Чехословакии говорится: «Экспроприацию крупных земельных владений победивший пролетариат проведет относительно без особого труда. Учитывая сравнительно значительный рост сознательности нашего сельскохозяйственного пролетариата, переход к коллективному производству не может нанести серьезного ущерба, который поставил бы под угрозу снабжение продуктами питания остальные слои населения. Это понимает и аграрная буржуазия (помещики), стремящаяся своими коварными законами о земельной реформе как можно больше раздробить помещичьи земли и тем самым по-

дорвать основу для ведения крупного сельскохозяйственного производства...» [1].

По существу, здесь содержался ответ на вопрос, как поступить после революции с землей, конфискованной у крупных землевладельцев. На этой земле — в соответствии с положениями аграрной программы КПЧ от 1922 г. — планировалось создание «трудовых кооперативов сельскохозяйственных рабочих». Идя навстречу требованиям крестьян о земле, аграрная комиссия ЦК КПЧ приняла компромиссное решение, рекомендуя передать часть конфискованной помещичьей земли в аренду малоземельным крестьянам. В проекте тезисов содержались социал-демократические требования: «Трудовые кооперативы (общества) сельскохозяйственных рабочих, которые получают в аренду экспроприированные крупные поместья для коллективного ведения хозяйства, передадут часть земли малоземельным крестьянам для увеличения их индивидуальных участков; таким образом они также станут членами трудовых обществ со всеми вытекающими из этого преимуществами» [1].

Такие предложения были ошибочными, неприемлемыми для малоземельного крестьянства и находились в противоречии с линией, намеченной II конгрессом Коммунистического Интернационала, который рекомендовал принимать такие решения по аграрному вопросу, которые способствовали бы упрочению союза рабочего класса и крестьянства. «Ради успеха этой революции пролетариат не вправе останавливаться перед временным понижением производства...», — отмечал В. И. Ленин и делал вывод: «Обеспечение пролетарской победы и ее устойчивости есть первая и основная задача пролетариата» [2, т. 41].

Борьба за большевизацию рядов КПЧ, за марксистско-ленинское учение о рабоче-крестьянском союзе составляет один из важнейших этапов истории КПЧ, который получил освещение в целом ряде исторических монографий и статей чехословацких историков. Не только в 1929 г., когда состоялся V съезд КПЧ, но и в последовавший за ним период не были преодолены все недостатки в подходе к решению аграрно-крестьянского вопроса, хотя V, а затем и VI съезды КПЧ создали важнейшие условия для проведения политики, направленной на овладение ленинскими методами работы в деревне. VI съезд КПЧ скорректировал стратегические и тактические задачи партии, наметив в качестве главной и непосредственной цели «...завоевание большинства рабочего класса, завоевание пролетариатом гегемонии в движениях других угнетаемых капиталом классов, прежде всего крестьянских масс» [3]. Каждый этап в развитии КПЧ означал ее обогащение новым опытом в вопросе о путях формирования союза рабочего класса и крестьянства, независимо от того, были ли это годы экономического кризиса, годы борьбы за создание народного фронта в защиту республики, годы антифашистского сопротивления во второй мировой войне, период перерастания национально-демократической революции в социалистическую или же последние 30 лет, когда рабоче-крестьянский союз стал движущей силой глубоких структурных преобразований социалистического характера.

С точки зрения международного значения опыта КПЧ в сфере крестьянской политики особый интерес представляет период после второй мировой войны. Благоприятные условия, сложившиеся в результате победы национально-демократической революции и освобождения Чехословакии Советской Армией, позволили партии избрать путь мирного перерастания демократической революции в социалистическую, путь постепенного осуществления демократических аграрных преобразований, которые наглядно убедили трудящиеся слои крестьянства в единстве его коренных интересов с интересами рабочего класса, что обеспечило в кризисные дни 1948 г. поддержку ими политики правительства Клемент Готвальда.

Изучение чехословацкой революции, анализ стратегии и тактики КПЧ в 1944—1948 гг. возвращают нас к середине 30-х годов, когда были заложены теоретические основы политики КПЧ. В этот период буржуазная демократия находилась в состоянии глубокого кризиса. Возникла опасность, что «демократические» группировки буржуазии в союзе с правыми

лидерами «социалистических» партий расчистят путь фашизму раньше, чем созреют условия для проведения революции. Это поставило перед международным коммунистическим и рабочим движением задачу найти новые пути и формы подхода к социалистической революции, которые должны были объединить вокруг рабочего класса большинство непролетарских слоев трудящихся. Такой путь был намечен в решениях VII конгресса Коммунистического Интернационала (1935), ориентировавшего коммунистическое движение на создание народных антифашистских фронтов, на борьбу за установление их власти.

Решения VII конгресса Коммунистического Интернационала послужили основой при разработке новой аграрной программы КПЧ, направленной на защиту трудящихся слоев деревни, с которой партия выступила перед крестьянами в ноябре 1935 г. (т. е. еще до VII съезда КПЧ) [4, с. 292—340]. Отказавшись от политики нейтрализации середняка, КПЧ в новой программе акцентировала внимание прежде всего на требованиях, отвечавших интересам всех трудовых слоев деревни [4, с. 259, 277]. При этом КПЧ проводила политику строгой дифференциации по отношению к сельской буржуазии. Острые аграрной программы КПЧ было нацелено прежде всего против реакционной верхушки аграрной буржуазии, которая вместе с финансово-монополистическими кругами стала главным носителем фашистских тенденций в Чехословакии. Таким образом, представления о ближайших союзниках рабочего класса существенно изменялись, широко понимаемый рабоче-крестьянский союз становился основой движения народного фронта против фашизма, в защиту государственной независимости Чехословакии. Эти принципы затем легли в основу формирувавшейся концепции решения крестьянского вопроса, одобренной VII съездом КПЧ в апреле 1936 г.

Решения VII съезда представляли собой конкретное применение в условиях Чехословакии ленинской теории социалистической революции. Московское руководство КПЧ обращалось к этим решениям в годы второй мировой войны и учитывало их при разработке программы, конкретизировавшей масштабы и глубину экономических и социальных реформ национально-демократической революции. Аграрная часть программы, несмотря на то, что народно-демократическая Чехословакия в 1945 г. являлась в целом экономически развитым государством с развитой промышленностью, занимала ключевое место в концепции революционных преобразований чехословацкого общества. Буржуазные партнеры по Национальному фронту чехов и словаков уже не могли после уроков Мюнхена и второй мировой войны отстаивать идею реставрации государственно-политической системы довоенной Чехословакии и были вынуждены согласиться с аграрной частью кошицкой программы.

Это была последовательно демократическая программа: она предусматривала завершение демократической революции в сельском хозяйстве в результате проведения аграрной реформы, которая приведет к уничтожению буржуазно-помещичьего и церковного владения землей и распределению ее среди трудящегося крестьянства, прежде всего среди безземельных и других слоев деревенской бедноты в соответствии с принципом «земля принадлежит тем, кто на ней работает». Предполагалось, что реформа будет осуществляться постепенно. На первом после освобождения страны этапе предусматривалась «конфискация земли врагов и предателей... активно способствовавших расчленению и оккупации Чехословакии» [5]. Церковные земли и большая часть поместий чешских и словацких крупных собственников оставались в руках прежних владельцев. Такое решение, хотя и не ликвидировавшее по объективным причинам земельный голод в стране и даже затормозившее развитие революционного процесса в Словакии [6], стало, однако, экономической и политической основой новой крестьянской политики КПЧ. Эта политика не только предусматривала вовлечение в борьбу против буржуазии пролетарских и полупролетарских слоев крестьянства, но и давала возможность обеспечить союз со средним крестьянством [7].

Расширение социально-классовой базы аграрной революции после

обнародования так называемых законов Дюриша (осень 1946 г.) и Градецкой программы (апрель 1947 г.) ускорило процесс политической дифференциации сельского населения и формирования движущих сил чехословацкой революции. Параллельно с осуществлением второго и третьего этапов послевоенной земельной реформы, которые привели к ликвидации в стране крупных землевладений, превышающих 50 га, и передаче земли трудящемуся крестьянству [8], проводился целый ряд мероприятий в сфере страхования, налоговой политики, механизации сельского хозяйства с целью оказания максимальной помощи прежде всего трудящимся слоям крестьянства и постепенного привлечения среднего крестьянства на сторону народной власти и проводимой ею новой крестьянской политики.

Все это привело к значительному ослаблению позиций аграрной буржуазии, включая кулачество, положило начало политике его ограничения и вытеснения, стало основой формирования Компартией Чехословакии классового рабоче-крестьянского союза. Демократическая фаза в крестьянской политике КПЧ сыграла важнейшую роль в складывании союза рабочего класса с малоземельным и средним крестьянством, союза, обеспечившего в критические дни февральского кризиса поддержку основными массами деревни правительства Клемента Готвальда.

После поражения буржуазии и установления диктатуры пролетариата КПЧ разработала генеральную линию строительства социализма в Чехословакии. В программе IX съезда КПЧ (1949) учитывались как исторические и национальные особенности Чехословакии, так и сложившиеся после февраля 1948 г. качественно новые условия развития чехословацкого общества, опыт социалистического строительства СССР, а также потребности социалистического народного хозяйства и изменения в международной обстановке, происшедшие в результате распада антигитлеровской коалиции и образования мировой социалистической системы. IX съезд КПЧ исходил из того, что особенности социалистического строительства в Чехословакии могут проявляться лишь в рамках единого революционного процесса, развивающегося по общим для всех стран законам¹.

Этими принципами КПЧ руководствовалась и в своей политике в деревне. Уже последние два этапа послевоенной земельной реформы, выйдя за демократические рамки, сливались с начальным периодом коллективизации. Переход от демократической фазы крестьянской политики к социалистическому кооперированию диктовался новыми условиями, необходимостью ликвидировать противоречие между национализированной социалистической промышленностью и мелкобуржуазными тенденциями. Представления о направлениях перестройки крестьянского мелкобуржуазного производства складывались с учетом опыта коллективизации в Советском Союзе, с учетом имевших всеобщую значимость принципов теоретического наследия В. И. Ленина по этому вопросу. В трудных внутренних и международных условиях, в обстановке осложнившихся отношений в международном коммунистическом движении КПЧ творчески подходила к решению проблемы социалистического преобразования сельского хозяйства. Закон о Единых сельскохозяйственных кооперативах (ЕСХК), принятый Национальным собранием в феврале 1949 г., отражал утвержденную IX съездом КПЧ линию на социалистическую перестройку деревни, соединившую в себе прогрессивные национальные традиции чешского и словацкого кооперативного движения с новым социалистическим содержанием. Необходимо отметить, что закон о ЕСХК и решения IX съезда КПЧ, наметившие генеральную линию социалистического преобразования сельского хозяйства, претворялись в жизнь на основе творческого применения марксистско-ленинской теории, в ходе продолжавшихся поисков, размышлений, обмена мнениями и консультаций с братскими коммунистическими партиями.

Составной частью процесса разработки курса, предусматривавшего

¹ См. выступление К. Готвальда в день открытия музея В. И. Ленина в Народном доме в Праге 21 января 1953 г. [9].

постепенную социалистическую перестройку сельского хозяйства, явилось преодоление демократических иллюзий и имевших место представлений о необходимости оставить в дальнейшем неизменной прежнюю политику партии, законсервировать систему крестьянского мелкотоварного производства, сформировав на этой основе рыночные отношения между национализированной промышленностью и мелкотоварным сельским хозяйством. Наряду с этим существовала и полярная точка зрения, согласно которой отрицалась необходимость какой-либо преемственности с политикой партии дофевральского периода, требовалось ускорение темпов социалистической коллективизации.

Отклонив указанные две крайности, IX съезд КПЧ принял в качестве основы своей деятельности ленинский кооперативный план. Несмотря на значительную материальную помощь государства в 1945—1949 гг., мелкотоварное сельскохозяйственное производство отставало от потребностей общества, от быстрого роста промышленного производства. Кроме того, «консервирование мелкого производства» представляло угрозу завоеваниям Февраля, вело к сохранению прежней классовой структуры в деревне с ее мелкобуржуазными и частнокапиталистическими тенденциями, к отрицательным последствиям в развитии рабоче-крестьянского союза. Руководствуясь политическими, экономическими и социальными мотивами, стремлением создать единое социалистическое народное хозяйство, КПЧ избрала социалистический путь решения крестьянского вопроса, проверенный Коммунистической партией Советского Союза в практике колхозного строительства.

Реализация генеральной линии в области перестройки сельского хозяйства привела к глубочайшим социально-экономическим преобразованиям в чехословацкой деревне. Сложность, многогранность и противоречивость этого периода уже нашла частичное освещение в нашей историографии. Необходимо подчеркнуть, однако, что это были лишь первые попытки изучения отдельных аспектов процесса кооперирования. Следует отметить также, что первые исследователи истории коллективизации пока не располагают еще достаточно полной и всеобъемлющей документальной базой, которая позволила бы тщательно проанализировать не только главные направления развития и основные закономерности перехода от мелкотоварного к социалистическому крупному производству, но и способствовала бы в то же время изучению региональных особенностей. В концепции коллективизации чешская и словацкая специфика играла отнюдь не второстепенную роль. КПЧ обосновывала этой спецификой свой выбор тех или иных методов работы среди крестьянства, а также формы перехода к социалистическому преобразованию сельского хозяйства и его этапы. Задачу масштабного и комплексного подхода к решению вопросов изучения истории КПЧ периода социалистического кооперирования невозможно решить с помощью старых методов. Высокой оценки в этой связи заслуживает Единая программа развития общественных наук после XV съезда КПЧ, принятая Президиумом ЦК КПЧ 17 июня 1977 г. прежде всего потому, что этот документ наметил главные направления исследований, акцентировав внимание на необходимости комплексного изучения проблем строительства развитого социализма в ЧССР. Значение этого документа состоит еще и в том, что он создал условия для «объединения сил и средств институтов и коллективов в области общественных наук для выполнения решающих задач», подчеркнул необходимость уделить «большое внимание междисциплинарному сотрудничеству, самым тесным контактам между отдельными дисциплинами в решении поставленных задач» [10]. Такой подход позволил преодолеть определенные институциональные препятствия, объединить специалистов с общими интересами и продолжить исследование крестьянской политики КПЧ в период социалистического строительства уже на интердисциплинарном уровне (история, социология, политическая экономия, научный коммунизм и этнография).

Приобретенный КПЧ в реализации ленинского кооперативного плана опыт имеет огромное внутривнутриполитическое и международное значение, хотя при этом и не удалось избежать ошибок и просчетов. Стремление

ускорить темпы социалистической перестройки деревни вело к нарушению принципа добровольности, принципа, который, как указывал В. И. Ленин, является главным в осуществлении кооперативного плана. Ускоренные темпы кооперирования не были обеспечены материальной базой, медленными темпами проводилась механизация сельского хозяйства. Структура сельскохозяйственной техники, приспособленной к условиям мелкотоварного производства, стала тормозом дальнейшего развития. С переходом ЕСХК к III и IV типам к сельскохозяйственной технике стали предъявляться иные требования. Объединение земельных участков, большие земельные площади, постепенная концентрация животноводства — требовали замены всех видов сельскохозяйственных орудий и машин. Машиностроение не было в состоянии удовлетворить эти требования. Частичная помощь была оказана нашей стране Советским Союзом. В годы массового кооперирования проблемы в области механизации сельского хозяйства увеличились.

Правда, отмеченные и другие просчеты и ошибки не могли помешать социалистической перестройке деревни, не могли затупевать значение положительных результатов политики кооперирования. За относительно короткое время, 10 лет, коренным образом изменилась социально-экономическая структура чехословацкого сельского хозяйства. В конце 1959 г. Единые сельскохозяйственные кооперативы и государственные хозяйства обрабатывали уже 88% общего количества пахотной земли [11, с. 261]. Большая часть земли, оставшейся в частном секторе, находилась в горных и предгорных районах, менее пригодных для организации кооперативов; часть земли находилась в собственности так называемых коворольников. Социалистическое преобразование деревни позволило объединить всю экономику Чехословакии на социалистической основе, создать условия для социалистического крупнотоварного производства в чехословацком сельском хозяйстве.

Победа социалистических производственных отношений в Чехословакии, промышленно-развитой стране с относительно высокой интенсивностью сельскохозяйственного производства и достаточно высоким уровнем производительности труда в сельском хозяйстве, является убедительным доказательством правильности и всеобщей значимости пути, указанного В. И. Лениным.

Более чем 30-летняя деятельность ЕСХК означает победу марксистско-ленинской политики Коммунистической партии Чехословакии, является свидетельством правильности ее генеральной линии, которая была определена на IX съезде Клементом Готвальдом следующим образом: «Вопрос стоит так, не будет у нас социализма без перехода деревни к социализму. Перехода деревни к социализму не будет без блока, без союза рабочего класса с основной массой малоземельных и средних слоев крестьянства» [12].

Правильность подобного решения подтверждается опытом других социалистических стран: Болгарии, Венгрии, ГДР и Румынии, в конце 40-х годов вступивших на путь преобразования мелкотоварного производства в крупные кооперативные социалистические хозяйства и успешно его завершивших.

Заслугой политики КПЧ в деревне является то, что партия в сложнейшей международной обстановке 50-х годов полностью осуществила программу коллективизации, что она нашла как формы соединения личных интересов трудящегося крестьянства с интересами общества, так и степень подчиненности этих частных интересов крестьянства интересам всего социалистического общества. Особое значение приобретала роль рабочего класса, его всесторонняя помощь революционному преобразованию деревни, а также творческое применение опыта Советского Союза и других социалистических стран. Тысячи рабочих направлялись в деревню для оказания помощи в ее социалистической перестройке. Огромное значение также имели машинно-тракторные станции, являвшиеся важной технической базой кооперирования и опорой авангарда рабочего класса в деревне.

Указанные факторы содействовали завершению в течение неполных 10 лет социалистического преобразования сельского хозяйства, при этом темпы развития производства не были снижены. Как показывает статистика, в Чехословакии за период 1949—1959 гг. валовая продукция сельского хозяйства увеличилась на 14,7%, производство продуктов животноводства — на 25,2, продажа продуктов земледелия возросла на 38,6, а продуктов животноводства — на 62,6%, т. е. более чем наполовину [11, с. 211]. Одновременно происходило передвижение значительного количества рабочей силы из сельского хозяйства в другие отрасли экономики страны.

Победа новых производственных отношений в чехословацкой деревне открыла в начале 60-х годов новый этап в развитии рабоче-крестьянского союза и сельского хозяйства Чехословакии. Бурное развитие производительных сил, совершенствование социалистических производственных отношений в сельском хозяйстве создали условия для роста сельскохозяйственного производства, упрочения социалистического характера ЕСХК, что в свою очередь (в комплексе с другими факторами) способствовало превращению крестьянства в социалистический класс.

Общественно-политические условия, а также достигнутые результаты позволили в конце 50-х годов осуществить ряд мероприятий, которые оказали благоприятное влияние на дальнейшее развитие социалистического сельского хозяйства. Прежде всего были упрочены производственные связи рабочего класса и крестьянства. В конце 50-х годов ГТС выполнили свою историческую миссию, привив крестьянам навыки работы с помощью новой техники, утвердив идею механизации полевых работ, создав условия для роста производительности труда и материальные предпосылки для качественного изменения настроений и мышления бывшего крестьянина-собственника. Эти достижения позволили ликвидировать систему «двух хозяев на земле», передать основные средства производства ЕСХК, и в новых условиях более эффективно использовать машинную технику. Были разработаны новые директивы о деятельности машинно-тракторных станций и принят закон о ЕСХК, который явился юридической основой их дальнейшего развития.

Эти мероприятия укрепляли социалистическую систему в сельском хозяйстве, ограничивали производственную базу развития индивидуальных крестьянских хозяйств, создавали новые условия для экономического упрочения ЕСХК. Следует отметить, что выступления правых элементов, пытавшихся в 1968—1969 гг. дискредитировать политику и результаты кооперирования сельского хозяйства в Чехословакии, не смогли прервать этот позитивный процесс, восхваляя преимущества крестьянского мелкотоварного производства в форме так называемых семейных ферм, как оптимальных самообеспечивающих хозяйств, которые противопоставлялись ЕСХК в качестве идеального типа производительного хозяйства. Это были попытки повернуть развитие вспять, ликвидировать социалистический сектор в сельском хозяйстве, создать условия для процветания частнособственнической психологии, возврата к мелкотоварному производству в сельском хозяйстве.

Указанные «теории» и политическое давление правых сил не получили поддержки кооперированного крестьянства даже в самые критические моменты кризисного периода. Несмотря на сложнейшие проблемы тех лет, в сельском хозяйстве последствия кризиса не проявлялись в такой степени, как это наблюдалось в других отраслях народного хозяйства. В кризисный период не распался ни один единый сельскохозяйственный кооператив. Деревня выступила в качестве стабилизирующего фактора, прежде всего благодаря результатам развития экономики кооперативов. В этой отрасли правым силам не удалось осуществить свои замыслы и опорочить самоотверженный труд руководящих деятелей КПЧ и сотен тысяч рядовых членов партии, национальных комитетов и массовых организаций, труд, который они вложили в социалистическую перестройку деревни. В свою очередь это свидетельствует и о том, что идеи и практика социализма глубоко укоренились в сознании крестьян-кооператоров, что чехословац-

кое крестьянство в своем абсолютном большинстве поддержало политику КПЧ в деревне.

Качественные изменения в дальнейшем развитии социалистического сельского хозяйства в ЧССР в конце 60-х — начале 70-х годов были связаны с введением в 1967 г. новой системы экономических отношений между ЕСХК и социалистическим государством, которая предполагала создание для всех ЕСХК, независимо от объективного положения дел в том или ином хозяйстве, одинаковых условий для расширенного воспроизводства. Проведя серию мер по реорганизации налогообложения, государство обеспечило создание примерно одинаковых условий для расширенного воспроизводства в ЕСХК, находящихся в разных природных условиях. Большое значение имела директива ЦК КПЧ (май 1969 г.), которая указала выход из сложившейся ситуации [13]. В ходе ее реализации происходила постепенная консолидация общества. За сравнительно короткий срок было упрочено плановое ведение народного хозяйства, стабилизировался рынок, созданы условия для дальнейшего развития экономики ЕСХК.

В 70-е годы, после XIV съезда КПЧ, начался новый этап в развитии сельского хозяйства Чехословакии, для которого характерно максимальное использование преимуществ преобразованного на социалистических началах сельского хозяйства, создание весьма благоприятных условий для развития кооперативной сельскохозяйственной системы. Речь идет об этапе дальнейшего научно-технического развития сельского хозяйства, о его интенсификации, углублении процесса концентрации производства, специализации, кооперации и интеграции. После 1970 г. еще более расширился социалистический сектор. В 1975 г. социалистические хозяйства обрабатывали 93,3% всей земельной площади ЧССР.

В постановлениях XIV, XV и XVI съездов КПЧ в качестве основной стратегической цели рабоче-крестьянского союза была выдвинута задача построения развитого социалистического общества. Основываясь на достигнутых результатах, КПЧ ориентируется в сельскохозяйственном производстве «на достижение — постепенно, в течение нескольких лет — самообеспеченности в производстве зерна и дальнейшее увеличение самообеспеченности в производстве продуктов питания» [14]. XV съезд КПЧ определил этот курс в качестве первоочередной задачи. XVI съезд КПЧ подтвердил курс «на повышение самообеспеченности в производстве продуктов питания», наметив в качестве конкретного пути дальнейшую интенсификацию сельскохозяйственного производства, целенаправленное углубление его концентрации и специализации, мобилизацию внутренних резервов, последовательное выполнение плановых заданий поставщиками, систематическое снижение затрат в общем процессе от производства до потребителя [15]. Основные направления экономического и социального развития ЧССР на 1981—1985 гг. предполагают ускорение темпа развития растениеводства как пути решения не только зерновой проблемы, но и основных задач обеспечения продуктами питания населения ЧССР вообще.

Обеспечение динамичного развития сельскохозяйственного производства имеет огромное значение как с точки зрения экономической, так и политической. Крестьяне-кооператоры вместе с другими тружениками социалистического сельского хозяйства являются неотъемлемой составной частью нашего общества, одной из опор политической системы социалистической Чехословакии. Они внесли свой вклад в процесс стабилизации всего народного хозяйства, подтвердив тем самым жизнеспособность и международное значение идей и принципов ленинского кооперативного плана в условиях индустриально развитого государства.

Достигнутые производственные результаты опровергли утверждения тех, кто в кризисный период подвергал сомнению преимущества социалистического сельского хозяйства. Благодаря ленинской крестьянской политике КПЧ отменя нападки на социалистическую экономику, подчеркнула значение и роль социалистического планирования, явилась гарантом социальной уверенности кооперированной деревни, инструментом упрочения союза рабочего класса и кооперированного крестьянства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Rudé právo, 1922, 21 XI.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 177—178.
3. Gottwald K. Spisy. Bratislava, 1951, zv. 2, s. 305—306.
4. Gottwald K. O rolnické otázce. Praha, 1966.
5. Program novej československej vlády Národného frontu Čechov a Slovákov. Turčiansky Martin, 1945, s. 21—22.
6. Cambel S. Slovenská agrárna otázka, 1944—1948. O dvoch polohách agrárnej revolúcie na Slovensku, v českých krajinách a problém generálnej pozemkovej reformy. Bratislava, 1972, s. 137—156, 215—226.
7. Protokol VIII. sjezdu Komunistické strany Československa. Praha, 1946, s. 143.
8. Hradecký program. Praha, 1947, s. 20.
9. Gottwald K. Spisy. 1951—1953. Bratislava, 1954, s. 356—360.
10. Jednotný program spoločenských ved po XV. sjezdu KSC. ÚV KSC, červen 1977. Praha, 1977, s. 4.
11. Statistická ročenka CSSR. 1960. Státní Úřad Statistický. Praha, 1960.
12. Gottwald K. Spisy. 1949—1950. Bratislava, 1952, s. 74.
13. Cambel S., Skrip V., Vanko A. Rolnícka politika KSC v období výstavby socializmu na Slovensku. Bratislava, 1979, s. 249—250.
14. XV. zjazd KSC. Bratislava, 1976, s. 55.
15. XVI. zjazd KSC. Dokumenty a materialy. Bratislava, 1981, s. 104.

ЗЕЛЕНИН В. В., РОМАНОВ В. Е.

ДЕЙСТВИЯ СССР НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ В ПОДДЕРЖКУ ЮГОСЛАВСКОГО НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Великая Отечественная война Советского Союза была справедливой освободительной войной. Этот ее характер определялся классовым содержанием борьбы, навязанной социалистическому государству наиболее реакционной силой международного империализма — германским фашизмом. Во всенародной Отечественной войне советский народ отстаивал всемирно-исторические завоевания Великого Октября, свое счастливое социалистическое настоящее и светлое коммунистическое будущее.

С первых же дней войны Коммунистическая партия и Советское правительство четко и ясно поставили вопрос о характере войны Советского Союза против фашистской Германии, о ее целях и задачах в этой войне, о той роли, которую в ней призваны сыграть советский народ, все свободолюбивые народы мира, и в их числе народы европейских стран, оккупированных державами фашистской «оси», о перспективах войны.

Советский Союз сразу же сформулировал свои обязательства по отношению к народам, подвергшимся агрессии со стороны гитлеровской Германии. КПСС и Советское правительство со всей определенностью заявили, что цель всенародной Отечественной войны Советского Союза против фашистских угнетателей — не только ликвидация нависшей над ним опасности, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма [1].

Свое отношение к судьбе народов, подвергшихся фашистской агрессии, лишенных национальной независимости и испытывавших самые жестокие формы классового и национального угнетения, Советское правительство выразило в октябре 1941 г. в Декларации по поводу Атлантической хартии, целому ряду положений которой оно дало более глубокое и конкретное толкование. Так, в Декларации подчеркивалось, что в своей внешней политике СССР осуществляет высокие принципы уважения суверенных прав народов, руководствуется принципом самоопределения наций, «в основе которого лежит признание суверенности и равноправия наций». «Исходя из этого принципа, — подчеркивалось в Декларации, — Советский Союз отстаивает право каждого народа на государственную независимость и территориальную неприкосновенность своей страны, право устанавливать такой общественный строй и избирать такую форму правления, какие он считает целесообразными и необходимыми в целях обеспечения экономического и культурного процветания всей страны» [2, т. 1, 1944, с. 165].

Руководствуясь этим, Советский Союз посредством дипломатии оказывал в годы второй мировой войны последовательную поддержку народам оккупированных стран в их справедливой борьбе за национальное и социальное освобождение. При этом следует постоянно иметь в виду, что Советский Союз действовал не в одиночку, а в рамках антигитлеровской

коалиции, и что согласованные совместные действия всех ее членов были одним из важнейших факторов, призванных обеспечить победу над фашистской «осью».

Советская дипломатия, главной задачей которой было в военные годы обеспечение благоприятных международных условий для достижения быстрой победы над врагом, вела борьбу за упрочение антигитлеровской коалиции. Такая политика отвечала интересам и народов поработанных стран Европы. Наращивание совместных ударов стран — участниц антигитлеровской коалиции по врагу приближало час освобождения поработанных народов, а укрепление сотрудничества государств, входивших в коалицию, способствовало сплочению сил сопротивления в оккупированных европейских странах, изоляции в них тех кругов, которые уклонялись от борьбы с захватчиками.

Руководство югославского народно-освободительного движения подчеркивало, что укрепление антигитлеровской коалиции имеет большое значение для достижения окончательной победы над врагом и изгнания оккупантов из Югославии [3, т. 1, кн. 1, 1949, с. 5; 4, т. II, кн. 5, 1955, с. 25, 46, 51].

Так, И. Лола Рибар подчеркивал, что советско-английский договор и решение об открытии в Европе второго фронта позволяют «еще шире объединить все патриотические силы, вовлечь в борьбу многих из тех, кто пока колеблется и остается в стороне... не только деморализуют открытых помощников оккупантов, но и облегчат нам изоляцию тех, кто помогает им, прикрываясь маской „друзей Англии“» [4, т. II, кн. 5, с. 51]. Укрепление сотрудничества между СССР, Англией и США использовалось партизанами в Сербии и Хорватии для широкой мобилизации всех слоев населения на борьбу против оккупантов, вовлечения в эту борьбу колеблющихся элементов и разоблачения позиции четнического руководства [4, т. 1, кн. 4, 1953, с. 34, 37; кн. 5, 1954, с. 179, 245].

Советский Союз пытался добиться сотрудничества с Англией и непосредственно в деле поддержки югославского народно-освободительного движения. Так, в октябре 1941 г. Советское правительство обратилось через своего посла в Лондоне к правительству Великобритании, выражая просьбу поддержать восставших в Югославии и предлагая рассмотреть вопрос о совместных действиях в этом направлении [5, р. 282; 6, с. 111—112]. Однако очень скоро выяснилось, что империалистические цели Англии, определившие ее политику в отношении югославских партизан и Михайловича, не только значительно ограничивают возможности советско-английского сотрудничества в этом вопросе, но и делают его практически невозможным.

Главным фактором, определившим отношение британского руководства к четникам и партизанам, был антикоммунизм, боязнь революционных перемен в Югославии и распространения в ней «советского влияния». «Поддержка партизан была бы равносильна отказу от югославского правительства, — писал в ноябре 1941 г. один из руководителей Управления специальных операций лорд Гленконнер. — Если восстание должно развиваться, то его должно вдохновлять то, что это — борьба всех югославов за Югославию, а не восстание устроенное Москвой и руководимое коммунистами, которые борются за Россию» [7, р. 46—47].

Документы британских военных и дипломатических ведомств периода войны свидетельствуют о том, что уже осенью 1941 г. в Лондоне располагали сведениями о сотрудничестве Михайловича с оккупантами в борьбе против партизан и его нежелании бороться против сил «оси» [7, р. 33; 8, р. 159; 9, р. 195]. Правда, в то время многие английские эксперты склонны были не верить таким сведениям, считая их дезинформацией. Но политика Великобритании в отношении Михайловича не изменилась и тогда, когда донесения, полученные от британских офицеров из Югославии, а также из других источников, уже не оставляли сомнения в том, что действительную борьбу с оккупантами ведут в Югославии партизаны, а Михайлович не принимает в ней никакого участия и сотрудничает с итальянцами и местными квислинговцами. «Как мы знаем, — указывалось в одном из

документов Управления специальных операций летом 1942 г., — в действительности все действия в Югославии должны быть отнесены на счет партизан, однако мы не видим большого вреда в том, что для общественного мнения какая-то часть этих действий будет приписана Михайловичу» [7, р. 28].

«Решение поддерживать исключительно Михайловича, — указывает в этой связи английская исследовательница Э. Баркер, — было принято Форин оффис и Управлением специальных операций не по оперативным соображениям, а исходя из долгосрочных политических целей, заключавшихся в том, чтобы сделать его единственным лидером и побудить коммунистов подчиниться ему» [7, р. 33]. Приняв это решение, английское руководство стало пропагандировать мнимые достижения Михайловича в прессе и по радио, оказало ему материальную помощь.

Поддерживали Михайловича и Соединенные Штаты Америки. В июле 1942 г. состоялся визит в США короля Петра II, во время которого Рузвельт заверил его в том, что «союзники выполняют свои обязательства по отношению к четникам» и предоставят им материальную помощь [10, р. 175—176]. Визит короля в США эмигрантское правительство активно использовало и для дальнейшего возвеличивания Михайловича и пропаганды его «успехов» в борьбе с оккупантами [10, р. 180].

Поддержка западными державами Михайловича была продиктована в первую очередь долгосрочными политическими целями английского и американского империализма, которые состояли в реставрации буржуазного режима в послевоенной Югославии и укреплении своего влияния в этой стране. Вместе с тем размах народного освободительного движения в Югославии приводил к тому, что западные державы, и в первую очередь Англия, не могли игнорировать и определенные военно-стратегические соображения, требовавшие оказания поддержки тем силам, которые наносят наибольшие потери фашистским войскам. Возможность согласования долгосрочных (политических) и краткосрочных (военных) интересов Великобритании Форин оффис видел в «примирении» партизан и четников, что дало бы возможность сохранить партизан как военный фактор, оказывающий сопротивление оккупантам, и отвечало бы также «долгосрочным» политическим целям Англии, поскольку партизаны в этом случае уже находились бы под командованием Михайловича [5, р. 283].

Для выполнения этого плана по замыслу Лондона следовало в первую очередь заручиться поддержкой или хотя бы согласием Советского правительства. Однако уже первая такая попытка, предпринятая осенью 1941 г., показала, что Советский Союз не расположен идти навстречу просьбам «смирить» партизан и побудить их принять командование Д. Михайловича.

«Все попытки повлиять на Советский Союз оказались безуспешными», — свидетельствует в своих мемуарах бывший посол эмигрантского правительства в США К. Фотич [10, р. 170]. Советское правительство отказалось выполнить просьбу своего британского союзника, несмотря на то, что это влекло за собой осложнение советско-английских отношений в тот момент, когда СССР напрягал все силы в борьбе с захватчиками и крайне нуждался в поддержке западных союзников. Этот шаг Советского правительства был проявлением последовательной верности первого в мире социалистического государства принципу интернациональной солидарности с борьбой трудящихся других стран за национальное и социальное освобождение.

Советской дипломатии приходилось действовать в исключительно сложных условиях. Определяя свою внешнеполитическую линию, СССР не мог не учитывать, что по целому ряду вопросов его позиция существенно, а порой и полностью отличалась от позиции западных союзников. Укрепление антигитлеровской коалиции в целях быстрейшего разгрома врага диктовало необходимость контактов и переговоров по этим вопросам, а порой и достижения известных компромиссов. Это обстоятельство сказывалось и на форме соответствующих дипломатических представлений. Так, отклоняя просьбы Англии о том, чтобы повлиять на югославских

партизан и побудить их принять командование Михайловича, советские представители выдвигали в качестве причин отказа «отсутствие информации», «необходимость изучения вопроса», «нежелание вмешательства во внутренние югославские дела», а то и просто оставляли эти просьбы без ответа. Важно, что все демарши югославского эмигрантского правительства и британского руководства к СССР, предпринятые в 1941—1943 гг. с целью добиться его участия в «примирении» партизан и четников, были Советским Союзом отклонены [5, р. 285—287; 11, с. 154—155; 10, р. 171—172; 12, с. 109—113]. Это свидетельствовало о последовательной и принципиальной поддержке Советским Союзом югославского народно-освободительного движения, наглядно проявившейся уже в начале Великой Отечественной войны.

Принципиальная советская позиция ясно и недвусмысленно выразилась не в гибких формулировках дипломатических документов, а в той солидарности и симпатиях, которые питали советские люди к народам Югославии и их героической борьбе, в официальных заявлениях советских руководителей, дававших исключительно высокую оценку этой борьбе [13, 1941, 9 XI; 2, с. 56], наконец, в выступлениях советской печати, широко пропагандировавшей достижения югославских партизан¹. Такого рода действия СССР были не только фактором большой моральной поддержки югославских партизан в их героической и тяжелой борьбе², но и имели важное значение для распространения в мире правдивой информации о положении в Югославии. Югославское эмигрантское правительство, обеспокоенное действиями СССР, уже в конце 1941 г. (16 декабря) резко протестовало против того, что в СССР борьба народов Югославии «изображается как восстание или партизанская война» и требовало, чтобы в будущем в советских официальных заявлениях борьба югославов «квалифицировалась бы „как действия югославской регулярной армии“, которые ведутся под командованием югославских офицеров» [17, оп. За, д. 12. л. 1]. Этот протест, между тем, не имел успеха. Советская пресса стала еще более широко освещать достижения югославских партизан [18, № 2, 5, 7—8, 14; 19, № 1—2, 3—4, 5; 20], а летом 1942 г. Советский Союз предпринял действия по разоблачению коллаборационизма Михайловича.

19 июля 1942 г. ТАСС распространил резолюцию конференции патриотов Черногории, Боки и Санджака, в которой говорилось о предательских действиях четников и их сотрудничестве с оккупантами в борьбе против партизан [12, с. 149]. В августе бюллетень советского посольства в Лондоне «Советские военные новости» в своих номерах от 12 и 18 августа опубликовал две статьи под заглавиями: «Кто стоит во главе югославской армии сопротивления» и «Югославские четники дезертируют к партизанам», в которых говорилось о коллаборационизме четнических главарей. Кроме того, конкретные факты сотрудничества Михайловича с оккупантами были изложены в памятной записке Советского правительства от 3 августа 1942 г. [21, с. 74], составленной на основании материалов, полученных от Верховного штаба народно-освободительных партизанских отрядов Югославии [6, с. 278]. Копия этой записки была передана британским, а несколько позднее и американским властям [22, 1942, vol. III, 1961, р. 821].

Распространение Советским Союзом информации о коллаборационизме Михайловича имело огромное значение. Резолюцию патриотов Черногории, Боки и Санджака напечатали не только органы печати компартий западных стран, но и газеты прогрессивной славянской эмиграции в США, Англии и Канаде, некоторые буржуазные издания [23, с. 225]. Как писал 28 августа 1942 г. С. Косанович премьер-министру эмигрантского правительства, «нападки на Михайловича начались одновременно во всей левой американской печати», и в этой связи он отмечал, что из Москвы «приходят все сообщения о борьбе партизан с самыми мелкими подробностями» [24].

¹ Подробнее об этом см. [14, 15].

² Значение такого рода поддержки неоднократно подчеркивали руководители югославского народно-освободительного движения [3, с. 55, 321; 4, т. 2, кн. 1, с. 201; 16].

Под влиянием сообщений, поступавших из Москвы, многие представители общественности в США, Англии, Канаде, Австралии начинали по-другому смотреть на положение в Югославии. Так, после появления в западных газетах резолюции патриотов Черногории, Боки и Санджака, американский публицист словенского происхождения Л. Адамич обратил внимание на то, что в сообщениях московского корреспондента «Дейли уоркер» говорилось о действиях югославских партизан против оккупантов, а в коммюнике службы информации эмигрантского правительства все эти акции приписывались силам Михайловича. Адамич решил разобраться в этом, и в результате в декабре 1942 г. в газете «Сатедей ивнинг пост» появилась его большая статья, где автор попытался нарисовать картину действительной роли партизан в борьбе с войсками государств «оси» в Югославии [25, р. 75]. Подобные статьи опубликовали осенью 1942 г. и другие западные газеты: «Нью-Йорк геральд трибюн», «Нью-Йорк Таймс», «Нэшн», «ПМ» [23, s. 247; 26].

Говоря о значении этих статей, появившихся в западной печати, «Борба» отмечала в декабре 1942 г. их «огромное значение» для народно-освободительного движения в Югославии и для ускорения процесса распада четнических отрядов и сплочения народа вокруг Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ), укрепления авторитета НОАЮ, Верховного штаба и Антифашистского веча, как законных представителей народа [3, т. I, кн. 2, с. 315].

Действия Советского правительства по разоблачению коллаборационизма Михайловича, его твердый отказ участвовать в «примирении» партизан и четников делали все более невозможным для Англии проведение ее прежней политики в югославском вопросе. Поддержка Советским Союзом югославских партизан «является источником серьезных затруднений для британского правительства», — подчеркивал в своем донесении в госдепартамент США американский поверенный в делах в Лондоне 5 января 1943 г. [22, 1943, vol. II, 1964, р. 969]. В документах Форин оффис в конце 1942 — начале 1943 г. указывалось, что поддержка Михайловича и попытки заручиться советской помощью в деле подчинения ему партизан были продиктованы стремлением предотвратить установление власти коммунистов в послевоенной Югославии. Однако дальнейшая односторонняя поддержка Михайловича и игнорирование партизан не только не обеспечивают удовлетворение текущих интересов Великобритании, ведущей войну с Германией, но и могут привести к риску «возникновения прямого конфликта с русскими по вопросам большой политики» [5, р. 289—290]. «Я не вижу смысла в такой политике», — констатировал А. Иден 3 января 1943 г. [8, р. 162—163]. А. Иден и другие руководители Форин оффис вынуждены были учитывать и определенное изменение настроений британской общественности, происшедшее в результате появления сообщений о коллаборационизме Михайловича. Так, в феврале 1943 г. член парламента лейборист Т. Дриберг сделал в Палате общин запрос в связи с советскими обвинениями в адрес Михайловича. Иден был поставлен в довольно сложное положение и вынужден был дать весьма уклончивый ответ на этот вопрос [27, р. 580]. Серьезную обеспокоенность британского руководства вызывали и передачи радиостанции «Свободная Югославия», рассматривавшиеся им как «ответ Москвы на передачи Би-Би-Си на сербохорватском языке, в которых все еще звучали теплые слова о мифическом герое Д. Михайловиче и его четниках» [28].

Форин оффис не мог не считаться с серьезностью советских обвинений в адрес Михайловича и не учитывать советскую позицию. Под влиянием советских дипломатических представлений и начатой Советским Союзом кампании в прессе по разоблачению Д. Михайловича британское руководство приняло решение запросить своих офицеров связи, находившихся в Югославии, относительно коллаборационизма Михайловича, а также рассмотреть вопрос об установлении контактов с партизанами [5, р. 287; 7, р. 35; 8, р. 161]. Другим следствием советского демарша было упоминание в передачах Би-Би-Си в октябре 1942 г. о действиях партизан. Идя на этот шаг, несмотря на отрицательное мнение сотрудников Управления спе-

циальных операций, Форин оффис указывал, что ему приходится считаться с позицией СССР [7, р. 214]. О том, что британские власти были вынуждены пойти на это именно под влиянием позиции Советского Союза, говорил и представитель Би-Би-Си Харрисон в январе 1943 г., отвечая на протест эмигрантского правительства [12, с. 185].

Вместе с тем правительство Великобритании упорно не хотело расстаться с Михайловичем ввиду «его потенциальной ценности, как военной, так и политической, на поздней стадии войны» [7, р. 52], и по-прежнему рассчитывало использовать четников в конце войны в своих империалистических целях. В марте 1943 г. Лондон предпринял еще одну попытку добиться от СССР пересмотра его позиции и согласия «оказать влияние на партизан в целях создания общего фронта с другими силами сопротивления». Эта попытка закончилась, как и прежние, без всякого результата [11, с. 78, 154—156].

После этой очередной неудачи убедить Советский Союз в необходимости «примирения» партизан и четников руководству Великобритании стала еще более очевидной необходимость пересмотра своей политики в отношении Югославии. Форин оффис, как указывает Л. Вудворд, «теперь стало полностью ясно, что если мы и дальше будем игнорировать партизан, то тем самым поставим их в полную зависимость от русских» [5, р. 290]. На невозможность проведения прежней политики ввиду отрицательного отношения СССР к Михайловичу указывали и британские военные. Адмирал лорд Маунтбеттен в своей записке в Форин оффис в мае 1943 г. подверг критике продолжение оказания помощи Михайловичу, в частности по причине того, что это может поставить под угрозу отношения Англии с Советским Союзом. Иден написал на записке Маунтбеттена: «Довольно любопытно. Мы думаем об этом» [7, р. 24]. В июне адмирал представил Объединенному комитету начальников штабов меморандум, в котором он снова вернулся к югославскому вопросу и резко критиковал британскую линию. Продолжая оказывать помощь Михайловичу, который борется против партизан, пользующихся поддержкой Советского Союза, Англия, писал Маунтбеттен, «рискует оказаться вовлеченной в печальную гражданскую войну, в которой мы и русские будем поддерживать противоположные стороны» [7, р. 49].

В конце марта 1943 г. Черчилль согласился с необходимостью посылки к партизанам британских офицеров для того, чтобы после получения от них информации рассмотреть вопрос о предоставлении помощи партизанам. В мае в Верховный штаб НОАЮ прибыла первая британская военная миссия [5, р. 290], а 4 июля правительство Великобритании сообщило в НКВД о пересмотре своей прежней политики в отношении партизан и решении оказывать свою поддержку всем элементам сопротивления в Югославии [17, оп. 4в, д. 4, л. 21]. «Мы дождались того, что после братского Советского Союза, признавшего нас с самого начала нашей борьбы, нас признали как военного союзника США и Англия, направившие своих представителей в Верховный штаб» [4, т. III, кн. 5, с. 57], — говорилось в этой связи в обращении Главного штаба Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Черногории к народу в августе 1943 г.

Пересмотр английской политики был вызван двумя главными обстоятельствами. Во-первых, возросшей военной мощью партизан и стремлением британских лидеров, вынашивавших планы «балканской стратегии», иметь на Балканах силу, которая могла бы содействовать вторжению туда англо-американских армий [29, 30]. И, во-вторых, невозможностью дальнейшего игнорирования партизан ввиду позиции СССР, последовательно поддерживавшего югославское народно-освободительное движение. «Узнав, что Тито сдерживает тысячи солдат „оси“, и понимая, что Советский Союз выйдет из войны великой военной державой, британское правительство стало сотрудничать с обеими группами югославского сопротивления», — указывал в начале 1944 г. американский эксперт [31].

Победы Советской Армии в 1942—1943 гг. способствовали дальнейшему изменению в соотношении сил внутри антигитлеровской коалиции, росту международного влияния СССР. Это позволяло советской дипломатии

вести эффективную борьбу за демократическое послевоенное мирное урегулирование в соответствии с желаниями и чаяниями народных масс освобожденных стран, препятствовать выполнению планов международной реакции. «Интриги, которые рождаются за границей и направлены на то, чтобы плоды борьбы достались не нам, т. е. тем, кто вел эту борьбу, — говорил И. Броз Тито в октябре 1943 г., — потерпят поражение потому, что у нас есть великий союзник — Советский Союз, который знает нашу борьбу с первых дней, который гордится нами как своим союзником» [16, с. 151].

Таким образом, утверждение ряда буржуазных авторов о том, что в первые годы войны СССР, опасаясь ухудшить отношения с западными союзниками, не оказывал югославскому народно-освободительному движению никакой поддержки и изменил свою политику только после того, как Англия и США признали военное и политическое значение югославского народно-освободительного движения [32, 33, 34], не соответствует истине. Факты показывают, что, напротив, вынужденная эволюция в отношении США и Англии к югославским партизанам происходила во многом под воздействием той принципиальной и последовательной позиции, которую занимал в югославском вопросе Советский Союз.

В 1943 г. правящие круги США и Англии были заняты поисками средств, которые позволили бы им удовлетворить свои военные интересы в Средиземноморье и одновременно отвечали бы их долгосрочным политическим целям. В качестве одного из таких средств рассматривалось вторжение англо-американских войск на Балканы [8, р. 134—135]. В этой акции было заинтересовано и югославское эмигрантское правительство, позиции которого в стране становились все более шаткими. Лидеры югославской эмиграции всерьез рассчитывали на возвращение в страну с помощью союзных войск [10, р. 213; 25, р. 166; 35, с. 41].

Одним из главных препятствий на пути реализации этих замыслов западных политиков и югославских эмигрантских лидеров была позиция СССР, который исходил из того, что освобожденным от фашистского гнета народам должны быть предоставлены все необходимые условия для установления у себя демократических порядков по своему желанию.

Советский Союз отстаивал интересы югославского народно-освободительного движения на Московской и Тегеранской конференциях 1943 г. Благодаря позиции СССР на них был принят ряд решений, которые отвечали справедливым демократическим принципам послевоенного мирного урегулирования и создавали благоприятные возможности для дальнейшего развития югославского народно-освободительного движения. В Тегеране советская делегация решительно выступила против открытия второго фронта на Балканах, в результате чего «балканский вариант» был отвергнут [36, с. 97—102, 104, 124—140, 150—151, 173].

Британское правительство хотело в ходе Московской конференции убедить США и Советский Союз в необходимости достижения «некоторого рода *modus vivendi* между Михайловичем и партизанами» [37, с. 75]. Иден пытался добиться, чтобы конференция дала югославам «совет воздержаться от конфликтов». Тогда, утверждал он, партизаны и Михайлович, которые действуют в разных районах, перестали бы воевать друг с другом и «направили свои силы на борьбу против немцев и болгар» [37, с. 155—157]. Однако советская сторона не проявила желания обсуждать английские предложения, и в результате они были сняты с повестки дня конференции [37, с. 189].

На встрече Молотова и Идена был согласован вопрос о посылке к партизанам советской военной миссии и предоставлении Советскому Союзу Великобританией базы для организации помощи партизанам. При этом Молотов отклонил предложение Идена о направлении аналогичной советской миссии в штаб Михайловича [37, с. 258—259].

Решения Московской конференции отвечали интересам развития югославского народно-освободительного движения. Известный американский журналист К. Сульцбергер, тесно связанный в годы войны с американскими разведывательными службами и имевший хорошие контакты с поли-

тическими деятелями и дипломатами, отмечал в своем дневнике, что решения конференции означали отказ Англии от Михайловича и ее поворот к партизанам [38].

Английское правительство не могло не учитывать позиции Советского Союза, отказавшегося рассматривать британские планы «примирения» партизан и четников. Поэтому в Тегеране оно уже не поднимало вопроса о разделении «сфер действия» партизан и четников в Югославии с целью их «объединения» в борьбе против оккупантов. В результате в военных решениях Тегеранской конференции указывалось, что СССР, Англия и США договорились о том, что «партизаны в Югославии должны поддерживаться снабжением и снаряжением в возможно большем размере, а также операциями командос» [36, с. 183]. О четниках же ничего сказано не было.

Таким образом, в Тегеране руководители США и Англии поставили свои подписи под документами, провозгласившими необходимость оказания помощи югославским партизанам, которых они пытались не замечать на протяжении двух с половиной лет. Это имело важное значение для югославского народно-освободительного движения, способствовало укреплению его позиций и международному признанию его достижений.

28—29 ноября 1943 г. состоялась Вторая сессия Антифашистского веча народного освобождения Югославии (АВНОЮ), принявшая решения, которые, как подчеркивал И. Броз Тито, «имели далеко идущее историческое значение» [39]. Они закладывали основы Новой Югославии — независимого, демократического и федеративного государства. Эти решения не только знаменовали собой важнейшее событие в развитии народной революции в Югославии, но и составляли прочный фундамент, на который опирались революционные силы в борьбе за утверждение и международное признание происходивших в Югославии перемен.

Советский Союз приветствовал решения II сессии АВНОЮ. В заявлении НКВД от 14 декабря 1943 г. Советское правительство подчеркивало, что оно рассматривает их «как положительные факты, способствующие дальнейшей успешной борьбе народов Югославии против гитлеровской Германии» [2, т. 1, с. 378]. Решения II сессии АВНОЮ широко освещались советскими органами печати [40].

В работах некоторых буржуазных исследователей можно встретить тезис о том, что СССР якобы вначале отрицательно отнесся к решениям II сессии АВНОЮ, и лишь после того, как они получили положительную оценку со стороны Англии и США, Советское правительство несколько изменило свою позицию [41, 42]. Этот тезис, однако, противоречит реальным фактам.

Действительно, официальные заявления Великобритании и США по этому поводу были сделаны несколько раньше советского (7 и 9 декабря) и содержат весьма сдержанную реакцию на решения II сессии АВНОЮ. Но, во-первых, в этих заявлениях (и особенно в американском) акцент делался на военной стороне вопроса и полностью игнорировался вопрос политического признания новых органов власти в Югославии [43; 44; 22, 1943, vol. II, p. 1039]. И, во-вторых, даже такая ограниченная формула касалась лишь факта образования Национального комитета освобождения Югославии (НКЮЮ). Ни в Англии, ни в США в тот момент еще не знали о всех решениях II сессии АВНОЮ и, в частности, таких важнейших, как запрещение королю возвращаться в Югославию и лишение эмигрантского правительства всех прав законного правительства Югославии.

Поэтому в Лондоне полагали вначале, что решения II сессии АВНОЮ не обязательно должны повлиять на британскую политику и воспрепятствовать выполнению ее главных задач [7, p. 40—41]. Но эта установка резко изменилась после того, как 18 декабря «Свободная Югославия» передала полное содержание документов сессии. Тогда Форин оффис счел нецелесообразным выполнение предварительных намеченных планов, связанных с отставкой Михайловича, и решил, как пишет Баркер, «отложив разрыв с Михайловичем, вести торговлю с Тито, пока тот не согласится сотрудничать с королем» [7, p. 40—41; 22, 1943, vol. II, p. 1034; 45, p. 432; 46, p. 589—590].

Принципиально иной была позиция Советского Союза, который считал, что эти решения свидетельствовали «о серьезном успехе новых лидеров Югославии в деле объединения всех национальных сил Югославии». В его заявлении указывалось, что деятельность четников Михайловича «не могла не встречать отрицательного отношения в СССР», и что Советский Союз решил послать в Югославию свою военную миссию [2, с. 378—379]. Тем самым СССР официально высказался в поддержку решений II сессии АВНОЮ и продемонстрировал фактическое игнорирование эмигрантского правительства (оно в заявлении не упоминалось). Как отмечает бывший советский посол при эмигрантском правительстве Н. В. Новиков, заявление НКВД «было близко к тому, что в международной практике именуется признанием де-факто» [35, с. 107].

Проблема, занимавшая британское руководство после II сессии АВНОЮ, заключалась, по словам Л. Вудворда, в том, чтобы «избавиться от Михайловича, не допуская при этом полной победы в гражданской войне маршала Тито» [5, р. 311]. Поэтому зимой 1944 г. Англия направила свои усилия на то, чтобы добиться «примирения или, по крайней мере, рабочего соглашения» между партизанами и королем, считая, что достижение такого соглашения является единственной возможностью для Великобритании избежать противоречия между своими долгосрочными политическими интересами, заключавшимися в восстановлении в Югославии буржуазно-монархических порядков, и необходимостью оказывать помощь партизанам, чьи действия имели большое военное значение [22, 1944, vol. IV, 1965, р. 1332—1333; 47]. При этом Лондон снова пытался играть на тех трудностях, которые испытывало югославское народно-освободительное движение, увязывал вопрос международного признания новых органов власти с необходимостью для НКОЮ заключить соглашение с королем [48, № 1077, с. 37; 49].

Позиция США в отношении Новой Югославии, как и их реакция на решения II сессии АВНОЮ, была еще менее благоприятной для югославского народно-освободительного движения, что отмечалось и его руководителями [50, с. 51]. Формально выраженное «невмешательство» США в югославские дела было вызвано желанием отсрочить рассмотрение вопроса на послевоенное время, когда США могли бы играть более активную и действенную роль в его решении, а также несогласием с британской политикой в отношении Югославии, которая, по мнению американских руководителей, «не могла привести ни к чему другому, кроме усиления Тито». Это «невмешательство» оборачивалось поддержкой контрреволюционной югославской эмиграции, которая в борьбе против народно-освободительного движения рассчитывала на помощь США [10, р. 261; 22, 1943, vol. II, р. 1032; 12, с. 225].

Давление правительства Великобритании на НКОЮ и «невмешательство» США в югославские дела, означавшие не что иное, как поддержку Михайловича, ослепляли борьбу НКОЮ за международное признание Новой Югославии. В этих условиях руководство Новой Югославии проводило в отношениях с западными союзниками гибкую и конструктивную и в то же время принципиальную линию, не отклоняя с порога предложения о переговорах с королем, но подчеркивая, что оно ни в коей мере не откажется от завоеваний югославского народа в его борьбе за освобождение и независимость и от решений II сессии АВНОЮ [50, с. 100—101].

Для проведения такой политики исключительно большое значение имели действия Советского Союза и его позиция в югославском вопросе, заключавшаяся в 1944 г., как и раньше, в последовательной поддержке борьбы югославских трудящихся, в открытой солидарности с ней. Это видели и западные союзники. Так, меморандум госдепартамента США, подготовленный в апреле 1944 г., подчеркивал: «Советская позиция является абсолютно ясной. Москва открыто предоставляет Тито и партизанам полную политическую и моральную поддержку и не ослабляет атак на Михайловича и правительство» [22, 1944, vol. IV, р. 1353—1354]. Об этом свидетельствовали и заявления советских руководителей [51, т. 1, с. 214].

Позиция Советского правительства была четко выражена в заявле-

нии ТАСС от 5 февраля 1944 г. по поводу предложения эмигрантского правительства заключить договор о взаимопомощи и сотрудничестве с СССР. Советское правительство не только отвергло это предложение, но и дало при этом отрицательную оценку политике эмигрантского правительства [13, 1944, 5 II]. В феврале 1943 г. Советское правительство предало гласности неуклюжие попытки лидеров югославской эмиграции оправдать Д. Михайловича и публично резко осудило их [17, оп. 1, д. 1, л. 21—22; д. 2, л. 9; 13, 1944, 9 II; 35, с. 109—110]. В марте Советский Союз открыто поддержал действия посла югославского эмигрантского правительства в СССР С. Симича, заявившего о своем переходе на сторону народно-освободительного движения, и отказался принимать в Москве другого югославского посла, кроме него [13, 1944, 11 II; 17, оп. 1, д. 1, л. 43, 46; оп. 9а, л. 1, л. 1].

Не желая иметь дело с эмигрантским правительством, как не представлявшим интересы народов Югославии, Советский Союз устанавливал контакты с НКОЮ, налаживал с ним военное и политическое сотрудничество. 23 февраля 1944 г. в Югославию прибыла Военная миссия СССР. Ее главной задачей была организация помощи югославскому народно-освободительному движению. Однако ее прибытие на освобожденную территорию Югославии имело не только военный, но и политический характер. В отличие от англо-американской миссии, она была аккредитована не только при Верховном штабе НОАЮ, но и при Национальном Комитете Освобождения. В апреле в СССР прибыла югославская военная миссия, которая представляла не только НОАЮ, но и НКОЮ [52, 13 IV].

Твердая позиция НКОЮ, опиравшегося на советскую поддержку в вопросе о «примирении» освободительного движения с королем и эмигрантским правительством, заставила британское руководство изменить тактику. В марте 1944 г. руководители Форин оффис, отмечая бесполезность дальнейшего давления на Тито с целью заставить его согласиться на возвращение в Югославию короля, разработали новый план, рассчитанный на то, чтобы путем частичных уступок (смены правительства и отставки Михайловича) сохранить главное — короля и эмигрантское правительство и навязать народно-освободительному движению соглашение с ними. Этот план встретил полное одобрение Черчилля [5, р. 322—323; 46, р. 610].

Стремясь добиться выполнения этого плана, Черчилль направил в апреле 1944 г. письмо советскому наркому иностранных дел, в котором сообщал о том, что он посоветовал королю Петру «организовать небольшое правительство, состоящее из людей, не особенно неприятных для маршала Тито, но еще поддерживающих честные отношения с сербским народом», и просил содействия СССР в деле «примирения» командования партизанского движения с этим правительством [11, с. 79].

В ответ на это обращение советские руководители указали британскому премьер-министру, что «изменения в югославском правительстве, если они не будут пользоваться соответствующей поддержкой маршала Тито и Народно-освободительной армии Югославии, вряд ли могут принести какую-нибудь пользу. Следовало бы добиться по этому вопросу соглашения с маршалом Тито, у которого действительно имеются реальные силы в Югославии. Такое соглашение было бы в интересах союзников, особенно в настоящее время» [11, с. 79].

Таким образом, СССР, не отвергая идеи переформирования королевского правительства, в то же время «опрокидывал черчиллевский план вверх ногами: вместо согласия с британской комбинацией ставил, наоборот, любые попытки англичан в зависимость от предварительной договоренности с НКОЮ» [53, с. 207].

Руководство югославского народно-освободительного движения могло опереться на поддержку СССР и в процессе подготовки и проведения переговоров с И. Шубашичем, который, руководствуясь полученными от Лондона директивами, пытался добиться соглашения на условиях вхождения членов Национального Комитета в королевское правительство и признания короля главнокомандующим всеми вооруженными силами Юго-

славию. Советское правительство в специальном послании Шубашичу подчеркнуло, что оно поддержит такое правительство, которое будет создано «на основе соглашения с маршалом Тито, добившимся уже значительных успехов в объединении народов Югославии и имеющим действительно реальные силы в стране» [11, с. 79—80]. Это послание, копию которого Н. В. Корнеев передал Тито, не ставя об этом в известность Шубашича, давало НКОЮ благоприятные возможности для дальнейшего ведения переговоров и оказало сильное воздействие на Шубашича, рассчитывавшего на одобрение своих планов со стороны ведущих членов антигитлеровской коалиции [50, с. 136].

НКОЮ, таким образом, на этих переговорах в обмен на незначительные уступки, не дававшие королевскому правительству никаких реальных надежд на возвращение к власти, удалось добиться признания решений II сессии АВНОЮ и согласия королевского правительства на действия, имевшие важное значение для упрочения международных позиций Новой Югославии³. Висское соглашение Тито — Шубашича, будучи некоторым компромиссом с югославской буржуазией и эмигрантскими лидерами, в то же время сохраняло все завоевания народно-освободительного движения и обеспечивало упрочение его международного положения.

Вступление в Югославию советских войск осенью 1944 г. и совместное освобождение силами двух братских армий Белграда и восточной части Югославии способствовали дальнейшему укреплению внутренних и международных позиций югославского народно-освободительного движения, укреплению отношений между СССР и Новой Югославией. Все это серьезно осложняло выполнение планов британских правящих кругов, которые летом и осенью 1944 г. были рассчитаны на то, чтобы путем проведения политики оказания помощи НОАЮ и предоставления руководителям НКОЮ «дружеских советов», умерить их «экстремизм» «конструктивным подходом» и не допустить сближения Новой Югославии с СССР [22, 1944, vol. IV, p. 1403, 1411; 48, № 1074, s. 36].

Стремясь «спасти хоть что-то из британского и западного влияния» в Центральной и Южной Европе, Черчилль в этой ситуации всю свою энергию обратил на дипломатию и, в частности, на достижение соглашения с СССР [54]. Мысль о «решительном разговоре с русскими» по поводу Италии, Югославии и Греции не покидала британского премьера на протяжении всего лета и осени 1944 г. [55, vol. V, 1954, p. 664; 5, p. 346]. В середине сентября 1944 г. Лондон предпринял попытку добиться согласия СССР на сотрудничество в югославском вопросе, не принесшую, однако, никаких результатов. Комментируя молчание Советского правительства в связи с британским обращением, Форин оффис подчеркивал 5 октября, что причиной этого является нежелание СССР обсуждать какие-либо связанные с Югославией вопросы до окончания «военного похода в Югославию» и что симпатии СССР — ясно выражены, «находясь на стороне партизан и народно-освободительного движения» [48, № 1074, s. 35—36; 5, p. 345, 348].

В октябре 1944 г. на переговорах в Москве Черчилль вновь поднял югославский вопрос. Он попытался добиться выполнения своих планов, предложив Советскому правительству разделить «сферы влияния» в Центральной и Южной Европе [55, vol. VI, 1956, p. 198].

Обсуждая с британскими лидерами связанные с Югославией вопросы, Советское правительство исходило из главного: нельзя допустить, «чтобы кровь, обильно пролитая югославскими патриотами во имя свободы и независимости своей родины, пропала даром..., чтобы плодами самоотверженной борьбы югославских партизан воспользовались не народы Югославии, а иностранные империалисты и югославская буржуазия, уже не раз предававшая национальные интересы своей страны» [11, с. 76]. Добиться положения, при котором народы Югославии сами решат свою судьбу, в тех условиях можно было лишь на путях достижения определенных договоренностей с западными союзниками, с которыми СССР был вынужден вести переговоры в интересах победного завершения войны с гитлеровской Гер-

³ Подробнее о ходе Висских переговоров, их предистории и роли СССР см. [53].

манией. От советской дипломатии требовалась максимальная гибкость. Поэтому, оставив без внимания неприемлемое для него предложение о сферах влияния, Советский Союз согласился на проведение совместной с Англией политики в отношении Югославии [11, с. 76]. Это и было зафиксировано в официальном коммюнике о переговорах [2, т. 2, с. 272].

Те цели, которые Советский Союз преследовал в своей политике по отношению к Югославии, совпадали с интересами югославского народно-освободительного движения. СССР стремился обеспечить укрепление народно-освободительных сил, возглавляемых КПЮ, и сорвать попытки англо-американского вмешательства в югославские дела на стороне контрреволюционных элементов. Это было в определенной степени достигнуто заключением договоренности с правительством Великобритании о проведении совместной политики в отношении Югославии. Британское руководство было теперь связано обязательством координировать свою политику с СССР, который последовательно поддерживал Новую Югославию, и не предпринимать никаких действий без его согласия. Таким образом, соглашение ставило серьезные препятствия на пути реализации британских планов высадки своих войск в Югославию, ограничивало возможности оказания на нее вооруженного и другого давления [56].

Необходимо подчеркнуть и еще один аспект проблемы. Получив согласие Советского Союза на «совместную политику» в отношении Югославии, что несколько не расширяло существовавшей степени участия Англии в югославских делах и не принесло ей, как мы увидим ниже, никаких реальных успехов, Черчилль был в то же время вынужден поставить свою подпись под документом, который утверждал неотъемлемое право народов Югославии самим решать свою судьбу. Как замечал американский журнал «Ньюсуик», комментируя переговоры, даже тот крайне незначительный и видимый успех, которого удалось достичь Черчиллю, окажется мифическим, если народы Югославии «вздумают воспользоваться предоставленным им правом» [17, оп. 96, д. 2, л. 91—92]. Это положение коммюнике выделяла и печать Новой Югославии. Так, газета «Наприед» подчеркивала, что оно гарантирует определение будущего Югославии самими ее народами, без чуждого иностранного вмешательства [48, № 1083, с. 33].

Связанность Англии октябрьским соглашением проявилась уже в самое ближайшее время.

В конце 1944 — начале 1945 гг. Новая Югославия оказалась, как отмечал в своем дневнике поверенный НКЮЮ по международным делам Й. Смодлака, в «довольно тяжелом в политическом отношении положении» [50, с. 239—240]. Это было связано с тем, что король Петр II упорно отказывался одобрить дополненное в ноябре и декабре в Белграде соглашение Тито — Шубашич, по которому югославский премьер признавал достижения освободительной борьбы, федеративное устройство послевоенной Югославии, АВНОЮ и НКЮЮ во главе с маршалом Тито. Отказ короля, опиравшегося на молчаливую американскую поддержку, наряду с враждебной позицией Англии по отношению к югославскому народно-освободительному движению, оживлял надежды всех контрреволюционных элементов и внутри страны и за рубежом, которые, как писал Й. Смодлака, в начале января 1945 г. вновь «поднимают голову» [50, с. 239—240].

В таких условиях чрезвычайно большое значение для Новой Югославии имела возможность опереться на поддержку СССР. В советской политике руководство югославского народно-освободительного движения справедливо видело один из важных источников, который позволял ему выстоять в этой сложной обстановке.

Советский Союз ясно высказался за скорейшее проведение в жизнь соглашения Тито — Шубашич, что нашло свое отражение и в коммюнике о беседах Шубашича в Москве. Об этом Сталин писал У. Черчиллю в своем послании от 24 ноября [51, т. 1, с. 276—277].

В начале декабря Черчилль попытался заручиться советской поддержкой в оказываемом им давлении на Новую Югославию. Поскольку ход событий в стране не отвечал его планам, британский премьер направил Тито письмо, в котором выражал недовольство развитием политического

положения в стране, а также требованием НКОЮ об отводе английских войск из Югославии [5, р. 354; 51, т. 1, с. 399]. Письмо, как отмечал американский дипломат, было составлено в «резкой и почти угрожающей форме» [22, 1944, vol. IV, р. 1429]. Ссылаясь на договоренность о совместной политике в отношении Югославии, У. Черчилль направил копию этого письма И. В. Сталину с просьбой высказать свое мнение по этому поводу [51, т. 1, с. 284].

Советское правительство отказалось обсуждать поднятые в письме вопросы, не обсудив их предварительно с руководством Новой Югославии. Отвечая У. Черчиллю, И. В. Сталин указывал, что он понимает положение о проведении в Югославии «совместной политики», как необходимость для Англии присоединиться к СССР в поддержке соглашения Тито — Шубашич. «Я подтверждаю Ваше заявление, что Советское и британское правительства договорились в Москве о проведении, поскольку это возможно, совместной политики в отношении Югославии. Надеюсь, что Вы сможете договориться с маршалом Тито и что Вы поддержите достигнутое между ним и г-ном Шубашичем соглашение», — писал Сталин Черчиллю 14 декабря [51, т. 1, с. 289].

Черчилль и Форин оффис не могли не учитывать советской позиции и такого толкования «совместной политики» в отношении Югославии. Вместе с тем они опасались, что дальнейшая затяжка с осуществлением соглашения приведет к тому, что Тито, опираясь на советскую поддержку, образует правительство вообще без Шубашича, а это не оставит королю никаких шансов на возвращение в страну. Такое предположение британских властей основывалось на конкретных фактах, которыми они располагали, и имело весьма реальное основание.

Во время бесед в Москве Шубашич поставил И. В. Сталину вопрос: что будет, если Англия откажется признать Белградское соглашение и сформированное в соответствии с ним правительство? На это Сталин ответил, что в таком случае АВНОЮ провозгласит Национальный Комитет временным правительством и Советский Союз признает его [50, с. 229]. Таким образом, как руководство Новой Югославии, так и Шубашич (а значит и англичане) знали, что в случае провозглашения НКОЮ правительством Новая Югославия сможет опереться на советскую поддержку. Между тем этот вариант развития событий рассматривался югославскими руководителями в декабре 1944 г. — январе 1945 г. как весьма вероятный. «Судя по всему, и мы пойдем путем Польши, — отмечал 8 января Смодлака, комментируя затяжку с получением одобрения королем соглашения. — Если дело не дойдет до регентства, Национальный Комитет будет преобразован во временное правительство. Советы обещали, что сразу же признают нас. Болгары уже признают, наверняка признают люблинские поляки и, вероятно, французы, а за признание остальных мы будем бороться» [50, с. 239]. Тито известил Шубашича, что, если до 15 января не будут решены все вопросы, связанные с выполнением соглашения, то он откажется от него и сформирует временное правительство [50, с. 241].

Этого чрезвычайно опасалось британское руководство. Хотя Черчилль в начале января 1945 г. по-прежнему считал, что соглашение Тито — Шубашич «безнадежно односторонне» и не может означать ничего иного, как «диктатуру» коммуниста Тито, он все более стал склоняться к тому, чтобы рекомендовать королю принять соглашение. Иден, разделяя это мнение, подчеркивал 3 января, что в случае дальнейшей затяжки «Тито потеряет интерес к соглашению и пойдет своим путем», о чем он уже говорил Шубашичу [48, № 1112, с. 23]. Поэтому на заседании британского военного кабинета 8 января Черчилль и Иден выступали за то, чтобы соглашение, «которое предложил Тито и поддержали русские», было принято королем, поскольку, несмотря на все свои «недостатки», оно сохраняло принципы монархии, а это лучшее, на что король мог рассчитывать в тех условиях [45, р. 506; 48, № 1112, с. 23]. 22 января на заседании военного кабинета вновь указывалось, что Сталин или Тито могут потерять терпение и что не следует из-за упрямства короля, который опирается на поддержку США, терять остатки британского влияния в Югославии [5, р. 361].

В последних числах января Форин оффис добился в конце концов согласия госдепартамента США на признание единого югославского правительства, образованного на основе соглашения Тито — Шубашич [22, 1945, vol. V, 1967, p. 1183, 1185, 1190]. Под сильным нажимом признал соглашение и король Петр II [12, s. 378—380].

На Крымской конференции СССР, США и Англия пришли к соглашению «рекомендовать маршалу Тито и д-ру Шубашичу немедленно ввести в действие заключенное между ними соглашение и образовать временное объединенное правительство на основе этого соглашения» [57]. 2 марта король назначил регентов, эмигрантское королевское правительство ушло в отставку, и 7 марта И. Броз Тито сформировал временное правительство ДФЮ [58]. 24 члена НКОЮ и сторонника НОФ, вошедшие в правительство, занимали в нем руководящие и другие важнейшие посты. Контрреволюционная эмиграция получила только три места и не могла оказать серьезного влияния на деятельность нового правительства. Вскоре это правительство было признано всеми державами антигитлеровской коалиции.

В таком исходе событий немаловажную роль играло то обстоятельство, что Новая Югославия могла опереться на значительную военную, морально-политическую, дипломатическую и материальную поддержку СССР. Эта поддержка способствовала успешному завершению борьбы НКОЮ за международное признание Новой Югославии, упрочению международных позиций ДФЮ, срыву планов реакционных западных политических кругов добиться реставрации в Югославии буржуазно-монархических порядков и возвращения в страну короля. Опираясь на мощь СССР, Новая Югославия могла более успешно и уверенно противостоять попыткам давления на нее извне.

Оценивая в целом дипломатические действия СССР в поддержку югославского народно-освободительного движения в годы второй мировой войны, осуществлявшиеся в сложных условиях, которые определились противоречивым характером антигитлеровской коалиции, следует со всей определенностью сказать, что, начиная с первых дней героической борьбы народов Югославии за национальное и социальное освобождение и вплоть до окончательной победы, СССР последовательно и целеустремленно поддерживал эту борьбу, руководствуясь принципами пролетарского интернационализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Внешняя политика СССР. Сборник документов и материалов. Т. V. М., 1947, с. 12.
2. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М.
3. Исторически архив КПЈ. Београд, 1949.
4. Сборник докумената и података о народноослободилачком рату југословенских народа. Београд.
5. *Woodward L.* British Foreign Policy in the Second World War, v. III. London, 1971.
6. *Marjanović J.* Draža Mihajlović između Britanaca i Nemaca. Zagreb, 1979.
7. *British Policy Towards Wartime Resistance in Yugoslavia and Greece.* London, 1975.
8. *Barker E.* British Policy in South-East Europe in the Second World War. Bristol, 1976.
9. *Auty Ph.* Tito. A Biography. New York, 1970.
10. *Fotitch C.* The War We Lost. Yugoslavia's Tragedy and the Failure of the West. New York, 1948.
11. Международная жизнь, 1958, № 8.
12. *Plenča D.* Međunarodni odnosi Jugoslavije u toku drugog svetskog rata. Beograd, 1962.
13. Правда.
14. *Zelenjin V. V.* Odnos sovjetske javnosti prema narodnooslobodilačkom ratu Jugoslavije protiv fašizma. — In: Prvo zasjedanje AVNOJa. Bihac, 1966.
15. *Славин Г. М.* Об откликах в СССР на восстание в Югославии (1941) — Советское славяноведение, 1972, № 4.
16. *Броз Тито Ј.* Borba za oslobođenje Jugoslavije. Beograd, 1944.
17. АВП СССР, ф. 144.
18. Большевик, 1942.
19. Коммунистический Интернационал, 1942.
20. *Пономарев В.* Народы Европы против Гитлера. М., 1942.

21. Военно-исторический журнал, 1978, № 5.
22. FRUS. Washington.
23. *Marić M.* Kralj i vladavina u emigraciji. Zagreb, 1966.
24. *Косановић С.* Шта се могло видети из емиграције (Неколико докумената). Београд, 1945, с. 34.
25. *Roberts W.* Tito, Mihajlovic and the Allies. 1941—1945. New Brunswick, 1973.
26. *Петровић М. С.* Лондонска емиграција и борба наших народа. Београд, 1945, с. 24.
27. *Barker E.* Fresh Sidelights on British Policy in Yugoslavia. 1942—1943.— In: The Slavonic and East European Review, v. LIV, 1976, № 4.
28. *Clissold S.* Whirlwind. An Account of Marshal Tito's Rise to Power. New York, 1949, p. 110.
29. *Bryant A.* Triumph in the West. 1943—1946. London, 1959, p. 66.
30. *Трухановский В. Г.* Внешняя политика Англии в период второй мировой войны. М., 1965, с. 433.
31. *Handsel W. H.* The Struggle for Yugoslavia. Foreign Policy Report, 1944, 1 III, p. 326.
32. *Clissold S.* Yugoslavia and the Soviet Union.— Conflict Studies, 1975, № 57, p. 5.
33. *King F. R.* The New Internationalism. Allied Policy and European Peace. 1939—1945. London, 1973, p. 91—92.
34. *Kolko G.* The Politics of War. The World and United States Policy. 1943—1945. New York, 1968, p. 131, 135—137.
35. *Новиков Н. В.* Пути и перепутья дипломата. (Записки о 1943—1944 гг.). М., 1976.
36. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, т. II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Сборник документов. М., 1978.
37. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, т. I. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. 19—30 октября 1943 г. М., 1978.
38. *Sulzberger C. L.* A Long Row of Candles. Memoirs and Diaries. (1934—1954). Toronto, 1969, p. 222.
39. Коммунист, 1975, № 9 с. 7.
40. *Славин Г. М.* Советская общественность и Антифашистское вече народного освобождения Югославии.— Советское славяноведение, 1969, № 3, с. 23—24.
41. *Maclean F.* The Heretic. The Life and Times of Josip Broz Tito. New York, 1957, p. 206—210.
42. Contemporary Yugoslavia. Twenty Years of Socialist Experiment. Berkeley—Los Angeles, 1969, p. 121.
43. Parliamentary Debates (Hansard). House of Commons: Official Report, ser. S, v. 395. London, 1943, col. 945.
44. *Nešović S.* Inostranstvo i Nova Jugoslavija. Beograd—Ljubljana, 1964, s. 201—203.
45. The Eden Memoirs, v. 2. The Reckoning. London, 1965.
46. The Diaries of Sir A. Cadogan. 1938—1945. London, 1971.
47. *Macmillan H.* The Blast of War. 1939—1945. London, 1967, p. 528.
48. Vjesnik u srjedu.
49. *Maclean F.* Rat na Balkanu. Zagreb, 1964, s. 157—158.
50. *Smoljaka J.* Partizanski Dnevnik. Beograd, 1972.
51. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. т. I. М., 1957.
52. Известия, 1944.
53. *Гибианский Л. Я.* Дипломатическая история Висского соглашения Тито-Шубашича.— В кн.: Балканские исследования, вып. 3. Освободительные движения на Балканах. М., 1978.
54. *Kovrig B.* The Myth of Liberation. East-Central Europe in US Diplomacy and Politics since 1941. Baltimore — London, 1974, p. 24.
55. *Churchill W. S.* The Second World War. London.
56. *Гибианский Л. Я.* Закрепление победы югославской революции. (Внешнеполитический аспект проблемы) — Новая и новейшая история, 1976, № 1, с. 122.
57. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. т. IV. Крымская конференция руководителей союзных держав. — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.). М., 1979, с. 270.
58. История Югославии т. 2. М., 1963, с. 249.

К IX Международному съезду славистов

ЗЛЫДНЕВ В. И.

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ БЛИЗОСТЬ КУЛЬТУР ЗАПАДНО- И ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В ЭПОХУ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИЙ

У каждого славянского народа своя самобытная культура. В процессе своего имманентного развития она воспринимала и опыт культур других народов. Вместе с тем у славянских культур есть и некоторые общие характерные черты, которые позволяют говорить о близости и общности этих культур. Такие черты проявляются в культурах западных и южных славянских народов и в период перехода их от феодализма к капитализму.

Этот период охватывает время с середины XVIII до середины XIX в., а в некоторых случаях и до конца 70-х годов XIX в. [1—4]. С заменой феодальных отношений капиталистическими происходило формирование современных наций. Большие перемены происходили и в сфере культуры. Вместо прежних, в большинстве случаев средневековых культур, опиравшихся на феодальную общественную структуру народностей, на конфессионализм католической или православной церкви, на местные особенности, создавался новый тип культуры — культуры национальной, опиравшейся на более развитую этническую и социальную общность.

К началу рассматриваемого периода польская культура оказалась более развитой, чем культура других западных и южных славянских народов. Объясняется это рядом обстоятельств. Прежде всего условиями развития польской культуры в рамках национальной государственности; далее, экономическим подъемом во второй половине XV и в XVI вв., когда города переживали расцвет и складывались культурные центры; наконец, связями польской культуры с культурой развитых европейских стран; в XVI в. в польской культуре обозначились черты, характерные для европейского ренессанса. В Польше со второй половины XVIII в. начинается новый этап культурного развития — эпоха Просвещения, когда гуманитарные и естественные науки получают широкое распространение, а сферы художественной культуры — литература, театр, искусство — приобретают новые функции и имеют значительные художественные достижения.

Иными были условия развития и уровень культуры других славянских народов, находившихся под гнетом габсбургской монархии и Османской империи. Утратив свою независимость в конце XIV в. (болгары и сербы) или в начале XVII в. (чехи), эти народы во второй половине XVIII в. лишь пробуждались к новой жизни. Социально-экономическое развитие, хотя и было замедленным, все же вело к росту национального самосознания, содействовало и культурно-просветительскому движению. Таким образом, в культуре западных и южных славянских народов наблюдаются явления, свойственные этапу становления буржуазных отношений. В статье «Критические заметки по национальному вопросу» (1913) В. И. Ленин писал: «Развивающийся капитализм знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и нацио-

нальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.» [5, с. 124].

На этапе «пробуждения национальной жизни» у славянских народов происходит рост национального самосознания, развитие национального литературного языка, возрастает интерес к историческому прошлому своего народа, к устному народному творчеству; расширяются общественно-политические и культурные связи народов региона и особенно внутри государственных объединений; наконец, усиливается национально-освободительное движение, в котором принимают участие широкие народные массы и их выступления сотрясают устои сложившихся многонациональных империй.

Как писал В. И. Ленин, «пока разные нации живут в одном государстве, их связывают миллионы и миллиарды нитей экономического, правового и бытового характера» [5, с. 175]. В условиях инационального угнетения поработанные народы связаны также устремлениями к самостоятельности, борьбой за свою независимость, за свою национальную культуру. При этом факторы социальной и культурной жизни оказываются взаимосвязанными, находятся в органическом взаимодействии. Само национально-освободительное движение становится важным стимулом для развития литературы, театра, музыки, искусства, а возникшие в этих условиях художественные произведения оказывают, в свою очередь, воздействие на широкие круги читателей, слушателей и зрителей, становясь важным фактором развития общества и нации, фактором духовного прогресса.

Эти явления мы можем наблюдать в культуре всех западных и южных славянских народов на этапе формирования наций и потому есть все основания ставить вопрос о типологической близости их культур.

Процесс формирования национальных культур, затрагивая разные области общественно-культурной жизни, является длительным по своему времени. Большая часть исследователей его начало датирует серединой XVIII в. (в некоторых случаях 60—70-ми годами XVIII в.). Что же касается времени завершения процесса, то оно менее определено. Объясняется это неравномерностью историко-культурного развития и другими обстоятельствами жизни данного народа. При этом называются различные исторические события или культурные явления в качестве завершающего момента. Разумеется, что хронологически определить завершение процесса формирования (или становления) национальной культуры довольно трудное дело. Какие же критерии определяют завершение процесса? Что нужно иметь в виду в первую очередь — процессы социальные или собственно культурные и эстетические? Думается, что в целях приближения к истине необходимо учитывать и те, и другие обстоятельства, так как речь идет о сложном комплексном феномене, включающем в себя явления социального порядка и художественного плана.

Становление рассматриваемых славянских культур в XIX в. показывает, что для его завершения характерны развитые социальные отношения, высокий уровень демократического движения, появление идеологии революционной демократии. Культура становится выразительницей интересов, настроений и чувств самых широких слоев народа. В художественном отношении это проявляется в формировании реалистических принципов. Следует отметить, что задаваясь целью определить, что собой представляет национальная культура, З. Нееды отвечал так: это культура, «опирающаяся на народ и пользующаяся народным источником» [6, с. 496]. И далее уточнял: «Это культура, которая, с одной стороны, отражает нацию, ее характер, историю и устремления, а с другой — сама воздействует на нацию, формирует ее и учит понимать самое себя. Это культура сознательная, а не случайная» [6, с. 497]. Последнюю мысль мы бы сформулировали: «культура как сложившийся тип, как определенная система».

Если эти общие положения применить к конкретным национальным

условиям, то можно сказать, что становление национальной культуры завершилось в Польше примерно в конце 50-х — начале 60-х годов, у других славянских народов позже, а в Болгарии — в конце 70-х годов XIX в.

Представляется возможным и выделение в рамках этого периода по крайней мере двух этапов, имеющих свои идейно-художественные особенности. Первый из них характеризуется огромной тягой к обновлению всей духовной жизни, развитием просветительских идей, ростом образования, достижениями в гуманитарных и естественных науках, распространением научных и художественных изданий, развитием разных сфер духовной культуры. Поэтому весь этот этап обычно называют периодом или эпохой Просвещения. Второй этап ознаменован ростом национального самосознания, подъемом национально-освободительного движения, развитием художественных школ, течений, а также появлением новых эстетических принципов. Его нередко называют периодом или эпохой романтизма, так как в литературе и искусстве ряда стран важное место заняли романтические принципы изображения жизни, романтическое восприятие действительности. В наибольшей степени это соответствует развитию польской культуры, в которой принципы романтизма заняли большое место в разных сферах культуры. Хотя и здесь в более полной степени национальный характер, национальные демократические тенденции были выражены в реалистических произведениях. Что касается культур болгарской, словацкой, сербской, хорватской, то романтические принципы у них не получили большого развития; сам романтизм начал складываться позднее и при этом романтические и реалистические принципы как бы сосуществовали не только в одно и то же время, но нередко в творчестве одних и тех же деятелей художественной культуры в 40—70-е годы XIX в. Поэтому было бы ближе к истине называть второй этап временем становления национальных концепций в культуре, утверждения национальных культур, сопровождавшемся большими достижениями в области литературы, театра, изобразительного искусства, музыки.

Наличие этих двух этапов не означает прерывистости единого процесса, а указывает лишь на особенности идейно-художественного развития культуры и связи ее с историческим процессом. Без подготовительного этапа Просвещения (или культурно-просветительского движения) не были бы возможны и достижения на этапе утверждения национальных культур с развитой системой духовных и художественных ценностей.

В научной литературе до настоящего времени больше внимания уделялось проблеме Просвещения в западно-европейских странах [7] и отчасти в России [8; 9]. Значительно меньше изучена эта проблема в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы [10]. Необходимо отметить, что при наличии ряда общих черт в культурных процессах Западной Европы в XVIII в. и в Центральной и Юго-Восточной Европе во второй половине XVIII в. и самом начале XIX в. (бурный рост знаний, повышение роли книги и печати, развитие образования и науки, расширение сферы культурной деятельности) существуют и принципиальные отличия. И дело не только в том, что у западных и южных славянских народов просветительские идеи проявились позже во времени и не всегда выражены как определенные идеологические системы, сложившиеся концепции. Если в Западной Европе Просвещение складывалось после Ренессанса и опиралось на развитые художественные системы нового времени, то у западных и южных славян (исключая Польшу) в эпоху Просвещения шло становление нового художественного сознания, обособление сфер художественной культуры. Кроме того, оно должно было решать в рамках национального возрождения задачи просветительского, национального, социального и эстетического характера, порывая в большинстве случаев со средневековыми формами и представлениями в сравнительно короткие сроки. При этом Просвещение в странах региона не было одинаковым вследствие особенностей их исторического развития. Ближе всего к европейскому Просвещению было культурно-просветительское движение в Польше и поэтому вторая половина XVIII в. здесь определяется как эпоха Просвещения [11]. Подобные явления наблюдаются в последней трети XVIII —

начале XIX в. и в Чешских землях, где просветительские идеи занимали важное место и в культуре, и в общественной жизни народа. Уместно вспомнить наблюдение Ф. Энгельса о славянской филологии в Австрии. «Исторические исследования, — писал он, — охватывающие политическое, литературное и лингвистическое развитие славянской расы, сделали в Австрии гигантские успехи. Шафарик, Копитар и Миклошич как лингвисты, Палацкий как историк стали во главе движения» [12]. Крупнейшие деятели польской и чешской культуры восприняли многое у западно-европейских просветителей.

У других славянских народов региона процесс восприятия идей европейского Просвещения был более замедленным и менее интенсивным. В ряде случаев шло длительное культурно-просветительское движение на национальной основе, распространение образования и складывание новых форм культурной жизни и лишь к середине XIX в. или даже несколько позже начинается восприятие идей французских и немецких просветителей. У большинства западных и южных славянских народов просветительское движение и высокие идеи Просвещения имели ярко выраженную национальную окраску, так как они одновременно являлись и средством распространения знаний и средством утверждения национального сознания, развития патриотического чувства. Не случайно на раннем этапе просветительского движения чешских и болгарских деятелей культуры называют будителями.

В рассматриваемый период в научных и общественно-литературных изданиях, в переводных и оригинальных произведениях высказывались разные соображения о дальнейших путях развития родной литературы, национального литературного языка, об использовании народного творчества. На первом этапе они носили по большей части отрывочный характер и возникали, как правило, на опыте одной из сфер культуры (чаще — литературы), хотя имели более широкое значение, и лишь позднее, охватывая ряд областей художественной культуры, складывались в определенную систему. По существу это были концепции национальной художественной культуры, свидетельствовавшие о сознательном воздействии на культурный процесс и о степени консолидации нации.

Наибольшее развитие просветительское движение получило в Польше и Чешских землях. Показателем высокого уровня образования и общественного сознания в Польше явились реформа Чарторьских в 60-х годах, образование Эдукационной комиссии в 1773 г., представлявшей собой первое в Европе министерство просвещения, деятельность демократического крыла Четырехлетнего сейма, которое ставило своей целью проложить путь буржуазному развитию. В 70—90-е годы в Польше выдвигаются такие крупные общественные деятели как С. Сташиц, Г. Коллонтай и Ф. Езерский. Они развернули острую критику догматов католицизма в целях утверждения научного мировоззрения; они содействовали развитию гуманитарных наук, исторического сознания и стремились вовлечь в общенациональное движение широкие слои народа. «Именно простые люди, — писал Ф. Езерский в 1791 г., — определяют отличия народов, поддерживают чистоту родного языка, сохраняют обычаи и придерживаются неизменного образа жизни» [13]. Польские просветители вели неустанную борьбу против сословных перегородок и в своих взглядах опирались на идеи западных просветителей, особенно французских. Заслуга польских просветителей в том, что они своими идеями воздействовали на разные сферы культурной жизни — до театра и литературы. Журнал «Монитор» в 1765 г. заявлял, что задача творца, создателя духовных ценностей — «развлекая, просвещать разум и расширять границы ума».

Польские просветители выступали за дальнейшее развитие национального литературного языка, который призван был окончательно вытеснить латынь, в том числе из научных изданий и высшей школы, где она дольше всего держалась; они стремились через язык содействовать демократизации культуры. Важным достижением в области развития национального языка явилось издание капитального труда С. Линды — словаря польского языка (1807—1814). После разделов Речи Посполитой — с конца XVIII в. —

в общественной мысли заметно возрастает проблема национального сплочения поляков, оказавшихся в разных государственных объединениях, и усиливается национально-освободительное движение. А это находит отражение и в культуре.

Чешские просветители также с позиций «века разума» подвергают переоценке все сферы духовной жизни, осуждая пережитки средневековья, «эпохи тьмы». В среде чешских просветителей, среди которых видное место заняли Й. Добровский, Й. Юнгман и М. Крамериус, широко обсуждались вопросы истории и языка чешского народа, создания свой печати, развития литературы и театра. Основой жизнениости чешской нации просветители считали крестьянство и потому обращались к нему как источнику национальной самобытности. «Не будем стыдиться, — писал Й. Юнгман, — они наши сограждане, наши братья. Если мы хотим быть лучше их, будем же им примером» [14]. Просветительские идеи чешских критиков и литераторов широко проникали в национальную драматургию и театр, который стал ареной утверждения чешского национального сознания, распространения и развития чешского языка, пробуждения патриотизма в разных слоях чешского общества [15].

Интенсивное развитие образования, национальной печати, литературы и театра в Польше и в Чешских землях в последней трети XVIII и самом начале XIX в. сопровождалось и возникновением новых форм культурной жизни. Появились различные общества научного и любительского характера, росло число периодических изданий, расширялось книгопечатание, стали складываться крупные культурные центры — Варшава и Краков, Прага и Градец-Кралове (о последнем З. Нееды писал: «... здесь... вся общественная жизнь пошла по пути осознания естественного, оригинального „чешского духа“») [15, с. 64].

Однако старое не отмирало внезапно, оно уживалось с новыми тенденциями. Передовые чешские деятели, выступавшие за развитие национальной культуры, еще пользовались немецким языком; в польской культуре, наряду с просвещенным шляхтичем существовал традиционный образ сармата, хотя и подновленный как «просвещенный сармат» [16]. В течение длительного времени у западных и особенно у южных славянских народов просветительские функции выполняло духовенство. Барочные явления в литературе, театре и искусстве, характерные для культуры XVII в., еще продолжали жить в XVIII в., а в некоторых случаях до середины XIX в. [17]. Это «переходное» состояние в мышлении, художественном сознании эпохи является одной из характерных черт культуры славянских народов в пору ее национального становления.

Просветительское движение в Словакии, Хорватии, Сербии, Болгарии, Словении на первом этапе их национального развития также занимало большое место. Однако в силу запоздалого развития и чужеземного угнетения передовые деятели этих стран вынуждены были решать главным образом задачи становления светского образования, развития школ и учебной литературы на родном языке. Первые газеты и журналы здесь нередко носили общеобразовательный характер. Появлявшиеся поэтические сборники были не только книгами для чтения, но и учебными пособиями. Большое внимание уделялось отечественной истории и судьбам родного языка, развитию национального самосознания широких слоев народа. В целом это был необходимый этап просветительства. Отдельные представители народов этих стран подымались до высокого уровня развития. К ним следует отнести выдающегося сербского просветителя Д. Обрадовича. Его автобиография («Жизнь и приключения Досифея Обрадовича...»), трактаты «Советы здравого разума» и «Собрание разных правоучительных вещей» свидетельствуют о значительном воздействии на него западно-европейских мыслителей. Крупными просветителями были болгары П. Берон и И. Селиминский, которые, испытав влияние греческих просветителей, затем широко использовали достижения западно-европейского Просвещения. Однако их произведения нередко оказывались непонятными соотечественникам и нужно было время, чтобы их научное наследие могло быть оценено в полном объеме.

И тем не менее просветительское движение в этих странах сыграло большую роль в формировании основ национальной культуры; вновь созданная светская школа, различного рода общества по распространению знаний, читальни и библиотеки, периодические издания, стали той широкой демократической базой, на которой складывалась национальная культура, — и в первую очередь литература, а затем театр и искусство. Эта культура развивалась в условиях роста национального сознания и подъема национально-освободительного движения. Поэтому она вбирала передовые идеи своего времени и становилась важным фактором развития нации.

На втором этапе формирования национальных культур (в эпоху романтизма и становления реализма) просветительские идеи не занимали такого места в литературе и искусстве как прежде; они становились частью общественной мысли и идеологии. С подъемом демократического и национально-освободительного движения утверждается идеология революционных демократов, выступающих в общественной мысли и в культуре на первый план. В новых условиях большое значение приобретают проблемы развития национального и художественного сознания в разных сферах культуры. Отсюда повышенный интерес к родному языку и фольклору как средству национального и художественного выражения, интерес к литературе и искусству других народов, связанный с развитием культурных связей. Это содействовало интенсивному развитию разных сфер культуры, обогащению национальных культур.

Языковая проблема у каждого народа решалась по-своему, в зависимости от общего культурного развития и состояния письменного языка. Так, в Польше, где литературный язык сложился еще в XVI в., в последней трети XVIII в. шла борьба за утверждение родного языка во всех сферах культуры и науки. С конца XVIII в. — после раздела польских земель и утраты государственной независимости — передовые деятели культуры справедливо видели в национальном литературном языке средство защиты единства нации, сохранения национальной культуры.

Проблема двуязычия — немецкий или чешский язык? — стояла перед деятелями чешского Просвещения. До начала XIX в. большая часть литературы, периодических изданий выходила на немецком языке. Спектакли также большей частью шли на немецком языке. Однако неутомимая деятельность таких филологов, как Й. Добровский и Й. Юнгман, а также растущее чешское самосознание в начале XIX в. привели к утверждению в литературе (художественной, общественно-политической и научной), в периодической печати и театре чешского литературного языка. Далее борьба шла за совершенствование стиля, за лексическое богатство и художественную выразительность родного языка. В 1826 г. П. Шафарик писал Я. Коллару по поводу языка: «Теперь или никогда! Сейчас время реформы... все находится в движении, еще нет ничего устоявшегося. Когда же наступит время, то и язык и стиль стабилизируются... тогда будет конец всем нашим требованиям» [18]. Выступления Й. Юнгмана по вопросам чешского языка в 20-х годах XIX в., а также созданный им в конце 30-х годов чешско-немецкий словарь, явились важными вехами утверждения национального языка в разных сферах жизни.

Языковая проблема у словаков и южных славян приобретала идеологический характер, а реформаторы языка становились широко известными общественными деятелями, как А. Бернолак и Л. Штур у словаков или В. Караджич у сербов. Широкое движение за литературный словацкий язык развернулось в 40—50-е годы XIX в., а языковые реформы В. Караджича, опиравшегося на живую народную речь и утверждавшего единый сербохорватский язык, получили признание литературной общественности лишь к середине прошлого столетия.

В 30—40-е годы XIX в. изменяется языковая ситуация и в Болгарии. Вместо ранее бытовавшего билингвизма — греческий и болгарский языки — теперь в школах, научных изданиях, литературе получает признание болгарский язык. Видный деятель болгарской культуры Н. Геров публикует в России в 50-е годы XIX в. первые опыты своего толкового

словаря болгарского языка, который был им завершен лишь к концу столетия и получил всеобщее признание («Словарь болгарского языка с толкованием слов на болгарском и русском», т. 1—5).

Борьба за утверждение национальных литературных языков в странах региона проходила в условиях чужеземного гнета, поэтому она была не только средством сплочения славянских наций, но и средством развития их национального самосознания. Не все сферы его функционирования получили одинаковое развитие, но тем большее значение его было в литературе и театре.

Важное место в становлении национальной культуры западных и южных славянских народов заняло обращение их передовых деятелей к национальной истории и устному народному творчеству. Еще в период просветительского движения появляются специальные труды по истории народов. Писатели обращаются к тем историческим периодам, которые позволяют говорить о былом величии своих народов, их крупных исторических деятелях. Нередко и обращение к античности было связано с поиском гражданско-республиканских и нравственных идеалов (Й. Юнгман). Если для польских просветителей история являлась «уроком нравов», то для романтиков она уже была, как выражался М. Мохнацкий, «воплощением утраченной сущности народа». В это же время широкое распространение получили и картины художников, созданные на исторические сюжеты. В последней трети XVIII в. одним из ведущих жанров польского искусства стала историческая картина. Мифологические и древние темы были представлены в творчестве Ф. Смуглевича¹. В 20-е годы XIX в. в Чехии высоко ценилась тетрадь «Чешской истории в картинах» А. Махека; большой популярностью пользовались исторические картины болгарского художника Н. Павловича и серба Д. Якшича. В ряде случаев обращение к народному эпическому творчеству также было связано с возросшим историческим сознанием. «Историческое самосознание, — отмечает П. Динков, — осуществляется не только через извлечение хроник, летописей, грамот и других источников, через создание исторических трудов, но и через исторические образы, которые идут от народного поэтического творчества: юнацкие, исторические, хайдуцкие и революционные песни, исторические легенды и предания» [20].

Обращение к народному творчеству было также показателем роста художественного сознания. Поиски выразительного и исконно самобытного в культуре народа побуждали к собиранию фольклора и его публикации. Появляются крупные фольклористы. В Польше это был З. Доленга-Ходаковский, в Чехии — Ф. Челаковский, в Сербии — В. Караджич, в Болгарии несколько позже — братья Константин и Димитр Миладиновы. Интерес к фольклору был связан и с возникновением романтизма в литературе. Поэты и прозаики стали широко использовать его в своих оригинальных произведениях, создав значительные художественные ценности. Об этом свидетельствует революционно-романтическая поэзия А. Мицкевича и Я. Краля, Ф. Прешерна и П. Негоша, Д. Якшича и Х. Ботева. Фольклор занял большое место в концепциях деятелей культуры, так как они видели в нем один из источников глубоко народных и национальных традиций, образцы высокой художественности, впитавшей этические и нравственные ценности народа.

В эпоху формирования национальных культур, как никогда ранее, большое значение приобретают межнациональные культурные отношения. Это связи в области общественно-просветительской мысли, литературы и искусства, театра и музыки. Они вызваны тем, что развитие славянских народов в эту переходную эпоху протекало неравномерно, а желание достичь уровня более развитых культур побуждало передовых деятелей одного народа к использованию достижений других народов, к установлению непосредственных контактов с творцами других культур. Многосторонними и комплексными были межславянские связи внутри региона с русской культурой, а также связи славянских культур с культура-

¹ Характеристика польского искусства и его функции освещены в [19].

ми народов Западной Европы. В их развитии есть своя динамика: они изменялись во времени и в самом содержании. Если на раннем этапе большую роль играл конфессиональный фактор, то с развитием национального сознания возрастает фактор славянской общности, а с ростом культурно-просветительского и национально-освободительного движения возрастает фактор социально-исторической близости. Деятели польского, чешского и сербского просвещения раньше обращаются к опыту французских и немецких просветителей, у других народов несколько позже и в более ослабленной форме также использовался опыт западных просветителей.

С начала XIX в. широкое распространение приобретает идея славянской взаимности. Возникнув первоначально в Чехии в 20-е годы, она потом нашла благодатную почву у почти у всех славянских народов, содействуя их духовному сближению, укреплению творческих контактов. Вслед за Я. Колларом — «певцом славянской взаимности» — появляются славянские мотивы в творчестве чешских, сербских, хорватских и болгарских поэтов. Эти идеи нашли горячий отклик в хорватском национальном возрождении в 30—40-е годы, вылившись в широкое национально-культурное движение — иллиризм [21]. Крупнейшие деятели иллиризма Л. Гай, И. Мажуранич, С. Враз своей общественной и литературной деятельностью содействовали укреплению связей хорватов со всеми славянскими народами. Идея славянской взаимности при всей своей утопичности в условиях 20—40-х годов XIX в. явилась прогрессивной и содействовала укреплению контактов между славянскими учеными, писателями, художниками. На этой почве складывалась и новая гуманитарная дисциплина — славяноведение, которая получила развитие в ряде стран и научно обосновала языковую, этническую и культурную общность славянских народов.

В эпоху развитых социальных отношений (на завершающем этапе формирования наций и национальных культур) взаимоотношения славянских народов в области культуры определяются уже не столько языковой или этнической близостью, сколько общностью социально-политических идей и устремлений. И поэтому вполне правомерно, что новый тип связей раньше проявился у народов с более развитыми социальными структурами и более богатой культурной традицией. Так, деятели польского Просвещения раньше других используют опыт западноевропейских просветителей. В 20—40-е годы XIX в. новый характер приобретают польско-русские культурные отношения. Теперь идеи национальной независимости Польши оказываются близкими передовой русской интеллигенции, что получило наиболее полное выражение в позиции декабристов по польскому вопросу (конституционный проект Южного общества, выступления П. Пестеля, А. Бестужева, а позже К. Рыльева). Знаменитое поэтическое послание А. Мицкевича «Русским друзьям» (1832), вошедшее в третью часть «Дзядов» и направленное поэтом из Парижа, — это выражение новых польско-русских отношений, в основе которых заложена общность освободительных идей двух народов. Обращаясь к декабристам и их единомышленникам, он слал им «радостный призыв свободы и весны». Высоко ценил новый характер польско-русских отношений А. Герцен, когда писал: «Поляки почувствовали, что борьба идет не между русским народом и ими, они поняли, что им и впредь можно сражаться не иначе, как за их и нашу свободу, как было написано на их революционном знамени» [22].

Иной характер приобрели и болгаро-русские отношения на этапе утверждения болгарской национальной культуры. Крупнейшие болгарские мыслители 60—70-х годов XIX в. Л. Каравелов и Х. Ботев устанавливали связи с русскими революционными деятелями. Для Каравелова высшим поэтическим авторитетом становится революционная поэзия украинского бунтаря Т. Шевченко. На социальной основе развивались и болгаро-сербские и сербско-русские культурные отношения. Достаточно вспомнить о деятельности Л. Каравелова в Сербии и его участие в движении «Омладины», связи С. Марковича и Ж. Жуевича с русскими революционными демократами. Новое в культурных отношениях не ограничивалось лишь

социальным аспектом. На этом этапе связи прообретали многосторонний характер как в плане их интенсификации в разных сферах духовной деятельности, так и в развитии и обмене художественными ценностями. Связи становятся важным фактором творческого культурного взаимодействия и взаимообогащения.

Наконец, следует иметь в виду, что становление национальных культур западных и южных славянских народов предполагало и развитие художественных принципов. Идеи Просвещения подготовили почву для классицистических форм в литературе и искусстве XVIII в. (в некоторых случаях и в начале XIX в.), а развитие национально-освободительной идеологии повлекло за собой становление романтизма и реализма в художественной культуре всего рассматриваемого региона. И романтизм и реализм были не просто новыми принципами изображения действительности, но и новым социально-идеологическим выражением, связанным с освободительным движением народов. Романтизм в искусстве, театре и литературе народов региона по преимуществу носил прогрессивный характер (исключение здесь представляют некоторые произведения Э. Красиньского, проникнутые консерватизмом и религиозно-мессианистскими идеями). Романтизм славянских народов, как правило, был связан с национально-патриотической и революционной идеологией. Он нес в себе пафос освободительной борьбы славянских народов и опирался на идейно-художественные достижения в западно-европейской и русской культуре. В наибольшей степени романтизм получил развитие в польской литературе и искусстве; его яркие проявления можно наблюдать в Чехии (А. Маха). Что касается других народов, то у них романтизм распространился несколько позже, не имел столь яркого проявления и был в большей степени связан уже с реалистическими принципами воспроизведения действительности — Я. Краль, Д. Якшич, Х. Ботев. И чем больше писатели, художники, театральные деятели стремились выразить национальные устремления, тем в большей степени их романтические произведения проникались реалистическими тенденциями. Поэтому не случайно крупнейшие романтики 30—70-х годов XIX в. были вместе с тем и реалистами, выразителями самых передовых национальных идеалов. Это с полным правом можно отнести к А. Мицкевичу, Я. Краю, Х. Ботеву, как и ряду других крупных национальных творцов.

Стремление писателей и художников представить жизнь народа в полноте, в разных духовных и психологических проявлениях все больше побуждало их к реалистическим обобщениям. Проследивая творческие тенденции в чешской культуре, Э. Неedly замечает, что уже Тыл — «первый наш национальный прозаик, сумел обрисовать чешское общество... с поразительным реализмом», а когда «нация пробуждалась», то во главе ее стояли «Неруда и Сметана, прежде погруженные в романтические болезненные переживания и патетизм, а теперь вдруг ставшие как бы возродившимися вождями новой, молодой национальной культуры» [6. с. 499, 512]. И далее проникательный исследователь чешской культуры видит достоинство чешских классиков в том, что они обратились к изображению народа, чешской деревне. Итак, путь к изображению народа в его характерных чертах был свойствен и польской литературе и искусству 40—50-х годов XIX в., чешской и словацкой литературе 40—70-х годов, и художественной культуре южных славянских народов 60—70-х годов.

На этапе утверждения национальной культуры приобретает самостоятельное значение литературно-художественная практика, появляющаяся у каждого народа свои выразители национальных концепций, происходит формирование реалистической эстетики. Их отношение к литературе, изобразительному искусству, театру и музыке свидетельствует о том, что утверждается национальная культура как определенная система в общественной жизни славянских народов, в их историко-культурном процессе.

Все это позволяет нам говорить о наличии определенной типологической близости славянских культур на этапе формирования наций и утверждения национальных культур. Их творческие достижения и сложившиеся эстетические принципы не утратили своего значения и в современ-

ном культурном развитии, оставаясь ценным национальным достоянием в сокровищнице духовного развития каждого народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. М., 1981.
2. Социальная структура общества в XIX в. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1982.
3. Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.
4. Культура народов Балкан в новое время. Балканские исследования, вып. 6. М., 1980.
5. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24.
6. Неедлы Эд. Статьи об искусстве. Л.— М., 1960.
7. Проблемы Просвещения в мировой литературе. М., 1970.
8. Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII в. М.— Л., 1961.
9. Эпоха Просвещения. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967.
10. Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Просвещение. Национальное возрождение. М., 1982.
11. Голешицев-Кутузов И. Н. Итальянское возрождение и славянские литературы XV—XVI веков. М., 1963.
12. Маркс К. и Энгельс Ф. Об искусстве. Т. I. М., 1967, с. 534.
13. Jezierski F. S. Wybór pism. Warszawa, 1952, s. 245.
14. Мьяльников А. С. Иозеф Юнгман и его время. М., 1973, с. 83.
15. Титова Л. Н. Чешский театр эпохи национального возрождения. Конец XVIII — первая половина XIX в. М., 1980.
16. Танаева Л. И. Сарматский портрет. Из истории польского портрета эпохи барокко. М., 1979.
17. Славянское барокко. Историко-культурные проблемы эпохи. М., 1979.
18. Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978, с. 58.
19. Свирида И. И. Польская художественная жизнь конца XVIII—первой трети XIX века. М., 1978.
20. Диников П. Миф и история в фольклоре.— В кн.: Фолклор и история. София, 1982, с. 5.
21. Лециловская И. И. Иллиризм. К истории хорватского национального Возрождения. М., 1968.
22. Герцен А. Собрание сочинений. Т. VII.

90 ЛЕТ РУМЫНСКОЙ СЛАВИСТИКИ

В октябре 1981 г. в Бухарестском университете проходил юбилейный симпозиум, посвященный 90-летию со дня основания кафедры славянских языков. Эта дата знаменательна в истории не только университета, но и всей румынской славистики: именно с момента основания кафедры в Румынии было положено начало систематическим исследованиям в области славянской филологии.

Симпозиум вылился в настоящий праздник славистической науки, на котором были подведены итоги деятельности славистов и намечены новые перспективы. К юбилейной дате издательство университета выпустило специальный сборник «Из истории румынской славистики» [1].

За 90 лет существования кафедры (первоначально принадлежавшей факультету философии и литературы) было подготовлено большое число специалистов, созданы сотни трудов, охватывающих самые различные области славяноведения и внесших заметный вклад в развитие как румынской, так и мировой славистики.

Необходимость основания кафедры, ставшей центром изучения культуры славянских народов, становится убедительной, если учесть общественную ситуацию в Румынии конца XIX в. Это был период, когда в условиях бурной активизации социалистического движения в стране особенно обостряется интерес к русской культуре, когда в результате обретения национальной независимости общественная мысль все более обращается к изучению национальной жизни и истории. И именно в это время деятелями румынской науки и культуры четко осознается необходимость обращения к славянским культурам.

Изучение жизни славянских народов, с которыми румын роднит многовековая история совместного исторического развития, открывало путь к более успешному изучению культуры национальной. И неслучайно первая вводная лекция Иоана Богдана (1864—1919), с именем которого связано основание славянской кафедры и который по праву считается отцом румынской славистики, называлась «Значение славистических исследований для румын» (спустя три года лекция была издана отдельной брошюрой) [2]. В ней намечена программа исследования проблем румыно-славянской филологии, и по сей день сохраняющая свою значимость для румынских славистов.

И. Богдан рассматривал культуру славян и как часть истории румынской культуры. Талантливый ученый, блестящий педагог и организатор, он провел огромную работу по организации и проведению славистических исследований. И. Богдан — автор многочисленных трудов по румынской и славянской культурам: в Центральной библиотеке Бухарестского университета насчитывается более 1100 названий его работ.

Уже в первые годы после образования кафедры были разработаны практические курсы, учебники и пособия, словари, написаны отдельные исследования по румыно-славянской истории и филологии. К работе кафедры

были привлечены многие видные представители румынской науки и культуры, труды которых внесли весомый вклад в развитие румынской славистики. В начальный период славистических исследований в Румынии проблемы развития славянских культур рассматривались в основном в контексте общеевропейского или национального культурного развития. В дальнейшем процесс дифференциации и разработке вопросов славяноведения привел к созданию фундаментальных трудов по различным областям славистической науки, а также исследований, посвященных конкретным проблемам развития отдельных языков и литератур.

Особенно мощный толчок получает румынская славистика в годы социалистического строительства в Румынии. Даже беглое сопоставление славистических работ разных периодов показывает, насколько шире стал диапазон исследований и глубже их научная направленность. Современные румынские слависты, опираясь на достижения мировой славистики, разрабатывают широкий круг проблем. В области лингвистики ведутся многочисленные исследования как фундаментальных проблем сравнительного языкознания, так и более частных, основанных на анализе конкретного материала. Внимание литературоведов обращено к вопросам развития славянских литератур в контексте мирового литературного процесса, проблем румыно-славянских литературных связей и творчества отдельных писателей.

Материал, накопленный румынской славистикой за 90 лет ее истории, разумеется, огромен. В обзоре рассмотрены некоторые достижения в области исследования литератур и языков по странам славянского ареала. Основной упор делается на работы румынских ученых последних лет, в частности, на работы по русистике.

С самого начала своей научной деятельности И. Богдан проявлял особый интерес к истории и культуре польского народа. В 1887 г., в первые месяцы обучения в Венском университете, он слушал курс польского языка, а три года спустя — курс польской истории и литературы в Ягеллонском университете. (В библиотеке Бухарестского университета хранится значительный фонд книг, написанных Богданом по польской филологии, истории и культуре. Об этой стороне деятельности основоположника румынской славистики говорится в работах М. Дана «Связи Иоана Богдана с польской филологией. Из истории румыно-польских связей конца XIX в.» [3, IV, 1960] и Г. Михэилэ «Иоан Богдан. 1864—1919» [4].)

Другой видный румынский ученый, историк Н. Иорга (1871—1940) настоятельно доказывал необходимость преподавания в Румынии польского языка. «Польский язык, — писал он, — откроет нам клад документов» и «создаст широкие перспективы для развития славистики» [5].

Большие заслуги в исследовании польской культуры принадлежат профессору И. Кицимии (в 1949 г. он возглавил на славянской кафедре отделение польского языка и литературы). Им написан целый ряд трудов о литературе Польши, среди которых: «Зарождение польской литературы» [6, I, 1937], «Польша в румынской культуре», «Румынская литература в Польше» [6, III, 1938] и другие, внесшие особый вклад в разработку проблем культурных взаимосвязей. Большое количество его работ посвящено польскому поэту А. Мицкевичу: «Адам Мицкевич и румынский писатель Г. Асаки» [3, I, 1958], «Адам Мицкевич и румынская литература. Переводы его произведений на румынский язык» [3, XII, 1965], «Сонеты Мицкевича и их место в мировой литературе» [3, XVII, 1970] и др. Из последних работ И. Кицимии можно назвать, в частности, статью «Два стихотворения, два поэтических мира: Эминеску и Выспяньский» [3, XIX, 1980]. На основе сравнительно-сопоставительного анализа произведений двух ярких представителей румынской и польской поэзии автор, выявляя различия в их поэтическом видении мира, обнаруживает в то же время типологическое сходство образно-художественных средств. Выспяньскому же посвящена и статья Р. Ивэнеску-Чокан «По следам „Молодой Польши“» [3, XIX, 1980] — о сложности применения к поэту методов структурного анализа. Автор останавливается на определенном круге проблем (остающихся до последнего времени открытыми), касающихся восприятия

творчества Выспяньского за рубежом. Большой вклад в исследование польской литературы внесли Е. Фодор [3, I, 1958], К. Джамбашу [3, XIX, 1980], а также С. Веля, которым написана книга «Польские писатели» [7]. В ней представлен большой период в развитии польской литературы — от Б. Пруса до Л. Крочовского.

В работе И. Богдана «Румыны и болгары. Культурные и политические отношения двух народов» [8] научно обосновывается мысль об исторической и культурной общности судеб румынского и болгарского народов. Их географическое и историческое развитие способствовало тесным языковым взаимовлияниям, и усилия румынских болгаристов с самого начала были направлены главным образом на разработку проблем румыно-болгарских языковых связей. В этой области большой вклад внесли также труды И. Поповича [9], Т. Капидана [10] и др. Проблемы болгарского языка разрабатываются и в более широком контексте румыно-славянских языковых связей. Особенно большое количество работ посвятил этой проблематике А. Росетти [3, I, 1958; XIX, 1980; XIV, 1968]. Проблемы языковых связей освещаются и в работах М. Заверы, в частности, в статьях: «Румынские слова славянского происхождения, заимствованные из болгарского» [4] и «Война за независимость 1877 г. и ее отражение в румыно-болгарских языковых связях» [3, XIX, 1980]. В последней автор прослеживает процесс обогащения лексического состава болгарского языка на примере старых лексических заимствований из румынского, получивших в период войны новую семантическую нагрузку и используемых в настоящее время в болгарских говорах, а также некоторыми писателями для специфической стилевой окраски.

Исследованиям румыно-сербских культурных связей положили начало труды таких известных румынских писателей (с их именами связано также начало румынской славистики), как Б. П. Хашдеу («Сербская народная поэзия. Борьба между братьями Дан и Мирчей Великим») и А. Одобеску («Церковь Куртя Арджеш и мастер Манолес») [1].

В настоящее время вопросы сербской литературы широко разрабатываются в трудах Г. Михэилэ и М. Живковича. В работах последнего выявлены, в частности, новые аспекты жизни и деятельности Досифея Обрадовича [11] и тех сербских писателей, которые посещали Румынию (В. Караджич, Ст. Попович, Бр. Радичевич, Дж. Якшич, И. Андрич и др.) [12]. Жизнь и деятельность Караджича, его плодотворные связи с румынской культурой и литературой явились предметом серьезных исследований румынских славистов — Г. Михэилэ, Д. Гэмулеску, М. Георгиевича [1]. Проблемы древней сербской литературы широко разрабатываются в контексте общих проблем румыно-славянских отношений. В этой связи следует отметить исследования И. Кицимии [3, XVI, 1968; XIII, 1966].

Из исследований по современному развитию литературы в Югославии следует назвать работы В. Стоянович: «Современный югославский роман в европейском контексте» [13], посвященную становлению жанра, и «Аспекты современного сербского романа» [14], где сделана попытка выявить новые критерии оценки романного жанра.

Широко разрабатываются румынскими исследователями и проблемы сербского эпоса, внимание к которому усиливается после 1944 г. (И. Кицимия [15], М. Живкович [3, I, 1958], В. Фрынку [16]). Эпос славянских народов вообще очень широко исследуется румынскими учеными, особенно в плане выявления взаимовлияний народных культур румын и славян. Так, например, в работе «Созвучия, переключки и элементы композиционной структуры в румынских и словацких народных песнях» [3, XIX, 1980] Г. Кэлин, говоря о формировании румынской народной культуры на стыке западно- и восточноевропейской цивилизации, рассматривает в плане сопоставительного анализа, с одной стороны — взаимовлияния, обусловленные историческими и языковыми условиями развития чехов, словаков и румын, с другой — отличия, выражающиеся в композиционной структуре и средствах художественной выразительности произведений народного творчества.

Широкое освещение в румынской славистике получило творчество многих чешских и словацких классиков литературы (работы Е. Ефтиму [17], Г. Кэлин [3, XVII, 1970] и др.). Оригинально и интересно построена монография К. Барборикэ «Карел Чапек» [18], являющаяся одним из первых опытов подобных исследований в Румынии по чешской литературе. Новые факты из истории румыно-чешских культурных связей представлены в статье М. Миту «Пражский журнал 1813 г. о румынском языке» [1], в которой на основе недавно обнаруженных материалов, представляющих несомненную ценность для изучения румынской культуры, говорится об интересе историков, литераторов, политических деятелей разных стран к румынскому фольклору, языку и литературе. Близка к ней по тематике и статья А. Тоадер [3, XIX, 1980] об отражении в чешской мемуаристике XIX в. стремлений румын к свободе и независимости.

Некоторые аспекты румыно-словацких культурных связей освещены в работе М. КонстантINESКУ-Кондруц [1] — о публикации словацким журналистом Г. Августином в конце XIX в. на страницах журнала «Словенские погляды» серии статей под заглавием «Маленький Париж», посвященных румынской столице.

С самого начала работы славянской кафедры в центре внимания румынских ученых оказывается русистика. В первые годы исследования по русской филологии носили общий или практический характер: издавались словари, практические курсы, учебники по русскому языку. Позднее выходят статьи и монографические работы, представляющие неоспоримое научное значение; в частности, новому направлению исследований по русистике положила работа Й. Йордана «Влияние русского языка на румынский» [19].

Более интенсивное развитие получает русистика после второй мировой войны в результате преобразования системы обучения в Румынии и ряда мероприятий по усовершенствованию образования подготовки научных кадров. После 1948 г. русский язык становится обязательной дисциплиной в школьных программах. В 1948 г. основывается педагогический институт им. Горького с отделением русского языка. В 1951 г. в Бухарестском университете образуется общая кафедра русского языка и литературы (позднее разделившаяся). В послевоенный период выходят труды по различным областям лингвистической науки: грамматике, лексикологии, стилистике, ономастике, теории переводов, истории языка, языковым контактам.

Усилия современных румынских лингвистов направлены на сравнительное изучение языков, не связанных генетическим родством, на разработку методики исследования, благодаря которой решаются проблемы развития языков. В работе «Типология категории падежа имени существительного в русском и румынском языках» [20] Е. Фодор связывает типологическое изучение, в первую очередь, с понятием изоморфизма, не обусловленного фактором времени и пространства. Метод этот, как следует из статьи, дает возможность изучать типологические явления языков как родственных, так и неродственных.

Как показывают последние работы румынских авторов, малоизученной областью лингвистики является сравнительное изучение лексики неродственных языков. При сравнении языков лексика обычно не принималась во внимание. Между тем, выработка принципов и методов сравнительного анализа лексики неродственных языков имеет первостепенное значение. Поиску таких методов исследования и посвящена работа Л. Шоптеряну «Сравнительно-сопоставительное исследование лексики неродственных языков с точки зрения семантики» [20]. Выявление общего в семантике, как отмечает автор, вполне оправдано, ибо в «универсальном содержательном компоненте языка» различные языки мира проявляют наибольшую близость в силу «общности практики и единства человеческого мышления». С этим связана, в свою очередь, общность многих семантических процессов и явлений в языках. При сопоставлении в плане семантики славянских и романских языков, заключает автор, не следует

упускать из виду и такой немаловажный фактор, как возможность рассматривать эти языки в рамках современных европейских языков, системы которых совпадают «в своих существенных чертах» в результате их развития «из одной речевой общности» и вследствие их участия в течение долгого времени в создании общей культуры, а также влияния латинского и греческого языков.

Объектом пристального внимания румынских русистов-литературоведов является история развития русской литературы. Актуальным проблемам творчества крупнейших русских писателей-классиков посвящены многие их работы. Вопрос о мифе в творчестве Достоевского, о его соотношении с понятием «мотива» рассматривает А. Ковач в статье «Миф и мотив в поэтике Достоевского» [20]. (См. также его работу «Исключительное и фантастическое в поэтике Достоевского» [1].) Определяя роль и место мифа в творчестве Достоевского, автор отмечает и заслуги некоторых западных исследователей, привлечших внимание к этой проблеме и выдвинувших концепцию мифологического характера искусства Достоевского, его «фантастического реализма». Однако исследователи, как указывает Ковач, пишущие о мифологическом, фантастическом или романтическом характере творчества русского писателя, обычно выводят это творчество за пределы критического реализма. Чтобы убедительно спорить с их концепцией, — пишет Ковач, — необходимо провести исследование природы художественной образности, творческого метода писателя, проанализировав его стилевые особенности в целях выяснения соотношения между мифом и реализмом. Важная задача в исследовании поэтики Достоевского заключается не только в том, чтобы определить границы мифа в творчестве писателя, но и выяснить его место в ряду других художественных средств. Автор приходит к выводу, что мифы в их чистом виде занимают небольшое место в прозе Достоевского. Основные мотивы зарождаются в пласте реальном, но полно выявляют себя в «ипостаси мифа». Мифологическое в системе мотивов «органично входит в реалистический контекст, помогая выявить глубинные и тайные философские идеи и чувства героев и поставить в произведении важнейшие проблемы человеческого бытия и путей развития общества». Миф ставится Достоевским в один ряд с фантастическим, выполняющим у него реалистическую функцию.

О том, что румынские специалисты, утверждающие концепцию «разновидностей» русского реализма, не выводят их за рамки критического реализма, свидетельствует и работа М. Бэлэнеску «Динамика чеховского реализма» [20]. Автор рассматривает специфику чеховского искусства с точки зрения его «импрессионистического видения». Импрессионизм писателя сводится к искусству видения, направленного на личность с сохранением некоей дистанции по отношению к изображаемому, не выходя за рамки реалистического. Особенно это импрессионистическое видение заметно, как подчеркивается в статье, в произведениях Чехова, написанных после 1888 г., которые оказываются более сильно связанными с «культурным стилем эпохи». Автор приходит к выводу: нельзя отрицать склонности Чехова к импрессионистическим мотивам, хотя такой подход не дает еще возможности охватить всю сложность чеховского метода. «Реалистическая доминанта вырастает на основе ее взаимодействия с проявлениями символизма, которые в конечном счете обретают реалистический характер — в рамках реализма, наиболее верно отражающего суть явлений».

Поэтике и истории стихотворения в прозе посвящена статья А. Ковача «Жанр стихотворения в прозе в русской литературе конца XIX — начала XX в.» [3, XIX, 1980]. Автор прежде всего отмечает, что в работах, посвященных стихотворениям в прозе, не выяснены важнейшие аспекты их жанровой структуры, природы художественной образности. А. Ковач предлагает пересмотреть взгляды на стихотворение в прозе как на чисто лирический жанр на основе современных представлений о литературных родах и жанрах.

Важнейшей особенностью тургеневского стихотворения в прозе, — считает автор, — является то, что в нем достигнуто равновесие лириче-

ских и эпических элементов. Это наряду со своеобразной композицией и обуславливает жанровое единство «Стихотворений в прозе» Тургенева. Все основные черты выработанной Тургеневым модели — форма миниатюры, равновесие лирического и эпического, романтическая приподнятость реалистических картин и символических образов — встречаются в двух стихотворениях В. М. Гаршина и «Огоньках» В. Г. Короленко. Стихотворения в прозе (свыше 20) были написаны и М. Горьким; большинство из них сохраняет отчетливые жанровые очертания, хотя некоторые представляют собой переходные явления, ведущие к чисто эпическим прозаическим жанрам. В статье отмечается, что специфика многих произведений Горького еще недостаточно раскрыта. «Симфонии» А. Белого, по мнению автора, нельзя назвать стихотворениями в прозе (в художественной литературе вообще трудно найти им аналогию), так как они выходят за рамки малой формы жанра. За пределами жанра остается и их структура — отсутствует такой важный компонент как лирический пласт. Автор приходит к выводу, что существующие образцы лиро-эпической структуры стихотворения в прозе отличают русскую литературу от французской постверленовского периода, а также от румынской, где этот жанр обладает лирической структурой.

О разных аспектах румыно-русских литературных и культурных связей, имеющих свою богатую историю, румынскими славистами написано большое количество исследований. Работа Г. Барбэ «Отзвуки русской литературы в румынской печати 1940—1944 гг.» [3, XIX, 1980] представляет особую ценность, поскольку обычно период господства в Румынии военно-фашистской диктатуры исследователи обходят вниманием. С 1939—1940-х годов перестали выходить органы демократической печати, в том числе и ряд авторитетных литературных журналов. Издание произведений русской и советской литературы было запрещено. Но, как показывает Барбэ, вопреки невероятно трудным условиям, на страницах румынской печати, продолжают публиковаться переводы из произведений русских и советских авторов. Отдельными книгами выходят сочинения классиков (Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Л. Толстого, Чехова, Куприна, Горького, Есенина). Румынские ученые продолжают свои исследования по русской литературе — появляются работы Е. Ефtimiу, М. Заранду, Д. Брэтеску — о Пушкине и Лермонтове; Д. Теодореску — о Гоголе, Е. Ефtimiу — о Тургеневе, Островском, Тютчеве; Н. Роцу, В. Догару — о Достоевском; М. Апостолеску, И. Нямцу — о Толстом и др.

Интересную страницу в истории литературных связей представляет собой восприятие в Румынии творчества Пушкина. Постоянной темой исследований румынских славистов являются факты пребывания Пушкина в Бессарабии, его связи с румынскими писателями, отзвуки его творчества в румынской литературе, молдавские мотивы в пушкинских произведениях. Интерес к Пушкину в Румынии был всегда велик, но особенно активно он проявляется, как показывает Г. Барбэ, в межвоенный период («Пушкин в межвоенной Румынии» [20]). Именно в это время, как никогда раньше, возрастает количество переводов из произведений поэта. В течение двух десятилетий в этой области было сделано больше, чем за предыдущие 80 лет. Большим успехом среди читающей публики пользовалась и пушкинская проза. В статьях, заметках, очерках межвоенного периода отмечается тенденция к серьезному изучению и глубокому анализу художественного творчества поэта, к переходу от «сентиментально-патетического комментария к научному исследованию».

В 1978 г. в Румынии широко отмечалось 150-летие со дня рождения Л. Н. Толстого. Ассоциация славистов, Академия социальных и политических наук, Союз писателей и Общество филологических наук организовали симпозиум, доклады которого опубликованы в журнале «Romanoslavica», полностью посвященном русскому писателю [3, XX, 1981]. Творчество Толстого в Румынии исследуется во многих аспектах: разрабатываются не только проблемы непосредственного воздействия Толстого на того или иного писателя (см., например, работы А.-М. Брезуляну «Лев Толстой и Леонид Андреев: созвучия и различия», Д. Барбэ

«Лев Толстой и Михаил Шолохов», Д. Балана «Лев Толстой в восприятии Маяковского», М. Дорки «Толстой глазами Мережковского», К. Беженару «Соотношение человек-судьба у Толстого и Мальро», С. Пэндулеску «Р. Мартен дю Гар и традиция толстовского романа» и др.). Творчество Толстого рассматривается в контексте мировой литературы; исследуется влияние идей Толстого на осмысление общечеловеческих проблем (статьи: Л. Фулги «Возможность спасения человечества», И. Яноши «Л. Н. Толстой: человек, художник, мыслитель» и др.); роль других искусств в творчестве великого писателя (А. Митеску — «Музыка и общение у Толстого»); его значение для развития критической мысли (К. Павел — «Статья Ленина о Толстом и современная французская критика», Д. Думитриу — «„Война и мир“ — постоянная отправная точка зрения в английской критике двадцатых годов»). Положения многих работ представляют интерес не только для оценки творчества самого Толстого, но и для разработки общетеоретических проблем, например, эстетики реализма.

Концепция классического реализма в румынской критике раскрывается, в частности, в статье А. Ковача «Лев Толстой и мировая литература в оценке Ш. Петикэ и Г. Ибрэиляну». Одним из самых волнующих для поэта и критика Ш. Петикэ (1874—1904), как показывает Ковач, был вопрос об отношении Толстого к будущему и искусству будущего: «...может быть Толстой является началом нового искусства, имеющего большую социальную силу, искусства, охватывающего весь мир в его целостности, и, значит, способного заняться его исправлением...». Продолжателем традиций Петикэ в освещении русской литературы явился Г. Ибрэиляну (1871—1936) — одна из виднейших фигур литературно-критической мысли в Румынии. В концепции Ибрэиляну творчество Толстого — классическое воплощение реализма, важнейший критерий при решении теоретических вопросов этого метода. Концепция реалистического искусства позволяет Ибрэиляну решить ряд проблем современной румынской литературы. Критерий правдивости — один из основных для него при определении художественной ценности произведений. Особенно высоко оценивал Ибрэиляну познавательную силу реализма Толстого, постановку им социальных проблем. Эти тенденции упрочились в румынской межвоенной критике, которая, по словам Ковача, исходила из «утвердившегося в то время мнения», что «русская литература не только преимущественно, но целиком реалистична».

В статье «Л. Н. Толстой и „литературные мутации“ XX в.» М. Новиков сравнивает разные дефиниции романа. Автор статьи полемизирует с концепцией М. М. Бахтина по поводу границ романного жанра у Достоевского и Толстого. Достоевскому как создателю «полифонического романа» Бахтин противопоставляет всех его предшественников и современников, поскольку видит в них «лишь наивнейшее выражение традиционных форм, т. е., — пишет М. Новиков, — он отрицает сугубо новаторский характер их творчества по отношению ко всему литературному процессу». При такой постановке вопроса может показаться, что Толстой лишь перенимает и развивает традиции русского реализма, в то время как он, утверждает автор статьи, во многом предвосхитил «литературные мутации» XX в., выйдя за пределы прежнего «однолинейного повествовательного видения». Сопоставляя систему романских героев у Толстого и Достоевского, автор статьи утверждает, что отличие произведений Достоевского от романов Толстого состоит не в наличии или отсутствии полифонии, а в разнице полифонической структуры.

Мысль о всеобъемности русского реализма высказывалась и румынскими критиками межвоенного периода, концепция которых рассматривается в статье А. Гижицкого «Румынские критики межвоенного периода о структуре героя в произведениях Л. Н. Толстого». Автор статьи исходит из положения о том, что одностороннее наблюдение действительности ведет к ее банальному описанию, выявляя в конечном счете неспособность писателя подняться до важной общечеловеческой проблематики. Трезвый реализм Толстого, «естественное и равное внимание, непрерывно направленное на все предметы», «невозмутимое спокойствие и сила его эпиче-

ского дара» отразились и в изображении человеческой личности. И именно в структуру героя Толстого пристально всматривается румынская критика межвоенного периода, поскольку данная проблема была весьма актуальной в этот период и нуждалась в теоретическом обосновании. Известные критики Г. Ибраэилян, П. Зарифопол, пишет Гижиккий, осознавали тот факт, что герой играет в эпическом произведении очень важную роль, так как «конкретная общественно-историческая личность является, как известно, главным фокусом эстетического отражения, сквозь призму которого преломляется окружающий мир и взаимоотношения личности с обществом». В своих статьях П. Зарифопол исходил из мысли, высказанной Г. Ибраэилян в его известной работе «Творчество и анализ» о существовании двух главных методов реалистического искусства: психологический анализ и внешнее, т. е. объективированное изложение, предполагающее «драматическое описание героев и событий». Ибраэилян делает вывод: литературное искусство без анализа возможно, без созидания невозможно. Но эта антиномия, подчеркивает Гижиккий, не была, однако, окончательной, категоричной, как кажется на первый взгляд. Критик уточнял, ссылаясь на Л. Толстого: у великих писателей сам анализ является творчеством. Конкретизируя и развивая идеи Ибраэилян, Зарифопол утверждал, что естественность, сложность, глубина описания явлений, безупречное соответствие между мыслями, чувствами, переживаниями героев, конкретность описания не только физического, но и морального портрета — один из главных критериев в оценке таланта и реалистического метода.

Таким образом, обращение к творчеству Толстого позволяло затронуть одну из важных для румынской литературы проблем эстетики: отношение искусства к социально-исторической действительности. Зарифопол выступал за «всеобъемлющее видение», за достоверное изображение «жизненного факта», за глубинное понимание взаимоотношений между явлениями, становящимися объектами художественного изображения. Ибо только при этом условии можно постигнуть их сущность и отобрать самые значащие из них, способные усилить познавательную ценность литературного произведения. Главное назначение художника, по мнению критика, — закрепить «в вымысле реальность осязаемой действительности», в передаче, по уточнению Ибраэилян, «истины неискаженной жизни».

Понимание Толстым структуры и повествовательной конструкции романа рассматривает Л. Которча в статье «Лев Толстой и некоторые вопросы поэтики романа». Считается, что утверждая своим творчеством новую эстетику романа, Толстой не оставил теоретического обоснования этой эстетики, и что лишь XX в. определил формальные категории романного жанра и дал их научное определение. На материале переписки, дневников, записей Толстого автор статьи анализирует точку зрения писателя на романские категории, выявляя его вклад в разработку теории романа.

Большое место в работах о Толстом занимают исследования, посвященные анализу языковых средств писателя. Так, М. Думитреску («Язык романа Л. Толстого „Война и мир“») анализирует текст романа с точки зрения сложного сочетания, переплетения элементов разных уровней. Автор статьи выделяет, в частности, в лексике Толстого такие категории, как слова-названия (профессиональная, военная и административная терминология, названия бытового характера, собственные имена), иноязычные заимствования, торжественно-возвышенную лексику, диалектную лексику, новые элементы. При разборе лексического материала прослеживается динамика использования той или иной группы слов.

Использование Толстым иностранной речи как элемента, применяемого наряду с другими для адекватной передачи языковой ситуации изображаемой эпохи, анализируется в статье А. Кристодореску «Чередование языков — русский и французский — в романе Л. Толстого „Война и мир“». Следует также назвать статьи: А. Брашовяну «Лев Толстой и метафорический язык», Ч. Апреотесея «Концепция межъязыкового общения у Л. Н. Толстого», Е. Фодор «Лексикосемантическая структура „Севастопольских рассказов“ Л. Н. Толстого», О. Винцелер «Ономастика романа Л. Толстого „Воскресение“».

Из работ по русской и советской литературе большой интерес представляют исследования М. Новикова: «К вопросу о понятии „реализм“ (на материале славянских литератур)» [3, XVI, 1968], «Лермонтов в свете современности» [3, XII, 1965], «Поэтика Маяковского» [3, IV, 1960], «Есенинская тема: поэт и революция» [3, XV, 1967], «Герой-революционер в советской литературе первых лет после Великой Октябрьской социалистической революции» [3, VIII, 1963], «Заметки о современной советской прозе. Валентин Распутин» [3, XIX, 1980], «Влияние русской советской литературы на становление социалистического реализма в румынской литературе» [3, II, 1958] и др.

Проблемам русско-румынских литературных связей посвящены статьи. Т. Николеску: «Некоторые вопросы русско-румынских связей XIX — начала XX в. Творчество Гоголя в Румынии» [3, II, 1956], «Пьеса „На дне“ на румынской сцене (1904—1944)» [3, VIII, 1963], «К вопросу о значении русского романа для развития румынской прозы в конце XIX — начале XX в.» [3, IX, 1963], «Место румынско-русских литературных связей в истории русско-европейских литературных отношений XIX и XX вв.» [3, XVI, 1968].

В рамках обзора нет возможности более полно осветить развитие славистики в Румынии. Но даже такой беглый анализ позволяет судить о том огромном интересе, который проявляют румынские ученые к славянским культурам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Din istoricul slavistici românești. București, 1982.
2. Bogdan I. Insemnătatea studiilor slave pentru români. București, 1894.
3. Romanoslavica.
4. Mihăila Ch. Ioan Bogdan. 1864—1919.— In: Bogdan I. Scrieri alese. București, 1968.
5. Iorga N. Rolul poporului român în lumea slavă.— Neamul românesc, 6 VI 1924.
6. Preocupări literare.
7. Velea Șt. Scriitori polonezi. București, 1972.
8. Bogdan I. Români și bulgarii. Raporturile culturale și politice între aceste două popoare. București, 1895.
9. Popovici I. Une prononciation bulgare. Recherches de fonétique expérimentale. Cluj, 1922.
10. Capidan Th. Raporturile lingvistice slavo-române. Influența româna asupra limbii bulgare.— Dacoromania, III, 1923.
11. Jivcovici M. Dositei Obradovici în context al raporturi române-sîrbe. București, 1972.
12. Jivcovici M. Svedočanstva. București, 1976.
13. Studii de literatură comparată și sociologie literară. București, 1970.
14. Studii de literatură universală, v. XIV. București, 1969.
15. Chițimia C. Cîntecul lui Doicin Bolnavu și substratul comun sud-est european de cultura și creație populară.— In: Limba și literatura. București, 1922.
16. Frîncu V. Despre eposul sîrbocroat și «La Chanson de Roland».— In: Probleme de literatură comparată. București, 1970.
17. Eftimiu E. Literatura cehă contemporană.— Viața Românească, N 6—9, 1933.
18. Barborică K. Carel Capek. București, 1971.
19. Jordan I. Influențe rusești asupra limbii române. București, 1949.
20. Probleme de filologie rusă. București, 1980.

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ И ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ЯЗЫКОВ НА IV—VIII СЪЕЗДАХ СЛАВИСТОВ

В данном обзоре мы рассматриваем некоторые доклады и другие работы советских ученых, подготовленные к послевоенным съездам славистов и посвященные широкому кругу проблем, связанных с контактами языков и языковой интерференцией. Активная разработка этой тематики характерна для современного славянского языкознания; в частности, она привлекает к себе внимание многих специалистов Института славяноведения и балканистики АН СССР (см. посвященные ей сборники из серии «Славянское и балканское языкознание»).

Эта область исследований находится в настоящее время в стадии формирования, создания особых, специфических для нее приемов изучения языка, становления методов описания и анализа материала. Интерес к ней объясняется многими разноплановыми факторами, в частности, особенностями исторического развития славянских языков, своеобразии контактов которых друг с другом обусловлено большой близостью их грамматического строя и словаря; наличием, начиная с праславянской эпохи, разнообразных в этнолингвистическом плане областей, в которых осуществлялись контакты славянских языков с неславянскими; наконец, вхождением некоторых славянских языков на различных этапах их истории в такие этнолингвистические и культурные зоны, где формировались «языковые союзы» и/или интенсивно протекали интерференционные процессы. Таким образом, в хронологическом плане проблематика языковых контактов охватывает, в сущности, все периоды истории славянских языков, от раннепраславянского в его отношениях к ареально близким индоевропейским языкам — балтийскому, германскому, иранскому и др., и до современных славянских литературных языков и диалектов. Эта точка зрения применительно к конкретному случаю славяно-германских контактов уже 20 лет назад была эксплицитно обоснована О. Н. Трубачевым, писавшим, что «древнейшим лексическим взаимодействием для таких двух индоевропейских диалектных групп, как германский и славянский, были общие лексические инновации. Следовательно, в целом учение о славяно-германских языковых отношениях распадается на: 1) общие индоевропейские архаизмы; 2) общие славяно-германские инновации в условиях древней территориальной близости и в силу близкого родства; 3) собственно «germanisch-slavische Lehnwortkunde» [1, с. 359]. Очевидно, что эта схема в целом применима как к контактам славянских языков с неславянскими, так и к явлениям языковых контактов в пределах славянского этнолингвистического пространства.

Значительная часть исследований по древнейшим связям славянских языков с неславянскими на съездах славистов — прежде всего на Московском съезде — была посвящена изучению и попыткам решения балто-

славянской проблемы. В частности, на IV съезде славистов доклады по этой проблеме были сделаны В. В. Ивановым и В. Н. Топоровым [2] и В. П. Мажюлисом [3]. В настоящей работе мы не будем останавливаться на докладах и исследованиях, посвященных специально или преимущественно балто-славянским языковым отношениям, поскольку они составляют предмет обзора [4]. Представляется, однако, полезным указать в этой связи на доклад О. Н. Трубачева [5], не рассмотренный в [4]. Рассматривая общую проблему соотношения лексикографии и этимологии, О. Н. Трубачев останавливается на вопросе о промежуточных стадиях фонетического процесса, в результате которого и.-е. **k* дало слав. *s*, и приходит к выводу, что слав. *s* предшествовала раннепраславянская аффриката **c* (*ts*). На этом основании удается вскрыть несколько старых заимствований в балтийский из славянского, отражающих раннепраслав. **ts* как *st*: др.-прусск. *parstian* 'поросенок', лит. *tūkstantis* 'тысяча', лтш. *tūkstuōts* то же, лит. *stirna* 'косуля', лтш. *stīrna* то же, которые продолжают на правах заимствований слав. **porse*, **tyse/otja*, **srna*, вопреки ранее высказывавшимся предположениям о генетическом родстве, ср. [6, с. 332; 7, с. 21].

В работе, представленной IV съезду славистов, Вяч. Вс. Ивановым была изучена одна славяно-тохарская параллель в области именного словообразования [8]: автор сопоставил тохарский деминутив *-ške* со сложным славянским суффиксом *-č-ikъ*, *-č-(i)ka*, присоединив это соответствие к ряду уже известных науке славяно-тохарских изоглосс, но отмечая, однако, не слишком большую вероятность возникновения этой параллели вследствие прямого славяно-тохарского контакта.

Праславянская лексика на индоевропейском фоне в специфическом культурно-историческом аспекте рассматривается в докладах Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова на VII и VIII съездах славистов [9; 10]. В этих работах устанавливаются некоторые важные соответствия между славянскими лексемами, связанными с мифологическими категориями и древней системой права, и их коррелятами в других индоевропейских языках, что является вкладом в изучение древнейших лингвокультурных контактов праславянского. В работе [9] прослеживаются индоевропейские истоки и архаическая семантика лексем *ubogъ*, *kovati* и его производных в связи с мифопоэтическими представлениями индоевропейцев о кузнеце, *perunъ* и *velъ* — в сопоставлении с божествами индоевропейского пантеона. Частично эти вопросы рассматривались авторами и в докладе к V съезду славистов [11]. В работе [10] методом групповой реконструкции восстанавливается лексика и, до некоторой степени, синтаксис древнеславянского права; особенно существенно то, что результаты реконструкции, как отмечают авторы, находят «достоверные индоевропейские „предправовые“ параллели» [10, с. 239], в большом количестве представленные в фундаментальном труде Э. Бенвениста [12] и новаторской работе К. Уоткинса [13].

Еще один аспект древних контактов славян с их соседями был рассмотрен О. Н. Трубачевым в его докладе на VIII съезде славистов [14]; в этой работе был изложен и разработан новый в науке взгляд на то, какие этнолингвистические группы населяли в древности Северное Причерноморье и, тем самым, составляли «лингвистическую периферию древнейшего славянства». До появления этой и других работ О. Н. Трубачева на эту тему основное внимание исследователей было сосредоточено на иранском, *resp.* скифо-сарматском населениях этого ареала. Не отрицая наличия иранского компонента в Северном Причерноморье, О. Н. Трубачев предложил гипотезу, согласно которой наряду с иранцами там обитали и отдельные группы индоарийцев. Следы индоарийского диалекта, в ряде отношений поддающегося отграничению от иранского на основе фонетических и других критериев, сохранились, по мысли О. Н. Трубачева, в причерноморской топонимике и этнонимике, ср. топонимы $\Delta\alpha\nu\delta\acute{\alpha}\chi\eta$ — индоар. **dandakā* 'камышовая', *Pyrra* — индоар. **pura* 'город', этноним *Satauci* — индоар. **satt-auka* и т. п.; как видно из последнего примера, индоарийские остатки Причерноморья обнаруживают в фонетике определенные практические черты.

Индоарийская гипотеза О. Н. Трубачева позволяет автору выдвинуть ряд положений, связанных с вопросами происхождения древней славянской этнонимии, в частности, поддержать этимологию Я. Рудницкого [15, р. 27], согласно которой ЭН Ἄνται (анты) сближается с др.-инд. *anta-* 'конец, край'. Связывая слав. **sr̥bi* с античными Σέρβοι, О. Н. Трубачев возводит их, в конечном счете, к др.-инд. *śiras* 'голова'. Предполагает автор южное, индоарийское происхождение и для этнонима *Русь*. Меньшее место в докладе занимают предполагаемые культурные заимствования из причерноморского индоарийского диалекта в славянский. В качестве примера О. Н. Трубачев указывает на слав. **sr̥ebro* — гипотетически из индоар. **sub(h)ri apa* 'светлая вода', ср. топоним Σιβρίατα, что, однако, вызывает известные фонетические и культурно-исторические затруднения; подробнее см. [16].

Исследование языковых контактов в пределах славянской языковой области в качестве отправной точки имеет изучение междиалектных отношений в праславянском языке, диалектного членения праславянского в его развитии. Этой проблеме первостепенного значения были посвящены доклады О. Н. Трубачева на V и VI съездах славистов, опиравшиеся на анализ праславянского словаря [17; 18]. Эти доклады представляют собой дальнейшую разработку и более широкое применение методических приемов, впервые предложенных О. Н. Трубачевым в [19].

В работе [17] О. Н. Трубачев эксплицитно сформулировал задачу исследования лексических изоглосс в праславянском словаре и реконструкции на этой основе древнего диалектного членения праславянского. Схема древнего диалектного членения, предлагаемая автором, основывается, в частности, на некоторых специфических славяно-балтийских параллелях, являющихся диалектизмами или локализмами в их славянской части, и на важных соответствиях, находимых для ряда лужицких лексем в восточнославянском и в южнославянском, более определенно — в словенском и сербохорватском.

В работе [18] автор вновь возвращается к вопросу о положении лужицких языков, специально подчеркивая их «вторичную окцидентализацию», и останавливается, в частности, на тождестве глагольных формантов верхнелуж.-*ny* (ć) — словен. *-ni(ti)*. О. Н. Трубачев рассматривает также проблему славяно-иранских связей, основываясь на своей работе [20], причем существенно с методической точки зрения то обстоятельство, что данные о заимствованиях из неславянского языка используются в этом случае как новый источник сведений о диалектном членении праславянского. Особое внимание уделяется автором иранским проникновениям, отраженным исключительно или прежде всего западнославянским, типа **obačiti*, **patriti*, **počvara* и др. Наблюдения над этим материалом приводят к выводу «о существовании в праславянской древности таких глубоких диалектных рубежей и таких тесных связей, которые одинаково трудно отождествить как с традиционной трехчленной классификацией, так и с традиционной двучленной классификацией славянских языков» [18, с. 376]. В рамках того же доклада поставлен также вопрос о сепаратных славянско-неславянских изоглоссах, рассматриваемый О. Н. Трубачевым на примере тождества отглагольных имен, с суффиксом слав. **-tje* — лат. *-tio*, усиливаемого некоторыми цельнолексемными соответствиями. При этом автор подчеркивает неучастие балтийского в этой важной параллели.

Проблемы интерференции и контактирования славянских языков на более поздних этапах их развития с большой полнотой анализировались в докладах советских ученых, посвященных разработке больших международных диалектологических программ — Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА) и Общекарпатского диалектологического атласа (ОКДА).

На IV съезде славистов Р. И. Аванесов и С. Б. Бернштейн выступили с докладом, посвященным принципам будущего ОЛА [21]. В этом докладе была сформулирована общая концепция атласа, прежде всего в ее теоретическом аспекте; особо подчеркивалось, что изоглоссы, регистрируемые в ОЛА, дадут материал для изучения истории языковых контактов между

славянскими языками в различные эпохи, а также для анализа общеславянских процессов и диалектного членения праславянского языка. Итоги двадцатилетней работы международного коллектива ОЛЯ были подведены в докладе Р. И. Аванесова на VIII съезде славистов [22]. Р. И. Аванесов, обращаясь к вопросу о значении ОЛЯ для изучения языковых контактов, к перечисленным выше возможностям атласа добавил и то важное соображение, что «ОЛЯ может дать материал... о контактах славянских языков с народами неславянскими на весьма обширной территории, различными по своему качеству и уровню культурами, — с германцами, балтийцами, кельтами, фракийцами, иранцами, финно-уграми, тюрками» [22, с. 9]. В том, что касается внутриславянских контактов праславянской и общеславянской эпох автор отмечает расхождение данных ОЛЯ с традиционными схемами членения праславянской языковой области. Говоря о контактах более позднего периода, связанного уже с историей формирования современных славянских языков, Р. И. Аванесов намечает целый ряд важных для обследования на уровне ОЛЯ контактных зон. Речь идет, в частности, о контактировании восточнославянских языков друг с другом и с неславянскими языками причерноморского региона; об украинско-польских связях; об интерференционных явлениях карпатского и балканского ареалов; о польско-чешских и лужицко-немецких языковых отношениях. Все перечисленные связи и контактные зоны, как подчеркивает автор, формировались на определенном культурно-историческом фоне: в связи с этим для изучения соответствующих явлений большое значение имеют такие факты, как распространение христианства среди славян с немаловажным распределением влияния между римско-католической и православной церквями, монгольское нашествие на Русь, турецкое господство на Балканском полуострове, характер связей русского государства начиная с XV—XVI вв. со странами Западной Европы. Существенным фактором дивергенции славянских языков Р. И. Аванесов считает случаи их обособления в иноязычной среде, с которой устанавливаются языковые, экономические, политические и культурные связи.

На VII съезде славистов работа над темой «Общекарпатский диалектический атлас» была признана одной из важнейших задач славянского языкознания; с докладом по проблемам интерференции языков карпато-дунайского ареала выступил на съезде С. Б. Бернштейн. Этот доклад [23] был основан на материалах уже созданного к этому времени Карпатского диалектологического атласа [24], работа над которым показала, «что между языками карпатской зоны происходили сложные процессы взаимопроникновения и взаимовлияния, в результате которых сформировалась определенная языковая общность, со своими специфическими чертами» [23, с. 29]. В докладе С. Б. Бернштейна были сформулированы предмет, основные проблемы и задачи новой по своей сути дисциплины — карпатского языкознания. При этом в качестве основных операционных единиц этой дисциплины были введены понятия карпатизм и балканизм. Под карпатизмом понимается явление, возникшее в карпатских языках в начальный период их истории, в I тысячелетии н. э. К карпатизмам могут быть отнесены некоторые остатки древних карпатских и балканских субстратов, языковые следы кельтского населения Карпат, значительное число слов романского происхождения, многочисленные славянские элементы, приобретшие статус карпатизмов в поздний период истории праславянских диалектов в связи с карпатской миграцией славян. Именно в карпатском ареале, отмечает С. Б. Бернштейн, длительное время формировались отдельные праславянские диалекты, образовавшие, в сущности, особый славянский диалектный континуум, который — в иных исторических условиях — мог бы даже сложиться в особую группу славянских языков. В образовании карпатизмов сыграл свою роль и венгерский лингвотнический элемент: из венгерского языка были почерпнуты карпатские лексемы, преимущественно связанные с торговой и политической терминологией, языком города. Наконец, небольшое количество карпатизмов имеет германский источник. Вследствие миграций II тысячелетия н. э. в карпато-дунайское пространство проникают разнообразные по происхождению

балканизмы, в том числе турцизмы, заимствования из новогреческого и албанского языков.

Результаты работы над ОЖДА были подытожены в докладе С. Б. Бернштейна и Г. П. Клепиковой на VIII съезде славистов [25]. В этом докладе были охарактеризованы основные принципы, легшие в основу ОЖДА, причем особо отмечалась его специфика как нового для славянской лингвистической географии типа межъязыкового регионального атласа, учитывающего одновременно данные и славянских, и неславянских языков. В докладе было обращено внимание на то существенное обстоятельство, что распределение карпатизмов по различным языкам в непосредственной зависимости от их этимологии не способно в ряде случаев верно отразить истинную картину языковых взаимодействий. Действительно, такой карпатизм, как *gazda* — укр. *gazda* 'хозяин', польск. *gazda* то же, словц. *gazda* то же, чеш. диал. *gazda* то же, рум. *gazda* 'собственник, богач', венг. *gazda* 'хозяин дома' — этимологически может быть объяснено как продолжение слав. **gospoda*. Однако, с точки зрения карпатского языкознания, более существенна «промежуточная» этимология этого карпатизма, суть которой сводится к тому, что слав. **gospoda* было усвоено в виде *gazda* сперва венгерским языком, который и стал источником распространения этого слова на Карпатах; таким образом, в *gazda* правильно видеть не славянский элемент, а унгаризм.

Изучение карпатизмов требует обязательного привлечения данных тех языков, которые входят в «балканский языковой союз». «Ряд карпатизмов, — отмечают авторы, — в той или иной степени является продолжением тех тожеств, на основании которых построена теория „балканского языкового союза“» [25, с. 32].

Для исследования языковых контактов методически существенны доводы С. Б. Бернштейна и Г. П. Клепиковой в пользу того, что необходимо разграничение принципов и приемов разработки собственно лингвистических и лингвоэтнографических атласов. В основе этого разграничения лежит коренное различие в отборе дифференциальных признаков, интересующих лингвиста и этнографа.

Проблемы контактов славянских языков с неславянскими языками карпато-балканского ареала явились предметом доклада А. В. Десницкой на VIII съезде славистов [26]. Доклад А. В. Десницкой, принимающей предложенную С. Б. Бернштейном концепцию карпатизмов и балканизмов, посвящен этимологическому исследованию ряда карпатских балканизмов различного происхождения, в частности, обнаруживаемых в лексике восточнославянских языков. Значительное внимание уделено в докладе карпатским балканизмам романского происхождения. Среди них автор рассматривает такие романизмы, как укр. диал. *ripa* 'гора с обрывистыми склонами', *царинка* 'горный луг', *турма* 'отара овец', *буката* 'кусок', *пота* 'племянница' и т. п. Особенное значение придается тем случаям, когда карпатизм обнаруживается в восточнославянском далеко за пределами собственно карпатского ареала, как, например, блр. *букатка* 'печеный хлеб', русск. диал. *буката* 'булка', *букатка* 'каравай хлеба' и некоторые другие производные от той же основы.

Длительные контакты восточных славян с населением дунайских земель обусловили проникновение в восточнославянские диалекты ряда культурных терминов, так или иначе переданных через посредство языков древнебалканского ареала и имеющих романское, греческое, германское или собственно древнебалканское происхождение; к ним относятся, например, русск. *баня*, *конопля*, *мята*, *терем*, *вино*, русск. диал. *гуна*, *гуня* 'ветхая одежда, старый меховой полушубок' и многие другие. К древнебалканским элементам относит А. В. Десницкая и русск. *ватрушка*, русск. диал. *вотра*, *вотря* 'измельченная солома, оставшаяся после молотбы', хотя последнее, возможно, допускает и иное объяснение [27]. Наконец, совершенно убедительно трактует автор др.-русс. *корочунъ* 'зимний солнцеворот', русск. диал. *корочун* то же, которые интерпретируются также как древний элемент балканского, *gesp.* албанского происхождения. Характер восточнославянско-древнебалканского языкового

контакта имеет, как указывает А. В. Десницкая, и вполне определенную культурно-историческую подоплеку, поскольку среди балканизмов в восточнославянском выделяется группа слов, входящих в один семантический разряд обрядовых терминов, в том числе и календарных.

Существенным для славянского и балканского языкознания является вопрос о славяно-албанских контактах, полное решение которого может много дать для понимания этногенетических процессов на Балканах, протекавших после начала славянской колонизации. В этом плане ценность для славистов представляют не только исследования по албанским элементам в южнославянских языках, но и изучение славянской лексики в составе албанского словаря. Эта проблема была рассмотрена в докладе А. В. Десницкой на V съезде славистов [28]. Опираясь на длительную традицию анализа славянских заимствований в албанском, для чего немало сделано отечественной наукой [29], А. В. Десницкая синтезировала имеющиеся данные о славянских вкраплениях в албанский, добавив к ним большое число новых тождеств и предложив семантическую классификацию славянских элементов албанской лексики. Эти элементы рассматриваются в докладе А. В. Десницкой как важный источник сведений о диалектной характеристике соседних с албанским южнославянских языков не только в том отношении, что на основе албанского материала возможна реконструкция старых взаимодействий сербохорватских диалектов с диалектами восточной подгруппы южнославянских языков, но и в связи с перспективой реконструкции отдельных южнославянских лексем, засвидетельствованных исключительно в качестве заимствований в албанском и не сохранившихся в южнославянских диалектах и письменных памятниках. Вместе с тем семантическая классификация славянских заимствований в албанский, предпринятая А. В. Десницкой, позволяет уточнить наши представления об условиях, хронологических рамках и социально-историческом контексте славяно-албанских контактов.

Дальнейшее развитие тема славяно-албанских языковых отношений получила в докладе А. В. Десницкой на VI съезде славистов [30]. В этом докладе славянские элементы албанской лексики рассмотрены под новым углом зрения: поставлен вопрос о их распределении по диалектным ареалам албаноязычной территории, что позволяет с большей степенью точности оценить и описать целый ряд особенностей славяно-албанских языковых контактов. Выделив группу тех лексем славянского происхождения, для которых характерна принадлежность литературному и общенародному албанскому словарю, А. В. Десницкая останавливается на славянских словах областного типа и убедительно показывает несоответствие между их распределением по говорам и основными диалектными границами албанского ареала; распределение славянских элементов связано в первую очередь с историей отношений албанского населения с сербским на севере, с македонским и болгарским — в центре и на юге Албании. Эти соображения позволяют автору выделить два ареала распространения славянских заимствований: район североалбанских Альп с бассейном Большого Дрина и район центральной и южной Албании.

Специфика славяно-албанских языковых отношений заключается в том, что для их интерпретации недостаточно привлечения данных о взаимовлияниях славян и албанцев в пограничных областях. Так, если говорить о севернотоскском ареале, многочисленные славянские вкрапления, в том числе и топонимика, обнаруживаются отнюдь не только в его восточной части. Помимо естественных явлений интерференции в районах славяно-албанского пограничья, следует, как показывает А. В. Десницкая, принимать в расчет и результаты более старых интерференционных процессов в глубине албаноязычной территории, что весьма существенно при восстановлении более старой этнолингвистической и диалектологической карты этой части Балканского полуострова. Автор предполагает, что славянское влияние может быть усмотрено и в известном консерватизме фонетической системы говоров северной Тоскереи.

Важным направлением в изучении языковых контактов является исследование разноязычных влияний на язык старославянской и древне-

русской письменности. Проблеме тюркизмов в памятниках старославянской письменности был посвящен доклад А. С. Львова на VII съезде славистов [31]. В нем подвергнуты этимологическому анализу предполагаемые вкрапления в старославянский из тюрко-булгарского суперстрата, к которым автор относит, в частности, *бисъръ* из булг. **bъsъr, капъ, коумиръ* из булг. **kûmeri, кънигы* из булг. **къп'иуъ* и ряд других. Подчеркивается то обстоятельство, что большинство тюркизмов старославянских памятников, подобно тюркизмам в венгерском, может быть надежно объяснено именно в связи с болгарско-чувашискими элементами.

Фонетика греко-христианских имен в древнерусском языке послужила предметом доклада А. И. Толкачева на VII съезде славистов [32]. Особенности передачи греческой антропонимики, проникшей в древнерусский через южнославянское посредство, автор связывает с рядом фонетических и фонологических факторов, в том числе со структурой слога в древнерусском, вызывавшей появление вторичных *ъ, ь, с* модификацией некоторых звукосочетаний, приводившей, например, к упрощению отдельных групп согласных, со слоговой изотональностью, а также с некоторыми явлениями, определяемыми структурой слова в целом.

Важная проблема была поднята в докладе А. С. Львова на VI съезде славистов [33]: рассматривая вопрос о чешско-моравской лексике в языке древнерусской письменности, А. С. Львов показал, что основным ее источником надлежит считать памятники церковнославянской письменности. Вместе с тем, автор подтвердил мнение Н. Дурново [34] о том, что чехо-моравизмы Хроники Георгия Амартола свидетельствуют об участии в переводе этого памятника чешских книжников. Чехо-моравизмы древнерусской письменности приводят автора к выводу, что «только близкое знакомство с римскими церковными обрядами и живое общение с духовенством... могло закрепить эту терминологию в языке древнерусского духовенства» [33, с. 336]. Среди западнославянских элементов древнерусской письменности А. С. Львов выделяет такие, как *вельми, воиска, гъдовабль, древле, къметъ, мънихъ, папезъ* и ряд других.

В настоящей — по необходимости краткой и фрагментарной — работе мы, разумеется, не в состоянии охватить тему во всем ее многообразии, в результате чего за пределами нашего обзора оказываются такие существенные аспекты проблемы, как языковые контакты в формировании славянских литературных языков, отраженные, в частности, в докладе Ф. П. Филина о соотношении исконных и заимствованных элементов в современном русском литературном языке [35], в работе Г. А. Лилич о русском языке как посреднике для чешских переводов начала XIX в. [36] и в ряде других исследований, представленных докладами на послевоенных съездах славистов. Вместе с тем, можно полагать, что наш обзор дает определенное представление о тенденциях в изучении языковых контактов, развиваемых в отечественной науке: важное место среди них занимает исследование языковых контактов между праславянскими диалектами и формирования праславянского континуума, общеславянские интерференционные процессы, контакты с неславянскими этносами на разных этапах существования праславянского языка. Одновременно изучаются и языковые контакты с участием древних славянских языков. Большое значение имеет работа по анализу интерференционных процессов в карпато-балканской области, охватывающих в той или иной мере почти все славянские языки. Можно надеяться, что достижения последних лет в области славянской и праславянской лексикографии и славянской лингвистической географии обеспечат дальнейший прогресс исследований по языковым контактам славянских языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трубачев О. Н. Рец. на кн.: В. В. Мартынов. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры (К проблеме прародины славян). — В кн.: Этимология 1964. М., 1965, с. 357—359.
2. Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. М., 1958.

3. *Мажюлис В. П.* О древнейших отношениях балтийских и славянских языков. Вильнюс, 1958.
4. *Невская Л. Г.* Балто-славянская проблематика на Международных съездах славистов (I—VIII).— Советское славяноведение, 1983, № 5, в печати.
5. *Трубачев О. Н.* Лексикография и этимология.— В кн.: СЯ 1973, с. 294—313.
6. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка, т. III. М., 1970.
7. *Иванов Вяч. Вс.* Проблема языков centum и satem.— ВЯ, 1958, № 4, с. 21.
8. *Иванов Вяч. Вс.* Тохарская параллель к славянским уменьшительным формам.— В кн.: СФ, с. 58—63.
9. *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Этимологическое исследование семантически ограниченных групп лексик в связи с проблемой реконструкции праславянских текстов.— В кн.: СЯ 1973, с. 153—169.
10. *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов).— В кн.: СЯ 1978, с. 221—240.
11. *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* К реконструкции праславянского текста.— В кн.: СЯ 1963, с. 88—158.
12. *Benveniste E.* Vocabulaire des institutions indoeuropéennes. I—II. Paris, 1969.
13. *Watkins C.* Studies in the Indo—European Legal Language, Institutions and Mythology.— In: Indo—European and Indo—Europeans. Philadelphia, 1970, p. 321—354.
14. *Трубачев О. Н.* Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье.— В кн.: СЯ 1978, с. 386—405.
15. *Rudnyckij J.* Etymological Dictionary of the Ukrainian Language, Pt. 1. Winnipeg, 1962.
16. *Трубачев О. Н.* Серебро.— В кн.: Восточнославянское и общее языкознание. М., 1977, 95—102.
17. *Трубачев О. Н.* О составе праславянского словаря. Проблемы и задачи.— В кн.: СЯ 1963, с. 159—196.
18. *Трубачев О. Н.* О составе праславянского словаря. Проблемы и результаты.— В кн.: СЯ 1968, с. 366—378.
19. *Трубачев О. Н.* О праславянских лексических диалектизмах сербо-лужицких языков.— В кн.: Сербо-лужицкий лингвистический сборник. М., 1963, с. 154—172.
20. *Трубачев О. Н.* Из славяно-иранских лексических отношений.— В кн.: Этимология 1965. М., 1967, с. 3—81.
21. *Аванесов Р. И., Бернштейн С. Б.* Лингвистическая география и структура языка. О принципах Общеславянского лингвистического атласа. М., 1958.
22. *Аванесов Р. И.* Общеславянский лингвистический атлас. Итоги и перспективы.— В кн.: СЯ 1978, с. 5—26.
23. *Бернштейн С. Б.* Проблемы интерференции языков карпато-дунайского ареала в свете данных сравнительной диалектологии.— В кн.: СЯ 1973, с. 25—41.
24. *Бернштейн С. Б., Иллич-Свитыч В. М. и др.* Карпатский диалектологический атлас. М., 1967.
25. *Бернштейн С. Б., Клепикова Г. П.* Общекарпатский диалектологический атлас. Принципы. Предварительные итоги.— В кн.: СЯ 1978, с. 27—41.
26. *Десницкая А. В.* К вопросу о балканизмах в лексике восточнославянских языков.— В кн.: СЯ 1978, с. 145—171.
27. *Орел В. Э.* Этимологические заметки по русской лексике.— В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Исследования и материалы. М., 1984 (в печати).
28. *Десницкая А. В.* Славянские заимствования в албанском языке. М., 1963.
29. *Селищев А. М.* Славянское население в Албании. София, 1931.
30. *Десницкая А. В.* Славяно-албанские языковые отношения и албанская диалектология.— В кн.: СЯ 1968, с. 120—147.
31. *Львов А. С.* Иноязычные влияния в лексике памятников старославянской письменности.— В кн.: СЯ 1973, с. 211—228.
32. *Толкачев А. И.* Основные факторы фонетических изменений в заимствованных греко-христианских именах в древнерусском языке.— В кн.: СЯ 1973, с. 252—271.
33. *Львов А. С.* Чешско-моравская лексика в памятниках древнерусской письменности.— В кн.: СЯ 1968, с. 316—338.
34. *Дурново Н.* К вопросу о национальности славянского переводчика Хроники Георгия Амартола.— Slavia, 1925, № 3, с. 460.
35. *Филли Ф. П.* Исконное и заимствованное в современном русском литературном языке.— В кн.: СЯ 1978, с. 406—427.
36. *Лиллич Г. А.* Русский язык как язык-посредник для чешских переводов начала XIX века.— В кн.: СЯ 1973, с. 484—499.

СОКРАЩЕНИЯ

- СФ — Славянская филология. Сборник статей, т. II. М., 1958.
 СЯ 1963 — Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963.
 СЯ 1968 — Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968.
 СЯ 1973 — Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973.
 СЯ 1978 — Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ ДИСТРИБУТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ

(на материале современных русского и западнославянских литературных языков)

Задачей настоящей работы является анализ особенностей лексической семантики дистрибутивных глаголов, а также установление функциональных связей дистрибутивов с объектами (*Об*) и субъектами (*Суб*) в предложении на материале современных русского, польского, словацкого и чешского литературных языков. Дистрибутивными называют обычно глаголы, обозначающие единое расчлененное действие, состоящее из отдельных актов и последовательно охватывающее все или многие *Об* или совершаемое всеми или многими *Суб* (см., например [1—6], к проблематике дистрибутивных глаголов в славянских языках см. также [7;]). Это глаголы типа рус. *переженить* 'женить всех (или многих)', пол. *rowklejać* 'вклеить все (или многое)', слвц. *rohlučnúť* 'переглохнуть', чеш. *zrožírat* 'открыть все (или многое)'. В качестве основных характеристик лексического значения дистрибутивов выступают следующие компоненты: расчлененность действия на отдельные акты, несинхронность осуществления отдельных актов действия (о наличии семантического компонента «поочередное осуществление отдельных актов действия» можно говорить, по-видимому, лишь по отношению к русским глаголам с приставкой *пере-*) [8, с. 289], соотношенность действия со всеми или многими *Об* или *Суб*. Пытаемся уточнить содержание последнего компонента.

Дистрибутивные глаголы в минимальном контексте обозначают действие, охватывающее все *Об* или *Суб*: фразы *собака перекусила прохожих, дети попрятались* равнозначны предложениям *собака перекусила всех прохожих, все дети попрятались*. Ср. также пол. *porozwieszał swoje obrazy* 'он поразвешал (развесил все) свои картины', слвц. *postrkal do aktovky cigarety* 'он засунул в портфель все сигареты', чеш. *poodnášel knihy do knihovny* 'он отнес все книги в библиотеку'. Компонент значения «охваченность действием всех *Об* или *Суб*» является, таким образом, основным в семантике дистрибутивов: если при *Об* или *Суб*, употребленных с дистрибутивным глаголом, нет дополнительных количественных показателей, то дистрибутивное действие охватывает *Об* или *Суб* в полном объеме. *Об* и *Суб* при дистрибутивах, однако, сравнительно редко употребляются в изолированной позиции. Типичной является ситуация, при которой *Об* и *Суб* выступают с количественными словами, что связано со спецификой ритмической организации фразы вообще (так, мы скорее скажем *она перебивала во всех городах СССР*, чем *она перебивала в городах СССР*), а также с тенденцией к устранению многозначности приставок, оформляющих дистрибутивные глаголы. Наиболее часто при дистрибутивных глаголах употребляются показатели всеобщности распространения действия *все, всюду*; при этом подчеркивается актуализация компонента значения дистрибутивов «все *Об* или *Суб*».

Семантика дистрибутивных глаголов, однако, допускает регулярную постановку и других показателей множества, как *много, тьма, большинство* и т. п., с которыми дистрибутивные глаголы сочетаются без каких-либо ограничений¹. С количественными же словами типа *некоторые, несколько, кое-кто, кое-какие, часть* могут выступать далеко не все дистрибутивные глаголы². Так, можно сказать *некоторые повскакали с мест, он похватал кое-какие вещи*; ср. также пол. *Najciekawszy jest trzeci [projekt], ale uważam, że zbyt ryzykowny. Trzeba tam trochę poskreślać. Porobiłem trochę notatek* (Broszk., 92) 'Самый интересный — третий [проект], но я думаю, что он слишком рискованный. Там нужно кое-что подчеркнуть. Я сделал кое-какие заметки'; слвц. *Od nich sa vraj niektorí povracali* (Horák, 199) 'От них, говорят, некоторые повозвращались'. Безусловно неправильными, однако, являются сочетания вроде **некоторые перемерли, *перерарестовать нескольких*. Следует учитывать, что, хотя многие дистрибутивные глаголы в принципе могут сочетаться со словами типа *несколько, некоторые*, реализуется эта возможность крайне редко: на десятки текстуальных примеров с дистрибутивами, сочетающимися с показателями множества типа *все, многие*, приходится лишь единичные случаи употребления показателей типа *несколько, некоторые*. Этот факт связан с двумя обстоятельствами. Прежде всего отметим, что значение приставочного глагола представляет собой не просто сумму значения мотивирующего глагола и приставки в составе данного глагола, но в определенной мере зависит от всей совокупности значений данной приставки как словообразовательного элемента. Так, очевидно, русские дистрибутивные глаголы с приставкой *пере-* не могут сочетаться со словами типа *некоторые* из-за наличия у приставки *пере-* яркого значения чрезмерности действия, несовместимого с понятием о частичном, неполном охвате *Об* или *Суб* действием. Глаголы же с приставкой рус. *по-*, пол., слвц. и чеш. *ро-*, кроме дистрибутивного, имеют делимитативное значение, т. е. содержат сему частичности действия, что и делает возможной их сочетаемость со словами типа *некоторые*. В польском, словацком и чешском языках приставки, выражающие дистрибутивность действия (это приставки *ро-*, слвц. и чеш. *s-/z-* и чеш. *roz-*), не имеют других ярких значений, противоречащих дистрибутивному, в связи с чем в этих языках дистрибутивы чаще, чем в русском, выступают со словами *несколько, некоторые* и т. п. Кроме того, на сочетаемость дистрибутивов с количественными словами оказывают влияние и те особенности лексической семантики самих дистрибутивов, на которых мы остановимся ниже.

Дистрибутивность относится к языковым категориям интерпретационного типа, выражающим эмоциональную стилизацию говорящим (слушающим), того или иного факта действительности (в отличие от категорий, отражающих реальный денотат). Для семантики дистрибутивов релевантным признаком является не связанность действия с реальным множеством *Об* или *Суб*, в количественном отношении удовлетворяющих семантике дистрибутивности, а то, что действие направлено на *Об* или совершается *Суб* таким образом, что они полностью им охватываются, или же в восприятии говорящего *Об* и *Суб* представлены в некотором неопределенном количестве. С этим связан тот факт, что для *Об* и *Суб*, относящихся к дистрибутивным глаголам, невозможно установить какую-либо количественную точку отсчета: нельзя утверждать, что дистрибутивное действие может относиться ко всем *Об* и *Суб*, если этих *Об* и *Суб* больше двух, трех, четырех и т. д. (ср. недопустимое **трое повыпрыгивали из окна* и корректное *все трое повыпрыгивали из окна*).

Безусловно можно согласиться с тем, что сочетания типа **перекусать двух прохожих, *трое повскакали с мест* являются неправильными

¹ В связи с этим распространенное словарное толкование дистрибутивных глаголов по формуле «совершать какое-либо действие (обо всех или о многих)» или «направлять какое-либо действие (на всех или на многих)» можно считать в наибольшей степени отвечающим языковой действительности. В обобщенном виде мы будем говорить об отношении дистрибутивного действия к множеству *Об* или *Суб*.

² Ср. указание на свободную сочетаемость дистрибутивов со словом *несколько* [8, с. 289].

[8, с. 287], однако их некорректность было бы неверно объяснять несоответствием числа *Об* и *Суб* (их всего два или три) нормальным условиям сочетаемости глаголов в количественном отношении. В приводимых ниже предложениях дистрибутивное действие относится только лишь к двум *Об*: *Кажется б вот взяла я да глаза ей в сердцах повыцарапала* (Лесков, 81); пол. [...] *tu wskazał mówiący na posązek bożka z wzniesionymi rękami, któremu czas poodłupywał dłonie [...]* (Худ. проза) '[...] тут говорящий указал на статуэтку божка с поднятыми руками, которому время поотбивало ладони [...]]', *Moja Melanie i ta smarkata Nancy zostawiły mnie na łasce losu. Takie nieszczęście, to i głowy potraciły* (Худ. проза) *Моя Меланья и эта сопливая Нэнси бросили меня на произвол судьбы. Такое горе, вот они и потеряли голову*. Как видим, дистрибутивное действие может относиться и к двум *Об*, однако лишь в том случае, если их количество выясняется только из широкого контекста. В подавляющем большинстве случаев дистрибутивные глаголы не терпят указаний на точное количество *Об* или *Суб*, сделанных в явном виде, т. е. почти не употребляются с числительными. Именно этим свойством дистрибутивов и объясняется неправильность сочетаний типа **перекусать двух прохожих*. Некорректными являются и такие, например, фразы: **она пересмотрела пять фильмов*, **он повыкапывал шесть ям* (можно, однако, сказать: *она пересмотрела с пяток фильмов*). В западнославянских языках, в отличие от русского, сочетания дистрибутивных глаголов с числительными используются шире. Ср. следующие предложения с такой сочетаемостью: пол. *Poobgryzały [myszy] równo dwadzieścia dziewięć sztuk* (Худ. проза) '[Мыши] обгрызли ровно двадцать девять штук'; слов. [...] *na rôzne strany porozhadzoval tri [...]* kolíky (Jarunk., 79) '[...] в разные стороны разбрасал все три [...]'] колышка'.

Аналогичным образом дистрибутивные глаголы весьма нерегулярно сочетаются с *Об* и *Суб*, представляющими собой ряды однородных членов. Так, нельзя сказать: **Коля, Петя, Федя перебивали в Москве*, как и **трое перебивали в Москве*. Несовместимость дистрибутивных глаголов с перечнями конкретных *Об* или *Суб* связана с тем, что *Об* и *Суб* должны образовывать не только некоторое множество, но множество, точно не определенное в количественном отношении (точное количество *Об* или *Суб* иногда может быть установлено из широкого контекста).

Между тем такие употребления, как *она пересмотрела пять (десять, сорок и т. п.) фильмов* можно считать вполне возможными в том случае, если говорящему важно подчеркнуть не точное количество просмотренных фильмов (тогда был бы использован глагол, не маркированный в отношении дистрибутивности действия), а то, что, по мнению говорящего, было просмотрено очень много фильмов. Говорящий считает, что в данной ситуации просмотр пяти, десяти или сорока фильмов равносильен просмотру очень большого количества фильмов. Это явление связано с экспрессивным характером категории дистрибутивности.

Факт релевантности для дистрибутивных глаголов признака «связанность действия с таким количеством *Об* или *Суб*, которое оценивается говорящим как очень большое» подтверждается и тем обстоятельством, что дистрибутивные глаголы, как отмечалось, без ограничений сочетаются только с такими показателями множества, как *все*, *много*, и лишь в отдельных случаях — со словами типа *несколько*, *некоторые*, хотя одно и то же реальное количество *Об* или *Суб* в принципе может интерпретироваться говорящим при помощи показателей как типа *много*, так и типа *некоторые*.

Следует отметить, что числительные и однородные члены могут свободно сочетаться с дистрибутивными глаголами в том случае, если при них стоит слово, указывающее на всеобщность распространения действия. Так, можно сказать: *все трое повскакали с мест, она пересмотрела все пять фильмов, все — Коля, Петя, Федя — перебивали в Москве*. Таким образом, как видим, дистрибутивное действие принципиально не может быть связано только с единичным *Об* или *Суб* и может относиться к двум, трем и более *Об* или *Суб* в случае, если говорящий хочет подчеркнуть, что дей-

ствием охвачено некоторое неопределенное множество, а также многие, по мнению говорящего, или все *Об* или *Суб*.

Некоторые исследователи относят к дистрибутивным глаголы, обозначающие расчлененное действие, охватывающее множество точек (участков) одного *Об* или *Суб*³. Среди работ последнего времени такая точка зрения представлена, в частности, в монографии о польских и чешских глаголах с префиксом *po-*, где к глаголам дистрибутивной семантики причисляются, например, следующие: пол. *ponadgrzyzać* 'надкусить все (или многое)', *poobjadać* 'пообедать', *porzeczytywać* 'перечитать все (или многое)', *porzeglądać* 'пересмотреть все (или многое)', *porękać* 'потрескаться, полопаться', *pokasać* 'покусать'; чеш. *porozbíjet* 'поразбивать', *porozprínat* 'порасстегивать', *poraskat* 'потрескаться, полопаться', *robodat* 'поколоть', *rokousat* 'покусать' [10, s. 97—112].

Указанные глаголы, как и другие глаголы такого рода, имеющиеся в западнославянских языках, в действительности относятся к различным семантическим группам. Часть этих глаголов, как пол. *porzeczytywać*, *porzeglądać* действительно имеет дистрибутивное значение при *Об* в единственном числе, что связано, однако, не с наличием у них оттенка значения «направленность действия на отдельные части предмета» (такого значения эти глаголы не имеют), а с другими особенностями их семантики, о чем подробнее будет идти речь ниже. Эти глаголы имеют дистрибутивное значение при единичном *Об* только в случае соотносительности со множеством *Суб*, с которыми и связана дистрибутивность действия. При *Об* и *Суб* в единственном числе глаголы *porzeczytywać*, *porzeglądać* употребляются в дистрибутивном значении не могут, в этом случае они обозначают делимитативное действие.

Другие глаголы, как пол. *pokasać*, чеш. *robodat*, *rokousat*, употребляясь с *Об* и *Суб* в единственном числе, действительно обозначают действие, направленное на множество участков одного *Об*, однако в этом случае их нельзя признать дистрибутивными. Дело в том, что компонент значения «направленность действия на множество участков одного *Об*» не является словообразовательным и присутствует уже в семантической структуре мотивирующих глаголов. Мотивирующие глаголы типа *кусать*, *колоть* (и их западнославянские соответствия) обозначают многоактное действие, оставляющее материальные следы во многих участках *Об*. На наш взгляд, глаголы *покусать*, *поколоть* в тех значениях, которые они получают при употреблении с единичными *Об* и *Суб*, являются видовыми коррелятами глаголов *кусать*, *колоть*. Употребляясь со множественными *Об* или *Суб*, некоторые, но далеко не все глаголы такого типа могут иметь дистрибутивное значение. Так, глаголы пол. *porękać*, слвц. *porukat'* (sa), чеш. *porukat* 'потрескаться, полопаться' допускают следующие толкования: 1) 'лопнуть в одном месте (о многих)'; 2) 'лопнуть во многих местах (о многих)'; 3) 'лопнуть во многих местах (об одном)'. Здесь мы имеем дело не с возможностью реализации дистрибутивного значения как при множестве, так и при единичном *Суб*, а с явлением полисемии: в одном значении глагол является дистрибутивным (толкования 1, 2), а в другом — видовым коррелятом бесприставочного глагола пол. *rękać*, слвц. *rukát'* (sa), чеш. *rukát* 'лопаться (во многих местах)' (толкование 3). В семантике дистрибутивов компонент «во многих местах» играет второстепенную роль, доминирующее же значение имеет элемент «множество *Об* или *Суб*». Факт совмещения рядом глаголов дистрибутивного значения со значением действия, охватывающего множество точек единичного *Об* или *Суб*, не должен вести к включению в круг дистрибутивов глаголов, совпадающих с дистрибутивами только по одной семе — семе расчлененности действия. Дистрибутивными следует признавать только те глаголы со значением охвата действием множества точек *Об* или *Суб*, которые допускают интерпретацию «совершить какое-либо действие в одной или многих точках (о многих или над многими)».

³ См. об этом на словацком и русском материале [3; 9, с. 309].

Перейдем к рассмотрению соотношенности дистрибутивности действия с различными членами предложения. Принято считать, что действие, выражаемое дистрибутивным глаголом, может относиться:

1. При переходных глаголах: а) к множеству *Об* при единичном *Суб*, как в предложениях *Он пораскладывал портфели*, пол. *Nareszcie dobrych znajomych roodwiedzam* (Mach, 177) 'Наконец я увижу своих хороших знакомых', слвц. [...] *ked' si všetko pokúpila, vošla pod bránu domu [...]* (Vid., 238) '[...] когда она все купила, она вошла в ворота дома [...]', чеш. *Přišel jsem do města vašeho, bych nějaké tu dluhy povybral* (PSJČ, IV, 1, 917) 'Я пришел в ваш город, чтобы собрать здесь некоторые долги'; б) к множеству *Суб* при единичном *Об*: *Они пересмотрели пьесу*, пол. [...] *bohaterowie ich [filmów] szybko porzucali swój podejrzany proceder* (Kobieta i Życie) '[...] их [фильмов] герои быстро побросали свое подозрительное ремесло', слвц. *Za niekoľ'ko rokov ma všetci pozanechávali* (SSJ, III, 389) 'За несколько лет все меня побросали'; в) к множеству *Об* и *Суб*: *Они перепробовали мясные блюда*, пол. *Jutro zejdzujemy do piwnic, to sobie wszystko rooglądamy* (Худ. проза) 'Завтра мы спустимся в подвалы и тогда уж все осмотрим', слвц. *Musia ponavštevovat' mnohé zákutia* (SSJ, III, 253) 'Они должны перебивать во многих закоулках', чеш. *Pozobíjмали jsme první rudoarmejce* (SSJČ, II, 848) 'Мы пообнимали первых красноармейцев'.

2. При непереходных глаголах — к множеству *Суб*: *Они давно поумирали, Они все презнакомились*, пол. [...] *jak otworzujemy drzwi, [...] to wszyscu powypadamy* (Худ. проза) '[...] если мы откроем дверь, [...] то все выпадем', [...] *moglibyśmy mimo boskich i ludzkich przykazań pozabijać się i pozjadać* (Róż., 38) '[...] мы бы могли несмотря на божьи и человеческие наказания поубивать и поесть друг друга', слвц. [...] *všetky švy na šatách popraskali* (Vid., 247) '[...] все швы на одежде полопались', [...] *l'udia sa postrácali jeden druhému [...]* (Mináč, 314) '[...] люди порастерялись [...]', чеш. *hosté pousedali kolem stolu* (SSJČ, II, 821) 'гости поусаживались вокруг стола', *děti se poženily* (SSJČ, II, 853) 'дети переженились' [8, с. 287—289; 4].

Об и *Суб* при дистрибутивном глаголе могут, вообще говоря, выражаться именем во множественном числе, количественным словом, собирательным или вещественным существительным. Рассмотренная выше схема отношения дистрибутивного действия к *Об* и *Суб*, однако, представляется несколько упрощенной. Остается в стороне тот факт, что далеко не при всех дистрибутивных глаголах реализуются все три вида связи — с множеством *Об*, *Суб* и множеством *Об* и *Суб* одновременно. Кроме того, дистрибутивность действия может быть связана не только с *Об* или *Суб*, но и с другими членами предложения. Попытаемся выяснить условия, при которых дистрибутивное действие относится к *Об* или *Суб*, а при непереходных глаголах — к *Суб* и другим членам предложения.

Рассмотрим прежде всего конструкции с объектными (переходными и примыкающими к ним семантически) глаголами типа *они перепробовали мясные блюда, студенты повскапывали грядки*, где *Об* и *Суб* представлены во множественном числе. Действие, выраженное дистрибутивным глаголом, может относиться: а) к множеству *Об* и *Суб* одновременно, как в первом предложении, б) только к множеству *Об*, как во втором предложении, что зависит от особенностей лексической семантики дистрибутивного глагола и контекста. Дистрибутивное действие может трактоваться как исходящее от множества *Суб* и одновременно направленное на множество *Об* в том случае, если глагол обозначает действие, не имеющее целью качественное изменение *Об* и замкнутое в сфере *Суб*. Назовем глаголы такого рода глаголами первой группы. Это глаголы интеллектуального действия, состояния и чувственного восприятия, как *переслушать, передумать, пересмотреть, перезабывать, повиучивать, переругаться (с кем), перезнакомиться (с кем), перечувствовать, переболеть (чем)*, глаголы психического воздействия на *Об*: *перепугать*, физического действия, не оставляющего на *Об* материальных следов: *перечеловать, перемерить, переиграть, перепробовать, передержать, перевернуть, перецунуть* и т. д. Такими свойст-

вами обладают глаголы аналогичной семантики и в других рассматриваемых языках. Ср., например, пол. *pomierzyć* 'перемерить', *potłumaczyć* 'перевести все', *ponazywać* 'назвать все', *pozyczać* 'пооставлять', *pooglądać* 'осмотреть все', *pozapominać* 'позабывать', *poprzedstawić* 'попредставлять (кого-либо)', *poodwiedzać* 'понавещать'; слвц. *pozanechávať* 'пооставлять', *ponavštevovať* 'понавещать', *popodpisovať* 'поподписывать', *poklamat'*, *poobmanývať*, *popredstavovať* 'попредставлять', *počítať* 'перечитать', *posl'ubovať* 'обещать все', *pomeriť* 'перемерить', *profotografovať* 'сфотографировать все'; чеш. *rozobjímat* 'пообнимать', *rozvypřičovat* 'одолжить всем или у всех', *roměřit* 'перемерить', *rozvycítat* 'поупрекать'. К сожалению, в словарях особенности семантической структуры таких глаголов отражаются лишь sporadически. Только отдельные глаголы толкуются с указанием на обе семантико-синтаксические валентности, как *переболеть*, *перехворать* (ТСРЯ, III, 95, 219), пол. *porzwyżaszcząć* 'поприсваивать' (SJP, VI, 1035), *porzzyznawać* 'попризнавать' (SJP, VI, 1036), слвц. *poklamat'* 'пообманывать' (SSJ, III, 189); чешские глаголы такого рода в SSJC и PSJC не получают каких-либо специальных характеристик вообще.

Предложения типа *они перепробовали мясные блюда, мы перецеловали детей* — см. также приведенные выше пол., слвц и чеш. конструкции типа в) — равнозначны *они все перепробовали все мясные блюда, мы все перецеловали всех детей*. Дистрибутивность действия здесь связана с множественностью *Об* и *Суб* одновременно. Односторонняя связь дистрибутивного действия только с *Об* или только с *Суб* имеет место в том случае, если при *Об* или *Суб* употребляются какие-либо количественные показатели и направление дистрибутивности действия получает дополнительную конкретизацию. Действие, обозначенное дистрибутивным глаголом, теснее связано с членом предложения, имеющим при себе количественное слово: ср. *мы все перепробовали мясные блюда* и *мы перепробовали все мясные блюда*.

Дистрибутивные глаголы рассматриваемого лексического значения свободно входят в конструкции с *Суб* во множественном числе и *Об* в единственном, причем дистрибутивность действия, разумеется, семантически связана с *Суб*: *они перепробовали это блюдо, мы перецеловали этого ребенка*. Ср. также приведенные выше предложения типа б) и следующие фразы: пол. *Ach, pojąłem teraz to, co tak uwierało Ojców Kościoła [...] nie dali rady wyrozumieć, pochowali swoje osłupienie w dogmaty, z własnego rozumu porozzygnowali [...]* (Lem, 76) 'Ах, теперь я понял то, что так мучило отцов церкви [...] они не смогли понять, они попрятали свое изумление в догматах, отказались от собственного разума [...]'; слвц. *L'udia ma tol'ko poklamali, že som pred nimi zaprel dvere* (SSJ, III, 189) 'Люди меня столько раз обманывали, что я закрыл перед ними дверь'. Такая сочетаемость обусловлена возможностью реализации в контексте одной из двух семантико-синтаксических валентностей рассматриваемых глаголов, в связи с чем сочетания объектных глаголов с *Об* в единственном числе нельзя трактовать как исключение из общего правила сочетаемости дистрибутивных глаголов со множественностью *Об* или *Суб*⁴. Понятно, что глаголы такого рода без ограничений входят в конструкции типа а), т. е. свободно сочетаются с единичным *Суб* и множественным *Об*; разумеется, дистрибутивность действия при этом соотносится с множественностью *Об*.

Огромное большинство объектных дистрибутивных глаголов обозначает действие, которое может быть направлено только на множество *Об*. Фраза *студенты повскапывали грядки* равнозначна *студенты повскапывали все грядки* (а не *все студенты повскапывали все грядки*). Ср. также предложения пол. *Przzyzywałem więc wszystkie zwierzęta, które potopiliś-*

⁴ Ср. точку зрения по этому вопросу, согласно которой при множественных *Об* и *Суб* дистрибутивное действие относится только к *Об*; случаи связи дистрибутивного действия с *Суб* при единичном *Об* трактуются как исключительные (приводится единственный пример *rogozriepszczali ją* 'все ее разбаловали') [10, s. 77]. Дистрибутивные переходные глаголы при единичном *Об* автор рассматривает как обладающие значением направленности действия на множество точек одного *Об* (см. выше).

mu w rzese [...] (Худ. проза) 'Я призывал всех животных, которых мы потопили в реке [...]', слвц. No partizáni ich postrieli'ali (Kost., 55) 'Но партизаны их перестреляли', чеш. [...] povraždili obyvatelstvo celých vesnic (SSJČ, II, 833) '[...] поубивали население целых деревень', где дистрибутивное действие относится к множеству *Об* при *Об* и *Суб* во множественном числе. Таким образом, здесь мы имеем дело с конструкцией особого типа, в которой реализуются специфические отношения дистрибутивности к *Об* и *Суб* при переходных глаголах. Глаголы, формирующие конструкции такого рода, назовем глаголами второй группы. Сюда относятся глаголы разрушения, как *перебить*, *переломать*, глаголы создания нового *Об*, как *перепечь*, *перешить*, глаголы, содержащие компоненты значения «украсть», «убить», «съесть», а также обозначающие действие, направленное на качественное изменение *Об* (*перештопать*, *перелечить*), перемещение *Об* в пространстве (*попривозить*, *поотвязывать*) и другие виды конкретного физического действия, оставляющего на *Об* материальные следы. Теми же свойствами обладают и глаголы других рассматриваемых языков, входящие в выделенные группы, как пол. ро'amać 'поломать', рогабаć 'порубить', рописаć 'написать все', роszyć 'перешить', рофарбоваć 'перекрасить', рооздabiać 'поукрашать', рокараć 'искупать всех'; слвц. роtrieskať 'поразбивать', робиť 'перебить', роkať 'выткать все', роpliešť 'сплести все', роbieliť 'перебелить', роprať 'перестирать'; чеш. роbiť 'перебить', роdrtit 'поразбивать', роdělаť 'переработать', роšit 'перешить', роmýt 'перемыть', роlát аť 'перештопать'. Такие глаголы без ограничений употребляются с *Суб* в единственном числе и *Об* во множественном — см. примеры конструкции типа а), но, в отличие от глаголов первой группы, не могут выступать с единичным *Об*, т. е. не участвуют в конструкциях типа б): во фразе *студенты повскапывали грядку* глагол имеет делимитативное значение, в предложении *они перепекли пирог* — значение чрезмерности действия. Этот факт служит также подтверждением того, что у глаголов второй группы в конструкциях с множественными *Об* и *Суб* собственно дистрибутивность действия связана исключительно с *Об*⁵.

Особенности функционирования и контекстуальной сочетаемости глаголов двух отмеченных групп связаны с различным отношением этих глаголов к семе направленности действия на достижение результата⁶. Мотивирующие глаголы первой группы типа *пробовать*, *смотреть* не обозначают действия, стремящегося к достижению результата; их корреляты совершенного вида *попробовать*, *посмотреть* нельзя интерпретировать как «совершить действие, являющееся результатом действия, названного мотивирующим глаголом». Мотивирующие глаголы могут и не иметь соотносительных по виду форм, так как по своей природе они являются непредельными: *держат* (*передержат*), *вертеть* (*перевертеть*), *болеть* (*переболеть*) (в западнославянском материале объектные глаголы такой семантики не обнаружены). Соответственно и производные дистрибутивы вроде *перепробовать*, *переслушать* не содержат семы результативности.

Мотивирующие же глаголы второй группы обозначают результативное действие: их корреляты совершенного вида можно описать как «совершить действие, являющееся результатом действия, названного мотивирующим глаголом» (*печь* — *испечь*, *копать* — *вскопать*). Так же и производные дистрибутивные глаголы содержат дополнительный семантический компонент «результативность»: *печь* — *перепечь* (*все*), *копать* — *перекопать* (*все*). Именно поэтому у дистрибутивов второй группы собственно дистрибутивность может соотноситься только со множеством *Об*: невозможно несколько раз испечь один пирог, вскопать одну грядку. Такая структура значения глаголов второй группы, однако, может нарушаться в зависимости от конкретного контекстуального употребления дистрибу-

⁵ Недопустимость употребления единичного *Об* при ряде дистрибутивных глаголов обусловлена наличием у мотивирующего глагола семы «множество *Об*», хотя такой глагол может обозначать действие, характерное для глаголов как первой, так и второй группы, ср. (пере)нужмеровать, (по)натаскать, (по)навидаться, (по)раздаривать, (по)разбрасывать и т. д.]

⁶ Здесь мы исходим из того, что значение результативности не обязательно входит в семантическую структуру всех глаголов совершенного вида.

тивного глагола. Сдвиги в семантике происходят в тех случаях, когда такие глаголы употребляются с единичным *Об*. Предложения *мы все ее перелечили* (все пробовали лечить, но не вылечили), *мы все перепекли этот пирог* (все пытались, но не испекли) равнозначны *мы все ее лечили*, *мы все пекли этот пирог*. Дистрибутивные глаголы обозначают расчлененное действие, состоящее из отдельных незавершенных актов, а собственно дистрибутивность связана с множеством *Суб*. Словообразовательное значение глаголов второй группы в таком употреблении полностью соответствует словообразовательному значению глаголов первой группы, так как компонент «результативность» в данном случае отсутствует.

Следует отметить, что ряд глаголов может в одних значениях примыкать к глаголам первой группы, в других — второй. Так, например, глагол *переколоть* в значении ‘заколоть всех’ сближается с глаголами второй группы и не может выступать с единичным *Об*, в то время как значение ‘уколоть всех (по одному или по нескольку раз)’ позволяет отнести глагол *переколоть* к первой группе, ср. *они все ее перекололи*, аналогично *они все ее перетолкали*, *перетрогали*, *перецупали* и т. д.

Таким образом, обозначать действие, охватывающее множество *Об*, множество *Суб* или множество *Об* и *Суб* одновременно могут только глаголы первой группы, не имеющие результативного характера и обозначающие действие, не оставляющее на *Об* материальных следов. Объектные результативные глаголы второй группы, обозначающие действие, направленное на качественное изменение *Об*, формируют конструкции, в которых собственно дистрибутивность относится только к множеству *Об* независимо от того, представлен ли *Суб* в единственном или же во множественном числе; глаголы этого типа не могут выражать действия, соотносящегося с множеством *Суб*. Случаи нарушения правил контекстуальной сочетаемости дистрибутивов ведут к сдвигам в семантике самих глаголов.

Особо следует отметить те случаи, когда объектные дистрибутивные глаголы употребляются в конструкциях с единичными *Об* и *Суб*. Это фразы, осложненные примыкающими членами предложения, с которыми и связана собственно дистрибутивность действия: ср. *он повырезал свое имя на всех деревьях*, *актер переиграл эту пьесу на всех сценах*, слвц. [...] *porozlievat do kalíškov zvušok koňaku* (Mináč, 264) ‘[...] он поразливал по рюмкам остаток коньяку’. Объектом дистрибутивного действия здесь фактически является множество деревьев, сцен, рюмок (каждый раз заново вырезал имя, играл на новой сцене, наливал в новую рюмку). Если дистрибутивный глагол обозначает конкретное физическое действие и относится ко второй группе, то постройка *Суб* во множественном числе не меняет общей картины: дистрибутивность действия соотносится не с *Суб*, а с примыкающим членом предложения, как во фразе пол. *Jednej nocy nieznanomi ludzie powyskrobywali na niektórych gmachach publicznych imię Inocentego* (SJP, VI, 1290). ‘Однажды ночью незнакомые люди повыцарапывали на некоторых общественных зданиях имя Иннокентия’. Характерно, что словарное толкование глагола *powyskrobywać* отражает такую возможность направленности дистрибутивности действия: ‘выцарапывать многое, выцарапать что во многих местах» (SJP, VI, 1290). Такими же особенностями отличаются, например, следующие глаголы: слвц. ‘porozlievat’ ‘поразливать’, *ponalievat* ‘поналивать’, *ponaberat*’, ‘понабирать’, *ponapĺňat*’ ‘понаполнять’, чеш. *porozlěvat* ‘поразливать’, что в некоторых случаях специально оговаривается в словарях. Так, например, глагол *podolievat*’ толкуется как ‘постепенно долить в отдельные сосуды’ (SSJ, III, 142), *ponaberat*’ — как ‘постепенно (во многие сосуды) набрать подряд’ (SSJ, III, 250).

Специфические отношения наблюдаются в конструкциях с дистрибутивными глаголами, входящими с *Об* в отношения двойного управления. В конструкциях с двойным сильным управлением дистрибутивность действия может быть связана с обоими управляемыми членами глагольного словосочетания. Наиболее употребителен вариант, при котором дистрибутивное действие направлено на множество *Об*, выступающих в качестве

прямого дополнения в винительном падеже: *он перепознакомил своих друзей со мной*. Дистрибутивное действие может быть связано также с *Об*, выраженным именем в косвенном падеже (при единичном *Об* в винительном падеже): фразы *он перепознакомил меня со своими друзьями, он пообклеивал дом плакатами* легко трансформируются в *он перепознакомил своих друзей со мной, он понаклеивал плакаты на дом*. Ср. аналогичные предложения пол. *Nie omieszkał mię popoznać i ze swoimi najpoufalszymi przyjaciółmi* (SJP, VI, 1017—1018) ‘Он не преминул перепознакомить меня и со своими ближайшими друзьями’, *Na własną rękę [...] poobsadzał drogę tę drzewami owocowymi* (SJP, VI, 985) ‘Он собственноручно [...] пообсаживал эту дорогу фруктовыми деревьями’; слвц. *Stena bola poobliepaná stránkami novín* (SSJ, III, 258) ‘Стена была облеплена страницами газет’. Иногда специфика рассматриваемых глаголов отражается и в словарных толкованиях: пол. *porozdawać* ‘раздать много вещей, подарить что многим или нескольким; разделить чем многих’ (SJP, VI, 1060—1061); слвц. *porpredstavovat’* ‘постепенно представить одного или многих многим, многим одному’ (SSJ, III, 279). В том случае, если оба *Об* употреблены во множественном числе, дистрибутивное действие относится к обоим *Об*: *он перепознакомил с нами своих друзей, он пообклеивал дома плакатами*.

При наличии сильноуправляемого и слабоуправляемого члена дистрибутивное действие может относиться и к этому последнему, ср. *он перепохвалил этот фильм нам всем*. Указанные особенности, однако, распространяются лишь на глаголы первой группы. Дистрибутивные глаголы второй группы, характеризующиеся наличием двойного управления, употребляются только с прямым *Об* во множественном числе, ср. *он перестегал мальчиков кнутами* и абсурдность *он перестегал мальчика кнутами*. Если же действие глагола второй группы направлено на множество *Об* в форме косвенного падежа, то семантика дистрибутива описывается как совокупность незавершенных актов: *он перелечил больного всеми лекарствами* (но так и не вылечил), ср. рассмотренное выше *мы все ее перелечили*.

Особо следует рассмотреть конструкции с субъектными дистрибутивными глаголами. Принято считать, что в таких конструкциях дистрибутивность действия может быть связана исключительно с множеством *Суб*. Наш материал показывает, однако, что дистрибутивность действия субъектного глагола может соотноситься и с другими членами предложения. *Суб* может быть выражен в единственном числе, если дистрибутивный глагол отличается наличием подчинительной связи; дистрибутивность действия в этом случае связана с зависимым членом словосочетания: *он перепробывал во всех городах СССР, перестрелял из всех орудий, перезвонил во все звонки, переискал, переслужил всюду* (ср. *они перепробывали в Москве, перестреляли из этого оружия, переслужили здесь* и т. д.). Для примера опишем семантику глагола в сочетании *перестрелял из всех орудий*: ‘стрелял каждый раз из нового орудия до тех пор, пока не выстрелил изо всех’. Подчинительные отношения, связывающие дистрибутивные глаголы с зависимыми именами, во многих случаях находятся на грани управления и примыкания, а зависимые члены словосочетаний — на границе дополнений и обстоятельств. В таких конструкциях с единичными *Суб* дистрибутивное действие охватывает множество каких-либо участков (но не на множество участков одного *Об*); при зависимом члене словосочетания возможна постановка слов, указывающих на повсеместность распространения действия, — *всюду, везде*. Указанными свойствами отличаются также и некоторые субъектные глаголы в западнославянских языках. Так, пол. *podowiađywać się* (о *szum*) толкуется как ‘по очереди узнать о многих вещах; узнать о чем-либо по очереди от многих; о многих: узнать о чем-либо по очереди’ (SJP, VI, 691), ср. также употребление глаголов слвц. *ponazerat’* ‘позаглядывать’, *podopúšť’at’ sa* (čoho) ‘подпускать, посовершать’ в предложениях: [...] *ponazeral do všetkých kaviarní* [...] (Mináč, 415) ‘[...] он позаглядывал во все кафе [...]’, *Po všetkom tom, čo postváral a čoho sa podopúšť’al, sírne potrebuje pomocní ruku* (SSJ, VI, 77) ‘После всего того, что он понаделал и что насовершал, ему срочно требуется рука помощи’. В том случае, если и *Суб* действия, и зависимый именной член

имеют форму множественного числа, дистрибутивное действие, естественно, относится к множеству *Суб*, как во фразе *они побегали в комнаты*.

При двойном управлении субъектных глаголов дистрибутивность действия может относиться, как и в описанных выше случаях двойного управления объектных глаголов, не только к самим *Суб*, но и к зависимым членам словосочетания, ср. *он попредставлялся своим знакомым под различными именами, он понадоедал нам болтовней*.

При рассмотрении субъектных дистрибутивных глаголов следует также учитывать то обстоятельство, что дистрибутивность действия может быть связана с логическим множеством *Суб*, выраженным множественным числом имени в косвенном падеже: так, фраза *цветок пооблел пчелами* равнозначна *пчелы пооблели цветок*. *Суб* выполняет здесь функцию логического *Об*, в то время как по существу действие совершается формальным *Об* предложения. Ср. также *дерево пообрастало листьями-листья повыврастали на дереве*.

Субъектным по сути является глагол пол. *poobsiadać (stół)* 'сесть вокруг стола, за стол (обо всех)'. Данный глагол управляет винительным падежом и формально является объектным; кроме того, глагол *poobsiadać* по своему значению должен примыкать к глаголам второй группы, которые в принципе не сочетаются с единичным *Об*. Специфика рассматриваемого глагола, однако, состоит в том, что дистрибутивность обозначаемого им действия относится исключительно к *Суб* вне зависимости от наличия множественного или единичного *Об*: в предложении *Szlachta [...] poobsiadała kanapy [...]* (SJP, VI, 985) 'Шляхта [...] поусаживалась на диваны [...]' дистрибутивность действия также связана только с *Суб*. Этот факт объясняется словообразовательной структурой глагола *poobsiadać*: мотивирующий глагол *obsiadać* обозначает действие, осуществляемое многими *Суб*, присоединение же дистрибутивной приставки лишь актуализирует сему «множество *Суб*». Аналогичным образом сема «множество *Об*» выступает на первый план при присоединении дистрибутивной приставки к глаголам типа *(по)обклеивать* (что чем, множеством чего), пол. *(po)obsadzać* '(по)обсаживать', слвц. *(po-)oblíepat'* '(по)обклеивать' (чешские глаголы не представлены). Наличие компонента «множество чего-либо» в семантической структуре мотивирующих глаголов обусловлено характером приставки *об-/об-*, значение которой подразумевает охваченность действием *Об* или *Суб* со всех сторон и, следовательно, осуществление его многими или над многими. Таким образом, в ряде случаев отнесенность дистрибутивности действия к *Суб* (как у глагола *poobsiadać*) или к одному из зависимых членов словосочетания при двойном управлении (как у глаголов типа *пообклеивать*) задается словообразовательной структурой мотивирующего глагола.

Подытоживая вышеизложенный материал, мы можем сказать, что структура отношения дистрибутивного действия к различным членам предложения является значительно более сложной, чем это обычно принято считать. Дистрибутивность действия может быть связана не только с *Суб* или непосредственным *Об*, но и с другими членами глагольного словосочетания. Соотнесенность дистрибутивности действия с теми или иными членами предложения определяется следующими факторами: 1) лексической семантикой дистрибутивного глагола; 2) наличием контекстуальных показателей дистрибутивности (слов типа *все, всюду*); 3) синтаксическими свойствами дистрибутивных глаголов: наличием или отсутствием подчинительной связи, характером подчинительной связи (управления или примыкания), наличием двойного или одиночного управления; 4) словообразовательной структурой дистрибутива, точнее — мотивирующего глагола, от которого образован производный дистрибутив.

СОКРАЩЕНИЯ

- I. Произведения художественной литературы
 Лесков: Лесков Н. С. Рассказы. М., 1981.
 Broszk.: Broszkiewicz J. Bracia Koszmarek, magister i ja. Warszawa, 1980.
 Horák: Horák J. Volanie lesa. Banská Bystrica, 1977.
 Jarunk.: Jarunková K. Tulák. Bratislava, 1975.
 Kobieta i Zycie: Kobieta i Zycie. 1981.
 Kost.: Kostolný A. Hrané con sordíno. Bratislava, 1975.
 Lem: Lem S. Powtórka. Warszawa, 1979.
 Mach: Mach W. Jaworowy dom. Warszawa, 1977.
 Mináč: Mináč V. Generácia. Bratislava, 1979.
 Róz.: Różewicz T. Śmierć w starych dekoracjach. Warszawa, 1971.
 Vid.: Vidocq F. Z galejníka policajným prefektom. Bratislava, 1969.
- II. Журналы и словари
 ТСРЯ: Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова. Т. III. М., 1939.
 CR: Československá rusistika. Praha.
 PSJČ: Příruční slovník jazyka českého. Praha, 1935—1957.
 RJ: Ruský jazyk. Praha.
 SJP: Słownik języka polskiego. Warszawa, 1958—1969.
 SR: Slovenská reč. Bratislava.
 SSJ: Slovník slovenského jazyka. Bratislava, 1959—1968.
 SSJČ: Slovník spisovného jazyka českého. Praha, 1960—1971.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Křtízková H.* Několik poznámek k distributivnosti v ruštině a v češtině.— RJ, 1958, roč. 8, № 9.
2. *Sedláčková Z.* Distributivní slovesa v ruštině a češtině.— CR, 1959, roč. 39, № 1.
3. *Peciar Š.* Distributívne slovesá v slovenčine.— SR, 1962, roč. 27, № 6.
4. *Sekaninová E.* Analýza sémantiky komponentů v predponovom slovese.— In: Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české, d. III. Praha, 1968.
5. *Šekaninová E.* Distributivnosť ako spôsob slovesného deja.— In: Stúdie z porovnávacej gramatiky a lexikológie. Bratislava, 1974.
6. Русская грамматика. Т. I. М., 1980, с. 603.
7. *Barnetová V.* K násobenosti slovesného děja.— In: Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české, d. I. Praha, 1956.
8. *Исаченко А. В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. II. Братислава, 1960.
9. *Авилова Н. С.* Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.
10. *Piernikorski C.* Czasowniki z prefiksem *po-* w języku polskim i czeskim. Warszawa, 1975.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

ПАВЛЮЧЕНКО О. В.

«РУССКИЕ КЛУБЫ» В СЕРБИИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ

Одним из позитивных итогов русско-турецкой войны 1877—1878 гг. явилось создание на Балканском полуострове независимого Сербского государства, чему в немалой степени способствовала позиция России в этом регионе. В первое десятилетие после Берлинского конгресса в результате переориентации Сербского правительства на Австро-Венгрию произошло охлаждение официальных сербско-русских отношений.

Правившая в эти годы в Сербии напредняцкая партия, не пользовавшаяся поддержкой большинства народа, к концу 80-х годов XIX в. полностью раскрыла свою неспособность управлять страной, и после отречения от престола Милана Обреновича (февраль 1889 г.), ее главного покровителя, сошла с политической сцены.

Принятие в 1888 г. новой конституции, создавшей условия для укрепления буржуазного парламентаризма в Сербии, а также переход власти к представителям радикальной партии создали в стране благоприятную обстановку и для оживления общественной деятельности, что вскоре стало проявляться в возникновении разного рода литературно-художественных обществ, клубов, кружков.

С конца 80-х — начала 90-х годов XIX в. берет начало и история создания в Сербии «Русских клубов» (или как они еще назывались «Русских кружков»), организованных сербами, сочувственно относившимися к России, стране — освободительнице южных славян. До сих пор этот вопрос в нашей исторической литературе не рассматривался. Нет специальной работы о деятельности «Русских клубов» и в Сербии. А между тем «Русские клубы», созданные в конце XIX в. в ряде городов Сербии, проделали, на наш взгляд, полезную работу по изучению сербами русского языка, ознакомлению с богатейшим литературным наследием народов России, в первую очередь русского и украинского.

На основании изученных архивных документов, материалов периодической печати можно говорить о существовании в Сербии на рубеже XIX—XX вв. шести «Русских клубов», созданных в Белграде, Нише, Враче, Пироте, Крагуеваце и Гроцке. Полное же число «Русских клубов» в Сербии пока не поддается определению.

Образованию в 90-е годы XIX в. в Сербии «Русских клубов» способствовал ряд обстоятельств: во-первых, традиционные симпатии сербов к России, обусловившие естественное стремление ближе познакомиться с ее культурой; во-вторых, к концу XIX в. в крупных городах страны, таких как Белград, Ниш, Крагуевац проживало уже довольно значительное число сербов, окончивших то или иное учебное заведение в России и желавших совершенствовать свое знание русского языка; и, в-третьих, как отмечал еще А. И. Степович, знание русского языка предоставляло сербам возможность знакомиться с шедеврами западноевропейской литературы по русским переводам [1, 1894, № 131], что было немаловажным, если учесть явный недостаток переводов западноевропейской литературы на сербский язык.

Из всех известных в Сербии «Русских клубов» наибольшей активностью отличалась работа нишского и белградского клубов. Город Ниш, расположенный в юго-восточной части Сербии, в ходе русско-турецкой войны 1877—1878 гг. был освобожден от турецкого господства. В 80—90-е годы в общественных кругах города были сильны русофильские настроения. Этому способствовало и то, что в Нише проживало особенно много выпускников учебных заведений России, в первую очередь военных училищ и академий. В ноябре 1891 г. на собрании общественности города был создан «Русский кружок», а вскоре открыта библиотека и школа русского языка и литературы [2, 1892, оп. 1, д. 739, л. 58]. Основной своей задачей строители кружка считали «распространение в Сербии изучения русского языка и литературы» [1, 1892, № 2]. Уставом «Русского кружка» предполагалось устройство музыкальных вечеров с исполнением «русских, малорусских песен и мелодий» [2, 1892, оп. 1, д. 739, л. 29]. Членом кружка мог стать любой человек, внесший вступительный взнос 5 динаров и плативший по одному динару ежемесячно. Первым председателем «Русского кружка» был избран подполковник Петр Мостич, а секретарем стал Светислав Аздейкович, учившийся в Киеве [3, 1890, оп. 3, д. 4824, л. 1—3].

Для пополнения своей библиотеки изданиями на русском языке нишский кружок установил связи со славянскими обществами в России, а также с отдельными лицами. 23 декабря 1891 г. руководство «Русского кружка» обратилось в Петербургское славянское благотворительное общество с просьбой прислать библиотеке книги [2, 1891, оп. 1, д. 713, л. 36 об.], а уже 24 марта 1892 г. в Ниш было отправлено значительное количество изданий на русском языке [2, 1890—1892, оп. 1, д. 710, л. 70]. В июле того же года «Русский кружок» сообщил в Петербург о получении новой партии книг. И в последующие годы Петербургское славянское благотворительное общество продолжало посылать нишскому кружку различную литературу.

В получении книг из России «Русскому кружку» в Нише оказывал помощь сербский митрополит Михаил, который неоднократно обращался к Н. П. Игнатьеву, возглавлявшему Петербургское славянское благотворительное общество, с просьбой регулярно посылать литературу в Ниш [2, 1893, оп. 1, д. 772, л. 26 об.]. Михаил высказывал пожелание, чтобы члены Общества русских писателей пожертвовали хотя бы по одному экземпляру своих сочинений для «Русских клубов» в Сербии [2, 1893, оп. 1, д. 772, л. 28].

«Русский кружок» в Нише обращался с просьбой прислать свои работы и к некоторым известным российским писателям, ученым-славистам. Известно, что в январе 1894 г. П. Мостич и С. Аздейкович послали письмо Льву Николаевичу Толстому, в котором рассказали писателю о работе кружка и просили его прислать бесплатно свои сочинения [4, с. 306]. На конверте письма рукой Толстого была сделана карандашная пометка: «Послать сочин» [4, с. 306]. Вообще интенсивные связи с югославянами установились у Л. Н. Толстого с середины 90-х годов XIX в., когда в Ясную Поляну стали часто приходиться письма по разным поводам: у писателя спрашивали разрешения на перевод его произведений, просили оказать моральную или материальную поддержку, высказывались пожелания почитать его книги. Имели место и личные контакты. Так, в 1909 г. Ясную Поляну посетил член белградского «Русского клуба» профессор университета Йован Максимович, неутомимый пропагандист и переводчик русской литературы [4, с. 94]. В 1894 г. «Русский кружок» в Нише обращался к киевскому слависту Т. Д. Флоринскому с просьбой выписать через местное славянское общество для кружка одну из киевских газет и прислать его славистические работы [5, 1894, № 19429, л. 1].

Пополнение фондов библиотеки «Русского кружка» литературой из России имело большое значение не только для членов кружка, но и для нишских гимназистов старших классов, которые бесплатно пользовались книгами этого общества, о чем сообщал П. Мостич в письме Н. П. Игнатьеву [2, 1892, оп. 1, д. 739, л. 58]. В середине 90-х годов кружку в Нише удалось выписать несколько периодических изданий из России, которые

довольно исправно поступали в город. Это значительно облегчало В. Стояковичу, получившему образование в России, преподавание русского языка в школе кружка.

Деятельность этой школы и значительное расширение фондов библиотеки за счет поступлений из России способствовали численному росту «Русского кружка», который в 1893 г. насчитывал около 60 членов [2, 1893, оп. 1, д. 772, л. 27 об.]. В его состав входили в основном преподаватели школ и гимназий, профессора, врачи, офицеры, священники и другие представители городской интеллигенции.

«Русский кружок» в Нише проводил свои заседания, на которых заслушивались рефераты, ежедневно по вечерам. В праздничные и воскресные дни кружок устраивал народные чтения произведений русской литературы. Организовывались и музыкальные вечера, где можно было услышать наряду с классическими произведениями российских авторов русские и украинские народные песни. Как исполнители, так и слушатели неоднократно отмечали множество сходных моментов в мелодиях сербского народа и народов России, что, по их мнению, объяснялось многовековыми культурными связями, оказывавшими взаимное влияние на развитие их песенного творчества.

Деятельность нишского кружка, однако, этим не ограничивалась. Его члены поместили в местных газетах несколько переводов произведений русских писателей, а также перевели на сербский язык и издали книгу по сельскому хозяйству [2, 1893, оп. 1, д. 772, л. 27]. Кроме того, они участвовали в проведении экзаменов по русскому языку в учебных заведениях города и от имени «Русского кружка» отмечали преуспевавших по этому предмету молодых сербов книгами писателей России. На членов кружка возлагались, как правило, и обязанности по приему в Нише русских людей, посещавших Сербию с научными, культурными и иными целями.

Работа «Русского кружка» в Нише вызывала одобрение большей части жителей города. Подводя итоги двухлетней работы кружка, митрополит Михаил в письме к Н. П. Игнатьеву от 14 декабря 1893 г. писал: «В общем кружок, содействующий упрочению связей Сербии с Россией, успел уже завоевать себе большие симпатии...» [2, 1893, оп. 1, д. 772, л. 27 об.].

Наряду с нишским обществом «Русские клубы» действовали в 90-е годы также в Белграде, Вране и Пироте [1, 1892, № 113].

На работе «Русских клубов» не могли не сказываться события, происходившие в политической жизни страны. После установления режима единоличной власти Александра Обреновича (1897) «Русские клубы» практически прекратили свою работу, ибо проявление всяких симпатий к России преследовалось. Лишь после смерти Милана Обреновича (январь 1901 г.), отца короля Александра, вновь возобновилась их деятельность.

Одним из первых возродился нишский «Русский кружок», в который записалось много новых членов. 30 ноября 1901 г. был принят новый устав и избрано руководство «Русского кружка» [6]. Председателем стал майор Милан Божанович, закончивший инженерную академию в Петербурге, секретарем — преподаватель гимназии Милан Костич, а казначеем Йован Попович. Русский язык начал преподавать Стоядин Стоянович, получивший образование в России [7, 1901, оп. 508/1, д. 50, л. 442].

Кружок восстановил старые связи со славянскими обществами в России, а также с отдельными лицами. Первые книжные поступления в начале XX в. пришли в Ниш от посла России в Сербии Н. В. Чарыкова, приславшего несколько экземпляров русской хрестоматии [6].

Согласно новому уставу, основной задачей кружка по-прежнему оставалось распространение среди сербов русского языка.

10 декабря открылся «Русский клуб» в Белграде [8]. Председателем был избран выпускник харьковского технологического института, сербский политический деятель Раша Милошевич, бывший министром торговли во время заключения договора Сербии с Россией в 1893 г., секре-

тарем — Георгий Нешич [9], получивший медицинское образование в Москве.

Следует отметить, что первый «Русский кружок» в Белграде и вообще в Сербии был основан еще в 1888 г. Йованом Ристичем, известным сербским политическим деятелем, историком и литератором. Сообщая о создании этого кружка в сербской столице, сотрудник российской миссии в Белграде В. Сергеев в письме министру иностранных дел Н. К. Гирсу прежде всего отмечал «сочувствие (у сербов.— *О. П.*) ко всему русскому и желание народонаселения ближе с нами познакомиться...» [10, 1888—1891, д. 9054, л. 1]. Однако из-за замкнутости и малочисленности своего состава, в который входили в основном литераторы, «Русский кружок» И. Ристича не смог проделать сколько-нибудь значительной работы. В 90-е годы кружок, по всей видимости, прекратил свою деятельность. Но русская библиотека и читальня, которыми заведовали дочери А. Васильевича, министра народного просвещения, также получившего образование в России, продолжали работать в Белграде и в середине 90-х годов XIX в. [7, 1892, оп. 508/1, д. 41, л. 251—252].

В начале XX в. вновь созданный белградский «Русский клуб» был одной из самых больших организаций общественности сербской столицы. Путешествовавшая по Сербии и другим балканским странам член исторического общества Нестора Летописца Е. В. Де-Витте так описывает работу «Русского клуба»: «Для знающих язык клуб служит местом для сближения между собою и практики в языке. В Белграде много лиц говорящих по-русски. Все это люди, получившие образование в России: офицеры, бывшие студенты русских университетов и духовных академий, молодые девушки, жены офицеров, русские». И далее: клуб «имеет хорошее помещение, большой зал и библиотеку, в нем открыты курсы русского языка, читаются рефераты по русской литературе, бывают собрания. В настоящее время (1902 г.— *О. П.*) он состоит из 200 членов» [14, с. 80—81].

Одним из направлений деятельности «Русских клубов» было распространение и популяризация в сербском народе произведений писателей России. С этой целью клубами устраивались вечера, посвященные тому или иному мастеру слова. 21 февраля 1902 г. по случаю 50-летия со дня смерти Н. В. Гоголя «Русский клуб» в Белграде почтил память известного и любимого в Сербии писателя и драматурга. Профессор Яворац, получивший образование в России, после панихиды в Белградском соборе произнес речь о значении Н. В. Гоголя для всего славянства, ознакомил присутствовавших с биографией писателя [7, 1902, оп. 508/1, д. 51, л. 121—122]. Вечером того же дня в городском театре состоялось представление первого действия инсценировки повести «Тарас Бульба» в обработке писателя Ю. Янковича и комедии «Ревизор» в переводе на сербский язык Ж. Йовичича. Как сообщал в Петербург посол Н. В. Чарыков: «Театр был полон и чуткая публика обильно аплодировала очень порядочному исполнению сербскими артистами сочинений великого русского писателя» [7, 1902, оп. 508/1, д. 51, л. 121—122]. Память Гоголя почтили и члены нишского «Русского кружка».

Еще более торжественно отмечалась в сербской столице 25-я годовщина смерти Н. А. Некрасова. 28 декабря 1902 г. «Русский клуб» устроил большой вечер, в котором приняли участие профессиональные и самодеятельные исполнители. Сохранившаяся программа этого вечера позволяет восстановить это значительное событие в жизни города [7].

Вечер открыл вступительной речью председатель «Русского клуба» Р. Милошевич; профессор И. Максимович прочитал доклад о Н. А. Некрасове «Поэт печали и мщенья». М. Торбца познакомила присутствовавших с женскими образами в поэзии Некрасова, а Ж. Костович прочитала поэму «Крестьянские дети».

На вечере было показано несколько сценических композиций по произведениям Н. А. Некрасова: «Кому на Руси жить хорошо», «Коробейники», «Мороз — Красный нос», «Сват и жених» (из «Песен»). Вечер памяти Н. А. Некрасова превратился, по существу, в чествование всей

русской культуры, поскольку, наряду с произведениями великого русского поэта-демократа, прозвучали и музыкальные сочинения Н. А. Римского-Корсакова, П. И. Чайковского в исполнении Д. Янковича и хора Белградского певческого общества [7, оп. 508/1, д. 51, л. 662—664].

Как уже отмечалось выше, «Русские клубы» брали на себя обязанности по встрече представителей России, посещавших Сербию с различными целями. В мае 1902 г. «Русские клубы» Ниша и Белграда оказали теплый прием замечательному русскому народному певцу И. Т. Рябину, который выступил в Сербии с несколькими концертами. В Нише по просьбе членов местного «Русского кружка» И. Т. Рябинин дал один бесплатный концерт для любителей русской песни. Российский консул в этом городе сообщал послу Н. В. Чарыкову в Белград: «Все присутствовавшие, в том числе и представители местных военных и гражданских властей, живо заинтересовались как русской старинной песней и мелодией ее, так и самой личностью певца, произведшего своею скромностью и достоинством неизгладимое на них впечатление. Все были приятно поражены родственностью как содержания, так и мелодии русской народной песни с народною сербскою и с восторгом аплодировали певцу» [12, л. 22]. При деятельном участии членов «Русского клуба» проходили выступления И. Т. Рябина и в сербской столице [12, л. 24—25].

В июне 1902 г. Белград, Ниш, Крагуевац и Ягодину посетила группа казанских гимназистов с преподавателем Н. К. Гарталовым. В поездке по стране их сопровождал секретарь «Русского клуба» в Белграде Г. Нешич. В сербской столице гимназисты осмотрели музей-крепость Калемегдан, посетили Великую школу, побывали в «Русском клубе». Председатель клуба Р. Милошевич на встрече с ними «выразил пожелание, чтобы из наглядного своего знакомства с Сербиею и ее народом она (русская молодежь — О. П.) вынесла любовь к сербам, братьям по крови и вере» [7, 1902, оп. 508/2, д. 69, л. 28]. В таком же духе выступил и А. Василевич, бывший одно время посланником Сербии в Петербурге, известный сторонник дружеских отношений с Россией. На встрече в «Русском клубе» казанские гимназисты дали концерт русской народной песни. В свою очередь члены кружка ознакомили гостей с сербским народным творчеством. 14 июня гимназисты просмотрели в белградском театре патристическую драму «Косовский бой». Отметим, что посещение Сербии молодежью из России в дальнейшем стало традиционным явлением.

Создание «Русских клубов» в Сербии в 90-е годы XIX в., когда официальные российско-сербские отношения, несмотря на их некоторое улучшение в период правления в Сербии радикальных кабинетов, в целом оставались натянутыми, сыграло определенную положительную роль в деле сохранения и развития традиционно дружеских отношений сербского народа к народам России. «Русские клубы» проделали немалую полезную работу по ознакомлению сербов с русским языком и литературой.

После падения династии Обреновичей (май 1903 г.) деятельность «Русских клубов» в Сербии приобрела еще более широкий размах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Киевлянин.
2. Ленинградский государственный исторический архив (ЛГИА), ф. 400.
3. Центральный государственный исторический архив УССР в Киеве (ЦГИА УССР), ф. 711.
4. Русско-югославские литературные связи. Вторая половина XIX — начало XX века. М., 1975.
5. Отдел рукописей Центральной научной библиотеки АН УССР (ОР ЦНБ АН УССР) ф. 111.
6. Вечерье новости, 1901, № 336.
7. Архив внешней политики России (АВПР), ф. Миссия в Белграде.
8. Глас Српства, 1901, № 43.
9. Славянский век (Вена), 1902, № 41, с. 469.
10. АВПР, ф. Славянский стол.
11. Де-Витте Е. В. Путевые впечатления. Далмация, Герцеговина, Босния и Сербия. Лето 1902 года. Киев, 1903.
12. Центральный государственный исторический архив СССР (ЦГИА СССР), ф. 733, 1903, оп. 123, д. 31, л. 22.

ЛАБЫНЦЕВ Ю. А.

ПЕРВАЯ КНИГА, НАПЕЧАТАННАЯ ГЛАГОЛИЦЕЙ, И ЕЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ МИХАИЛ БОБРОВСКИЙ

(К 500-летию начала книгопечатания
глаголическим шрифтом)

Книгопечатание, одно из самых выдающихся завоеваний человеческой культуры, становится достоянием южно- и восточнославянских народов примерно через четыре десятилетия после его появления в Европе¹. До нас не дошли самые первые опыты типографов, печатавших для славян. Известны лишь объемные книги — образцы зрелого типографского искусства, изготовленные, несомненно, после большой подготовительной работы, в процессе которой появлялись пробные оттиски, небольшие издания — наподобие азбук — текстов отдельных молитв и т. д. Все эти издания, в отличие от значительной по объему книги, заключенной в прочный (дерево, толстая кожа и металл) переплет, очень быстро разрушались и исчезали, и потому дошли до нас лишь от более позднего времени (начиная с XVI в.) и то в совершенно исключительных случаях².

Таким образом, даты начала книгопечатания в той или иной стране, у того или иного народа, в том или ином городе и типографии по существу являются в большинстве своем достаточно условными. Нам, как правило, неизвестны самые первые издания этих типографий — мы имеем дело уже с более поздними их произведениями, в основном солидными по объему книгами, тщательно хранившимися в церквях, монастырях, государственных и частных библиотеках.

Первым среди двух собственно славянских алфавитов — кириллицы и глаголицы — типографское воплощение получил глаголический алфавит. В самом начале 80-х годов XV в. глаголический шрифт был отлит неизвестным мастером, а 22 февраля 1483 г. этим шрифтом была напечатана и первая глаголическая книга — «Миссал по закону Римского двора». До сих пор ученые не пришли к единому мнению о месте издания этой книги. Из предполагаемых городов и местностей, на наш взгляд, наиболее правдоподобным местом издания является Венеция. Издание сохранилось примерно в пятнадцати экземплярах (треть из них более правильно назвать фрагментами), большая их часть находится в Югославии, в том числе в Загребе — пять экземпляров [2, s. XXXIII; 3]. За последние годы появилось несколько значительных работ, посвященных глаголическому Миссалу 1483 г.³, а сам он был издан факсимильно в 1971 г. [2].

¹ Вопрос о точной дате возникновения книгопечатания в Европе чрезвычайно сложен. В данном случае нами подразумевалась примерная дата, ставшая традиционной, — 1440 г.

² В качестве примера укажем на обнаруженный нами экземпляр чрезвычайно редкой (известна всего в двух экземплярах, находящихся в Любляне и Тюбингене) Азбуки глаголических, кирилловских в латинских письменах (Тюбинген, 1564, всего 2 листа), сохранившейся в составе объемной книги в прочном переплете из собрания Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина [1].

³ Подавляющее большинство специальных работ о Миссале 1483 г. указано в [3, с. 5—9, 12].

Рис. 1. Лист 213 текста Миссала 1483 г. с началом «Чина благословити воду на крещение Господне»

В нашей стране имеется один экземпляр Миссала из собрания известного хорватского слависта Ивана Берчича⁴. Этот экземпляр является, видимо, самым полным из известных ныне. Миссал напечатан в две краски — красную и черную, двумя шрифтами. Набор сделан в два столбца, при этом использован 201 типографский знак. В издании 219 листов, его формат во вторую долю листа. Предполагается, что издание было выпущено тиражом обычным для тех времен — в 100 или более экземпляров, отпечатанных на бумаге и пергамене, таким образом до нас дошла примерно десятая их часть.

В поле зрения славистов Миссал 1483 г. попал довольно рано. Первым его исследователем по праву считается выдающийся белорусский славист и ориенталист, профессор Вильнюсского университета М. К. Бобровский (1784—1848), познакомившийся с ним во время своего заграничного путешествия [2, с. XXXII]. Именно благодаря М. К. Бобровскому сведения о Миссале попали в «Библиографические листы» П. Кеппена

⁴ Находится в фондах Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (собрание И. Берчича, № 1).

[4, 1825 г., № 1, с. 9], он же указал и известные ему экземпляры издания. Посланный в 1817 г. советом Вильнюсского университета в длительную научную командировку за границу, профессор М. К. Бобровский в течение пяти лет (с 17 сентября 1817 г. по август 1822 г.) работал над совершенствованием своих знаний в области славянских, восточных и древних языков, археологии, истории, литературы, собрал колоссальный научный материал, изучил и описал многие славянские древности, ввел в научный оборот ряд первостепенных памятников истории и культуры⁵. Отправлявшиеся им отчеты (лишь часть из них сохранилась) на имя ректора Вильнюсского университета дают представление о той гигантской научной работе по изучению славянских древностей, которую он вел в различных странах — Австрии, Италии, Франции, на землях западных и южных славян, у сербо-лужичан⁶.

Во время своего путешествия он познакомился и подружился со многими видными славистами — Б. Копитаром, И. Добровским, В. Ганкою и другими. Лишь очень немногое, что написал М. К. Бобровский, ему удалось опубликовать [8]. Не повезло и его рукописному наследию, которое до нас не дошло, часть рукописей пропала сразу же после смерти М. К. Бобровского, часть досталась библиофилу В. Тренбицкому и затем разошлась по другим собраниям, большинство которых погибло во время второй мировой войны⁷.

Вместе с тем, сделанное М. К. Бобровским, в частности открытые им памятники славянской культуры (в их числе знаменитая Супрасльская рукопись XI в.), дают право говорить о нем, как о пионере отечественной и мировой славистики и, пожалуй, самом крупном белорусском слависте и ориенталисте первой половины XIX в. Всю свою жизнь, по словам ученого, он посвятил «умножению плодов славянской литературы» [9]. Будучи совсем молодым человеком, он изучает древние славянские рукописи и старопечатные книги в церквях и монастырях Подлясья, Белоруссии и Литвы. Особенно интересуется его (тогда еще гимназиста) богатейший архив и библиотека Супрасльского монастыря, где им были сделаны важные открытия. Позднее к своей археографической работе М. К. Бобровский начинает широко привлекать молодежь [5, с. 328—329]. Со временем археографические разыскания и исследования приносят ученому мировую известность. Его избирают членом Римской академии древностей, Парижского и Лондонского азиатских обществ, Московского общества истории и древностей российских.

Еще до заграничного путешествия М. К. Бобровский начинает интересоваться историей славянского книгопечатания. В эти и последующие годы собираются материалы, относящиеся к деятельности Швайпольта Фиоля⁸, Франциска Скорины⁹, Ивана Федорова, Петра Мстиславца и других. Все это вошло затем в недошедшую до нас «Историю славян-

⁵ Научная биография М. К. Бобровского все еще не написана. Лучший очерк начального этапа его исследовательской деятельности принадлежит В. А. Францеву [5, с. 257—332]. Отдельные упоминания и характеристики ученого мы находили в работах последнего времени [6].

⁶ См., например, один из первых рапортов М. К. Бобровского, озаглавленный «Raport X. Michała Bobrowskiego wysłanego za zbieraniem zabytków do historii Narodowej po bibliotekach w Wiedniu i Rzymie» с датой «2 Maia 1819 roku» и указанием места написания «z Wiednia» [7, F 2—KC 2, л. 109—117].

⁷ Уцелели лишь очень немногие его письма, записки и материалы, предназначенные другим лицам. В настоящий момент большинство этих документов находится в собраниях Вильнюса, Кракова, Варшавы, Москвы, Ленинграда и других городов.

⁸ Издания Швайпольта Фиоля изучались М. К. Бобровским в течение многих лет. В письме от 26 июня 1827 г. к Иоахиму Лелевелю он пишет о своей работе над текстом этих книг, их языком [5, с. LXXXIV].

⁹ Литературными и издательскими трудами Франциска Скорины М. К. Бобровский пристально интересовался. См., например, письмо к Иоахиму Лелевелю от 1 декабря 1824 г., где говорится о работе над текстом Книги Иова в издании Франциска Скорины (Прага, 1517) [5, с. LXXVII]. Возможно, М. К. Бобровский первым обратил внимание на то обстоятельство, что его выдающийся земляк Франциск Скорина стал в Падуанском университете доктором медицины. Сведения о выпусках М. К. Бобровского, касающихся имен соотечественников, учившихся в Падуе, позволяют сделать такое предположение [5, с. 264, 268, 272].

Рис. 2. Последний лист Миссала 1483 г. с колофоном, где указана дата его напечатания

ских книгопечатен в Литве», над которой М. К. Бобровский долгие годы работал¹⁰. Путешествуя по Европе, ученый постоянно знакомился со славянскими рукописями и печатными книгами кирилловского, глаголического и латинского письма и шрифта; отмечал, описывал и изучал те из них, которые его заинтересовали¹¹. При возможности М. К. Бобровский приобретал некоторые из этих книг и рукописей¹², собрав значительную библиотеку¹³, служившую ему основной источниковой базой

¹⁰ О работе этой среды польских ученых долгие годы ходили настоящие легенды. Видимо, первым в печати о ней упомянул К. Эстрайхер [10].

¹¹ Заслуживает особого упоминания сделанная им научная опись древнейших кирилловских и глаголических литературных памятников Ватиканской библиотеки, опубликованная позднее главным ее хранителем А. Майи [11].

¹² См. его упоминания о покупке книг в Риме [5, Приложения, с. LXX].

¹³ Библиотека М. К. Бобровского не сохранилась, отдельные книги из нее ходят ныне в собраниях Вильнюса, Москвы, Ленинграда и других городов. В большинстве своем книги эти являются очень редкими и даже уникальными экземплярами. (см., например, Michalonis Litvani. De Moribus Tartarorum... Basileae, 1615—

Рис. 3. Портрет М. К. Бобровского (1784—1848)

в его исследованиях, в том числе и по истории славянского книгопечатания. Вот как оценивает сделанное в этой области современник М. К. Бобровского, хорошо знавший его П. Янковский: «Славянскую библиографию и историей книгопечатания профессор Бобровский занимался с особенной любовью и постоянством. Он был чрезвычайно опытен в чтении и определении древности старинных наших рукописей; насчет же времени и места издания книг, почти не ошибался, по первому взгляду. Богатыми своими библиографическими записками он делился охотно со многими учеными; в том числе и с московскими, с которыми, по званию члена тамошнего Общества истории и древностей, находился в деятельной переписке. Памятна, конечно, будет заслуга профессора Бобровского, оказанная истории русского книгопечатания: им-то пополнен в ней пробел о первых ее деятелях, московских типографщиках: диаконе Иване Федорове и Петре Тимофееве Мстиславце, бежавших в 1564 г. (так!) из столицы, пред изуверством черни. Бобровский проследил всю дальнейшую судьбу этих замечательных людей и описал порядком все их издания, как совместные, во время данного им Ходкевичем приюта в местечке Заблудове, так и отдельные потом в Вильне, Львове и Остроге» [12].

Особая роль принадлежит М. К. Бобровскому как исследователю глаголического книгопечатания, памятники которого были чрезвычайно редки уже в ту пору. Во время своего заграничного путешествия, преимущественно в Италии и на южнославянских землях, ему удастся описать не менее 30 глаголических изданий из более чем 50, известных в настоящее время [3]. Примерно 10 таких изданий он приобретает для своей библиотеки¹⁴. В Риме в Ватиканской библиотеке М. К. Бобровского чрезвычайно заинтересовывает первенец глаголического книгопечатания 1483 г. Эту книгу он подробно описывает и изучает. Прекрасно

Центральная научная библиотека АН ЛитССР, отдел редких книг, № L.17/1104). Почти все книги из библиотеки М. К. Бобровского имеют владельческий знак — ромб, в который вписаны латинские буквы ХМВ (Xiędz Michał Bobrowski — Священник Михаил Бобровский), позволяющий отличать их. Размеры ромба по диагоналям 19×31 мм.

¹⁴ В библиотеке М. К. Бобровского имелись следующие глаголические издания: Миссал. Рим, 1631; Исправник за ереи исповядници, и за покорних. Рим, 1635; Букварь славенский. Рим, 1753 и ряд других (см. [4, 1826, № 26, стлб. 376—378]). Букварь славенский ныне находится в собрании Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (инв. № 5002).

Libri glagolitici typis impressi, quos in itinere Viennae, Romae, Pragae, etc. me perserexam.

1. Romae in bibliotheca vaticana vidi duo exemplaria missalis editionis principis: quorum exemplar plenius est eiusmodi: -

Frontispicium desideratum.

Calendarium 6. foliis constat. Folia haec non sunt numeris signata; quorum 2. et 3. a quodam amanuensi suppositum. Dies in calendario indicati ad normam Latinorum, sicut ut Calendar. Norw. glagolitice notata legantur.

+

Mox incipit Missale miscriptum sic:

Почетие мисса. нгале прве оприметва
 Duobus columnis impressum, typis maioribus et minoribus.

Ad calcem legetur: *СВѢДѢНІЕ*

Ф. Д. 3. ПО МУТ ПУБЛІК. ОДР. В. С. П.

СВѢДѢНІЕ О ПУБЛІКАЦИИ КНИГИ

1783

глаголь 1483 Мѣся Певбра дни 22 ми
 Мисли буме свршени.

literae initiales mascululae a manu sunt pictae rubro colore: quae in altero exemplari magis rubro, et paucas atramento pictas exquirias, desiderantur.

Foliosum ad oram imam betuda signata sunt:

*и - ии - ш - э - ю - ъ - ѓ - ѡ - 90 - ф - а -
 н - 4 - ѡ - м - 4 - 3 - го - б - ф - 00. 3 - 10*

Рис. 4. Факсимиле первой страницы рукописного описания глаголического Миссала 1483 г., сделанного М. К. Бобровским и отправленного им. П. Кеппену

понимая значение этого памятника для истории всей славянской культуры, М. К. Бобровский считает необходимым привлечь к нему специальное внимание ученых. В «Записке о путешествии по Славянским землям и архивам», составленной несомненно под самым непосредственным влиянием отчетов, рапортов и писем М. К. Бобровского, который, как пишет сам П. Кеппен, сообщил ему «список тем глаголическим книгам, которые он имел случай видеть во время своего путешествия по Европе» [4, 1825, № 26, стлб. 376], по этому поводу сказано: «В Риме... не оставить без внимания глаголического Служебника (Missale), изд. в 1483 г. и других глаголических книг...» [4, 1825, № 33, стлб. 488]. При этом М. К. Бобровский рекомендует в качестве информатора «по части Памятников, хранящихся в Риме» [4, 1825, № 33, стлб. 475].

Судя по дошедшим до нас материалам, М. К. Бобровский считал, что первая глаголическая печатная книга, Миссал 1483 г., была издана в

Италии¹⁵. Описывая памятник, он приводит сведения о его составе, характере фолиации, количестве листов, делает из него отдельные выписки. По характеру записей, сделанных М. К. Бобровским, видно, что Миссал 1483 г. чрезвычайно интересовал исследователя с точки зрения языка, а также норм славянской литургической практики по латинскому обряду на старославянском языке. Эта первая печатная глаголическая книга позволяла ему глубже изучить языки и литературы южнославянских народов, понять эволюцию старославянского языка. Занятия М. К. Бобровского глаголическими памятниками и специально глаголической азбукой носили строго систематический характер, особенно интенсивными и плодотворными они стали после посещения им Вены и Праги¹⁶. Определенную роль в этом увлечении играло и то обстоятельство, что глаголические книги на старославянском языке печатались для славян-глаголитов, бывших католиками. Профессор М. К. Бобровский, греко-католик, имеющий священнический сан, тщательно собирал и изучал все материалы, связанные с историей распространения католичества у славян [5, с. 274—276], в том числе славянские католические издания [14].

Прекрасно осознавая, что именно печатная книга, подвергнутая в отличие от большинства рукописных текстов, тщательной текстологической и редакторской обработке и выверке, представляет собой превосходный материал для изучения истории языка, он столько внимания уделял первопечатным книгам, сохранявшим еще некоторые живые особенности старославянского языка. Вот почему славянские инкунабулы, т. е. первопечатные книги, изданные до 31 декабря 1500 г., с которыми работал М. К. Бобровский, в том числе и его личные их экземпляры¹⁷, явились для ученого важнейшими источниками по истории культуры и литературного языка ряда славянских народов. М. К. Бобровский первый в мировом славяноведении обратился к изучению глаголической старопечатной литературы. Этот факт имеет существенное значение для истории мировой славистики и, прежде всего, для истории отечественного славяноведения, уже в самом начале своего возникновения имевшего столь широкую программу исследований, в которую были включены и вопросы изучения первопечатной глаголической книжности и глаголического книгопечатания.

ЛИТЕРАТУРА

1. В помощь составителям Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов. Метод. указания, вып. 4. Предварительный список старопечатных изданий кирилловского шрифта второй половины XVI в. М., 1979, с. 21.
2. *Misal po zakonu Rimskoga dvora. Prvotisak: godine 1483.* Zagreb, 1971, s. XXXIII.
3. В помощь составителям Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов. Метод. указания, вып. 2. /Сост. А. А. Круминг. М., 1977, с. 12.
4. Библиографические листы. СПб.
5. *Францев В. А.* Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX ст. Прага, 1906.
6. *Vonazza S.* Bartholomäus Kopitar: Italien und der Vatikan. München, 1980, S. 25, 41, 42, 54, 150, 171, 192 u. a.
7. Научная библиотека Вильнюсского государственного университета, отдел рукописей.

¹⁵ Об этом предположении М. К. Бобровского постоянно упоминают почти все исследователи истории глаголического книгопечатания, см., например, [13].

¹⁶ См., например, рапорт М. К. Бобровского о его путешествии по южнославянским землям, а также записки, относящиеся к тому времени [7, F2—KС 35, с. 21—32]. Необходимо отметить, что среди этих записок на л. 39—48 находится небольшой словарь «писателей Далмации» с их краткими характеристиками, составленный М. К. Бобровским. Судя по дате, указанной в конце этих записок, словарь был составлен не позднее 28 августа 1821 г.

¹⁷ В его библиотеке имелось несколько экземпляров изданий Швайпольта Фиоля. Некоторые из них дошли до нас. Особенно интересны — экземпляр Часослова (Кравков, 1494) из собрания Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (инв. № 4331) и экземпляр этого же издания из собрания Библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде [15], сохранившие следы работы ученого над их текстами [16].

8. Bibliografia literatury polskiej: Nowy Korbut. Oświecenie. T. 4. Warszawa, 1966, s. 249—250.
9. Письмо М. К. Бобровского в Супрасльский монастырь от 1 февраля 1830 г.— Центральная библиотека АН ЛитССР, отдел рукописей, F 273—1007 (подлинник на польском языке).
10. *Estreicher K.* Bibliografia polska. T. 1. Kraków, 1870, s. 121.
11. *Scriptorum veterum nova collectio e Vaticanis codicibus.* T. 5, II. Romae, 1831, p. 101—121.
12. *Янковский П.* Протоиерей Михаил Бобровский.— В кн.: Холмский греко-униатский месяцеслов на 1867 год. Варшава, 1866, с. 108.
13. *Назор А.* Книгопечатание глаголическим шрифтом на территории Хорватии.— В кн.: Славянские культуры и Балканы. Т. I. IX—XVII вв. София, 1978, с. 375.
14. *Лабынцев Ю. А.* Михаил Бобровский — первый исследователь болгарского «Абагара» 1651 г.— В кн.: Русско-болгарские связи в области книжного дела. М., 1981, с. 79—83.
15. *Боброва Е. И.* Каталог инкунабулов. М.—Л., 1963, № 409.
16. *Лабынцев Ю. А.* Издания Франциска Скорины и других славянских первопечатников в библиотеке Супрасльского монастыря.— В кн.: Белорусский просветитель Франциск Скорина и начало книгопечатания в Белоруссии и Литве. М., 1979, с. 186—187.

«ИЗБОРНИК СВЯТОСЛАВА» 1073 г. И «ДИАЛЕКТИКА» ИОАННА ДАМАСКИНА

Логические статьи «Изборника Святослава» 1073 г. [1, л. 222об.—237об.] еще не привлекали к себе достаточного внимания. Они порой вообще выпадают из поля зрения, скажем, историков логики, излагающих судьбу этой дисциплины в России лишь с XVIII в. [2].

Между тем, довольно давно была подмечена связь названных статей с «Диалектикой» Иоанна Дамаскина — одним из распространенных памятников славяно-русской письменности¹, имевшим, в частности, первостепенное значение для становления национального научного языка: в славянском тексте почти нет иноязычных заимствований, переводчикам вполне удалось облечь отвлеченные понятия словесной плотью, взрастить на корнях родной речи стройные побеги высоких умозрений².

Связь статей «Изборника» и «Диалектики» была использована в прошлом веке А. В. Горским и К. И. Невоструевым для доказательства того, что перевод последней создан позднее эпохи Иоанна Экзарха³. В настоящее время известны два списка «Диалектики» середины XIV в. сербского извода (Крушед. 63 в Белграде — публикацию см. [5] — и Гильф-84 в Ленинграде). Ввиду заметных различий между ними протограф следует отнести по меньшей мере к концу XIII в. Однако славянской кодикологии и текстологии «Диалектики» мы надеемся посвятить отдельное сообщение — здесь же нам хотелось бы остановиться на некоторых вопросах, связанных с византийскими источниками.

Сравнительно недавний труд Б. Пейчева [6] содержит ряд весьма ответственных выводов о логических статьях «Изборника» и «Диалектике». Сводятся они к следующему. Греческий оригинал логических статей «Изборника» принадлежит, согласно Б. Пейчеву, ересearху-монофелиту Феодору Фаранскому, современнику Максима Исповедника. Некоторое время его статьи находились в обращении без имени автора, тогда их и включил в свое сочинение Иоанн Дамаскин. Позднее произошло отождествление Феодора Фаранского с Феодором Райфским, православным епископом, автором *De incarnat.* [7, т. 91, 1484—1504]. Под его именем логические статьи включались в греческие кодексы и славянский «Изборник». Греческий оригинал, по утверждению Б. Пейчева, находится в рукописях Vat. gr. 423 и Paris-Coisl. 120.

Ниже мы попытаемся разобраться в основательности этих выводов.

¹ Удалось выявить около 150 списков XIV—XVIII вв. Цитаты или фрагменты «Диалектики» встречаем в «Житии Антония Римлянина», «Азбуковниках», Послесловии Петра Мстиславца к Псалтыри 1576 г. и т. д.

² Примечательно, что для самого Аристотеля, особенно в «Категориях», логика была прежде всего самоосмыслением словесного смысла и тесно связывалась с грамматикой определенного (древнегреческого) языка [3, с. 49]. Это относится и ко всей традиции.

³ Выбор ими для сопоставления списка «Изборника» начала XV в. и «Диалектики» начала XVI в. [4, с. 314—318] нельзя признать убедительным. Следует, по-видимому, сопоставить самые ранние списки, учитывая возможность изменения извода из болгарского в сербский).

Утверждение о монофелитском характере логических статей «Изборника» основывается, по-видимому, лишь на одной главе — «О лицах», причем, за отсутствием каких-либо доказательств, явно принимается за самоочевидное. Однако в указанной главе вопрос о наличии одной или двух волей в воплощенном Боге-Слове не обсуждается вовсе, а имеется только определение понятия «лица», через «действия» и «свойства», усматривать в котором отражение использованного монофелитами неясного выражения *μία θεαδική ἐνέργεια* крайне затруднительно. Тем более странно находить даже малейшую и скрытую апологию монофелитства, к которому восходит ересь монофелитов, в «Диалектике», где прямо критикуется Несторий [7, т. 94, 664]. Между тем, Б. Пейчев и здесь, и в «Небесах» («Богословии») Иоанна Дамаскина, и в «Изборнике» усматривает «начатки» богомилского «христологического монизма» [6, с. 51].

Итак, если автор логических статей «Изборника» и был монофелитом, из дошедших до нас текстов этого заключить нельзя. Более того, вообще нет достаточных оснований считать, что они принадлежат *одному* автору. Исследовавший этот вопрос В. Элерт, работа которого [8] была известна Б. Пейчеву⁴, склонялся к мнению, что Феодору Раифскому, возможно, принадлежат только начальные статьи, до «О лицах». В самом деле, насколько устойчиво связывается его имя в греческих и славянских кодексах со всей серией?

В сборнике ГБЛ Рум. VI (М. 8295) под именем Феодора Раифского помещены только две статьи — «О естестве» и «О собстве» (л. 295об. — 298), по-видимому, согласно греческому оригиналу. В греческом кодексе ПАТМОС 109, X в., на л. 251—253об.⁵ мы находим только в известной последовательности статью Максима Исповедника «О различии сущего и естества» и Феодора Раифского «О техжде» и «О естестве», но далее идет текст Георгия Хиробосского о тропах (в «Изборнике» он примыкает к логическим статьям). Аналогично обстоит дело с рукописью XIII в. Миланской библиотеки Amb. N 257 inf., где за статьями Максима следуют те же две статьи Феодора Раифского. Особенно примечательно, что в этой рукописи статьям Максима предшествуют главки из «Диалектики» Иоанна Дамаскина, частью сокращенные, частью распространенные в сравнении с главами 42, 43, 12—14, 58, 49, 51, 50, 57, 15, 16, 31, 37, 44 в [7, т. 94], как отмечается в описании [9, р. 1116]. От серии «Изборника» эта подборка заметно отличается, но и здесь к ней примыкает статья Максима Исповедника «О всуштьнемъ и о вссобнемъ». Возникает предположение, что в сборниках подобного типа устойчиво встречаются статья Максима Исповедника «О различии сущего и естества» и две последующие статьи Феодора Раифского, нередко распространяемые или предваряемые вариациями на темы «Диалектики».

Кодекс Vat. gr. 423, который Б. Пейчев считает важным доводом в пользу своей гипотезы, подтверждает скорее наше предположение. Уже из описания [10, р. 139] очевидно, что оригинал логических статей «Изборника» здесь не найти (претензии Б. Пейчева на «открытие» не вполне понятны). Микрофильм показывает наличие статьи Максима и двух статей Феодора Раифского. К ним примыкает приписываемая здесь ему же (ТОУ АУТОУ) статья «О единении яко по десяти бываетъ образъ сьединение» (в «Изборнике» она идет за статьей Максима «О всуштьнемъ и о вссобнемъ» и точно таким же образом — «ТОГО ЖЕ» — приписывается ему⁶) и — на том же месте, что и в «Изборнике» — статья Георгия Хиробосского (см. л. 384—388).

В рукописи X в. Миланской библиотеки Amb. Q74 sup., содержащей среди прочих различные сочинения Иоанна Дамаскина, вслед за философскими статьями Максима Исповедника, соответствующими [7, т. 94]

⁴ Нам она, к сожалению, оказалась недоступной.

⁵ Микрофильмы греческих рукописей были любезно указаны и предоставлены в наше распоряжение И. В. Лёвочкиным. Названия статей из греческих кодексов приводятся в традиционных переводах «Изборника».

⁶ В рукописи Paris. gr. 1115, л. 1 эта статья идет под именем Иоанна Дамаскина [10, р. 139].

149—153 В] идут выдержки из «Диалектики» (л. 150 и сл.), соотносимые, согласно описанию [9, р. 768], с фрагментами [7, т. 94, 589 С — 596 А, 552 В, 608 А, 612 В—С, 605 D]. Есть в этой рукописи и Феодор Раифский, представленный только двумя статьями — De incarnat и «О различии сущего и естества» (л. 208 об. — 217 об.).

Подведем итог. Составление логических компиляций было довольно распространенным делом в византийской книжности. Чаще всего они были безымянными, хотя нельзя не вспомнить, скажем, о сочинении патриарха Фотия на темы «Категорий» Аристотеля [7, т. 101, 759—812]. В сборниках известного типа, использованных составителями славянского «Изборника», подобные компиляции нередко присоединяли к статьям Максима Исповедника и Феодора Раифского. Полностью приписываются последнему они лишь в одном раннем списке — Paris-Coisl. 120. Заключать отсюда об авторстве по меньшей мере преждевременно.

Однако Б. Пейчев идет еще дальше, утверждая, что Иоанн Дамаскин заимствовал в «Диалектику» весь «трактат» Феодора Раифского [6, с. 86].

Что «Диалектика» представляет собой оригинальную компиляцию — известно давно. С большой подробностью, на основании тщательных текстологических изысканий выявлены ее связи с родственными сочинениями, включая достоверно принадлежащие Феодору Раифскому. Установлено даже, что при известном сходстве, его текст не мог послужить источником для, скажем, 43, 46 и 47 глав «Диалектики» [11, с. 172, 176]. Но если бы Феодор Раифский и был автором греческого оригинала логических статей «Изборника», говорить об их прямом включении в «Диалектику» нет никаких оснований. Достаточно полное соответствие выявлено только в 13, 15, 30, 44, 45 и 48 главах по изданию [7, т. 94], в прочих же найдены лишь частичные совпадения и парафразы [12, с. 103]. Если Иоанн Дамаскин держал в руках самостоятельный анонимный трактат, то зачем начало его он включил в главы 4, 7, 43, 12 и 13 своего труда, а конец распределил в 32, 48, 44 и 45, не говоря уже о том, что в ряде случаев значительно изменил и дополнил текст?

При сопоставлении с «Изборником» впечатление *целостности* производит именно «Диалектика», а приписываемые Феодору Раифскому логические статьи воспринимаются как не вполне систематическое извлечение или как сокращенная компиляция. И уж во всяком случае несостоятельным представляется нам утверждение о «заимствовании» Иоанном Дамаскиным «трактата» Феодора Раифского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г. СПб., 1880.
2. Маковельский А. О. История логики. М., 1967.
3. Попов П. С., Стяжкин Н. И. Развитие логических идей от античности до эпохи Возрождения. М., 1974.
4. [Горский А. В., Невоструев К. И.] Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. II, ч. 2. М., 1859.
5. Weiher E. Die Dialektik des Johannes von Damaskus in kirchenslavischer Übersetzung. Wiesbaden, 1969.
6. Пейчев Б. Философский трактат в Симеоновом Сборник. София, 1977.
7. Patrologia Graeca. Acc. J. — P. Migne. T. 91, 94, 101. Paris, 1860.
8. Elert W. Der Ausgang der altkirchlichen Christologie. Berlin, 1957.
9. Martini A., Bassi D. Catalogus codicum graecorum Bibliothecae Ambrosianae. T. 2. Mediolani, 1906.
10. Codices Vaticani graeci. T. II. Rec. R. Deureesse. Vaticano, 1937.
11. Richter G. Die Dialektik des Johannes von Damaskos. Eine Untersuchung der Textes nach seiner Quellen und seine Bedeutung. Ettal, 1964.
12. Weiher E. Altbulgarische, kirchenslavische und russische wissenschaftliche Literatur. — Anzeiger für slavische Philologie. Bd. II. Wiesbaden, 1967.

СТИХОТВОРЕНИЕ А. Э. ОДЫНЦА и А. МИЦКЕВИЧА «PANICZ I DZIEWCZYNA» НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Особенности некоторых русских переводов стихотворения «Panicz i dziewczyna» обусловлены необходимостью соответствия музыке Ст. Монюшко к польскому оригиналу и трудностью передачи на русском языке значения географического термина, имеющегося в польском тексте.

Первая часть стихотворения «Panicz i dziewczyna» принадлежит перу Антония Эдварда Одынца и была впервые опубликована в 1822 г. Целиком все три части стихотворения появились в 1826 г. в поэтическом сборнике Одынца с примечанием: «Ostatnie dwie strofy są pióra P. Adama Mickiewicza»¹.

Произведение двух поэтов было положено на музыку польским композитором Станиславом Монюшко. Песня «Panicz i dziewczyna» была впервые напечатана в Вильно в 1843 г. в первом «Домашнем песеннике» Монюшко [2]. Песни композитора со временем стали известны не только в польском, но и в российском музыкальном мире. О них с восхищением отзывался выдающийся русский музыкальный критик А. Н. Серов. «Для знающих польский язык романсы г. Монюшко — сокровище», — писал он [3, с. 544]. Серов считал, что музыка Монюшко заслуживает самой широкой известности и способствовал популяризации произведений композитора своими восторженными отзывами о них в печати. Одну из причин сравнительно небольшой популярности песен и романсов Монюшко в России А. Н. Серов видел в том, что тексты к ним были на польском языке: «В отношении вокальных вещей г. Монюшко ... есть еще препятствие для распространения их в кругу русской публики — а именно: польский текст. Композитор может устранить это препятствие новым изданием своей музыки с переводом слов на русский, о чем он уже и старается...» [3, с. 544]. Благодаря хлопотам Монюшко [4], сборники его песен, начиная с 70-х годов XIX в. стали публиковаться с текстами на русском языке, и в течение тридцати лет переиздавались известнейшими музыкальными издательскими фирмами (среди них Битнер, Бернард, Бессель, Юргенсон). Как и многие другие песни Монюшко на стихи известных поэтов, выпла на русском языке и песня «Panicz i dziewczyna». Она была издана в Москве П. Юргенсоном в 1898 г. под названием «Барчук и девушка». К сожалению, неизвестен автор перевода, так как его имя не указано в юргенсоновском издании², а без нот этот перевод не издавался [5, с. 17—18; 6]. Неизвестный переводчик стремился создать стихи, которые ложились бы на музыку Монюшко, т. е. при работе над переводом он чувствовал себя менее свободно, нежели переводчики стихотворения «Panicz i dziewczyna», ориентировавшиеся только на текст оригинала. Отсюда характерная особенность перевода «Барчука и девушки»: слова рассказчика, от лица которого ведется повествование,

¹ Подробные сведения об истории опубликования стихотворения «Panicz i dziewczyna» см. [1].

² Информация об отсутствии фамилии переводчика в издании песни С. Монюшко «Барчук и девушка» 1898 г. получена из отдела нотных изданий Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, так как в крупнейших нотных библиотеках Москвы это произведение отсутствует, а ГБЛ располагает лишь дефектным экземпляром без титульного листа.

слова барчука и слова девушки расположены в переводе в том же порядке и занимают то же количество стихов, что и в оригинале. Исключение составляет лишь 10 стих: в оригинале это слова барчука («Dziś na te dąbrowy»), а в переводе — слова рассказчика («К ней он обратился»). Впрочем, это единственное исключение не препятствует пению на русском языке.

Безотносительно к музыке стихотворение «Panicz i dziewczyna» переводили на русский язык такие известные переводчики произведений А. Мицкевича, как Н. Берг (его перевод называется «Парень и девушка» [7]), Л. Мей и В. Бенедиктов (название их совместного перевода «Молодой пан и поселанка» [8]), а также А. Арсеньев («В лесу» [9]), А. Иванов-Классик («Сияет ярко солнце с лазурной высоты...» [10]), И. Толмачев («Встреча» [11]), Омудевский, он же И. В. Федоров («Барин и крестьянка» [12]). В советское время стихотворение переведено М. Голодным («Пан и поселанка» [13]). Переводы Арсеньева, Толмачева, Омудевского, Голодного, как и оригинал, имеют по 6 слогов в стихе и состоят из 23 четверостиший каждое, поэтому их можно петь на музыку Монюшко, причем перевод Омудевского подходит для пения больше других и даже больше упомянутого перевода неизвестного автора, так как слова панича, девушки и рассказчика размещены Омудевским в том же порядке и занимают такое же количество стихов, как и в оригинале. В переводах Арсеньева, Толмачева и Голодного есть в этом отношении небольшие отступления от оригинала, которые, однако, не препятствуют пению. Вряд ли основной целью упомянутых авторов был перевод «Panicza i dziewczyny» — песни, а не стихотворения, но не исключено, что они могли ориентироваться на музыку Монюшко. Явно не соотносил свой перевод с музыкой Н. В. Берг: при пении его перевода музыкальные фразы Монюшко, рассчитанные на голос панича, приходится на слова девушки; перевод состоит из 19 четверостиший, вместо 23 и т. п. ... Еще меньшее отношение к музыке имеют варианты Мей и Бенедиктова и Иванова-Классика, так как их стихотворные размеры не укладываются в музыкальные рамки Монюшко, т. е. эти поэты переводили именно стихотворение «Panicz i dziewczyna», а не песню.

В каждом из восьми имеющихся в нашем распоряжении переводов стихотворения польских поэтов больше достоинств, чем недостатков. Перевод «Panicza i dziewczyny» не представлял особой трудности для русских переводчиков: стихотворение просто по содержанию и языку. Единственным камнем преткновения для русских переводчиков стало слово *ronik* («Siędę i z ronika pragnienie ugaszę»). *Ronik* — это маленькая речка, ручеек или источник, текущий местами под землей, местами по поверхности земли [14—15]. Только в трех переводах из восьми слово *ronik* переведено: «Сам водицы хоть немного / Выпью: тут источник есть» (Мей и Бенедиктов); «Освежусь с устатку / Влагой ключевой» (Арсеньев); «Из ключа водицы / Набери мне звонкой» (Голодный). Иванов-Классик опустил его («Так дай же хоть водицы»), у Берга панич вовсе не высказывает желания выпить воды, а в переводах Омудевского, Толмачева и анонима панич говорит то, чего нет в оригинале: «Сяду и из сумки / Подкреплю я силы» (Омудевский); «Слезу, отдохну я / В зелени-муравке» (Толмачев); «Лучше отдохну я / Здесь в тени дубравки» (аноним). Чем можно объяснить замену слова *ronik* тремя последними переводчиками на «тень дубравки», «зелень-муравку» и «сумку»? Вполне вероятно, что значение этого редко встречающегося слова не было им известно.

Итак, мы располагаем восемью переводами³ стихотворения «Panicz i dziewczyna», которое попало на русскую почву в двух формах: в виде песни⁴ и в виде стихотворения. Точнее было бы сказать, что переводов

³ В [5, с. 18] указан анонимный отрывок из перевода «Panicza i dziewczyny», названный по первой строчке: «Девушка в лесочке ягоды собирает...». Это не еще один оригинальный перевод, а отрывок из перевода А. Арсеньева. Ср. [9 и 16].

⁴ О других произведениях Мицкевича, ставших известными в России благодаря музыке к ним польских и русских композиторов, см. [17].

существует не менее восьми, так как новые могут быть еще не известны, а старые могли ускользнуть от внимания составителей библиографических справочников. Из всех перечисленных переводов меньше других известен вариант «Барчук и девушка» анонимного автора, издававшийся только с нотами, в то время как остальные переводы печатались в журналах и сборниках стихотворений, поэтому текст этого перевода мы приводим здесь целиком.

БАРЧУК И ДЕВУШКА

Во лесу зеленом
Девушка гуляет,
К ней красавец барин
Ловко подъезжает.

Вот он поклонился
И с коня слезает,
Она покраснела,
Очи опускает.

«Милая красotka!—
К ней он обратился,—
В лесу на охоте
Здесь я заблудился.

И не знаю сам я,
Где тут деревушка.
Укажи дорогу,
Милая пастушка!

Скоро лес минует,
Луг зазеленеет?»—
«Тут уж недалеко,
Пан домой поспеет.

Вот за этим дубом
Вьется там дорожка,
Так по ней проехать
Надобно немножко.

А потом на мостик
Что над малой речкой,
А за речкой прямо
Видно уж местечко».

И, сказав спасибо,
Барин обнимает
Девушку, целует,
Быстро уезжает.

Вот уж он далеко
Меж дерев мелькает,
Девушка вздохнула,
А о чем, кто знает?

Во лесу зеленом
Девушка гуляет,
К ней красавец барин
Ловко подъезжает.

Кличет издалека:
«Что ж ты мне сказала,
Что же за дорожку
Ты мне показала?

Ни мостка на речке,
Нету даже брода,
Нет ни переезда,
Нет ни перехода!» —

«Есть еще дорога
Там вон за горою.
Поезжайте, барин,
Тою стороною!»

И помчался барин,
Девушка вздохнула.
О, теперь я знаю
Что ее кольнуло.

Во лесу зеленом
Девушка гуляет,
К ней красавец барин
Ловко подъезжает.

И он снова кличет:
«Скажи, ради бога!
Я в овраг заехал,
Где ж твоя дорога?

Знать никто не ездит
Этими местами,
Разве только редко
Парни за дровами.

Целый день с охотой
Езжу, заблудился,
Конь уж мой измучен,
Сам я утомился.

Лучше отдохну я
Здесь в тени дубравки,
А коня стреножу
Пусть пощиплет травки!»

Барин наклонился
И с коня слезает,
Девушка краснеет,
Очи опускает.

Он подходит смело,
А она немеет,
Он ей что-то шепчет,
Девушка вся млеет.

Что за речи вел он,
Я не знаю право:
Их отнес далеко
Ветерок лукавый.

Но шепнул лишь ветер,
Сжалившись немножко,
Что не вел он речи
Больше о дорожке [18].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Mickiewicz A.* Dzieła wszystkie. T. I, cz. I. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdąnsk, 1971, s. 310—311.
2. *Rudziński W.* Stanisław Moniuszko. Studia i materiały. Cz. I. Warszawa, 1955, s. 101.
3. *Серов А. Н.* Избранные статьи. Т. 2. М., 1957.
4. *Рудзинский В.* Монюшко и его связи с русской культурой. — В кн.: Русско-польские музыкальные связи. М., 1964.
5. Библиография русских переводов А. Мицкевича. Сост. В. Н. Стефанович, И. Л. Курант. М., 1956.
6. Адам Мицкевич в русской печати 1825—1955. Библиографические материалы. М., 1957.
7. *Берг Н. В.* Переводы и подражания. СПб., 1860, с. 262.
8. *Мицкевич А.* Собр. соч. в 5 томах. Т. I. СПб.— М, 1882, с. 106—109.
9. Будильник, 1878, № 39, с. 549.
10. *Иванов-Классик А. Ф.* Стихотворения. СПб., 1891, с. 123—124.
11. Живописное обозрение, 1893, т. II, № 39, с. 242.
12. *Оммулевский.* Полн. собр. соч. Т. 2. СПб., 1906, с. 146—148.
13. *Мицкевич А.* Собр. соч. Т. I. М., 1948, с. 441—443.
14. *Karłowicz J., Kryński A., Niedzwiecki W.* Słownik języka polskiego. Warszawa, 1952.
15. Mały słownik języka polskiego, Warszawa, 1968.
16. Звезда, 1898, № 29, с. 12.
17. *Бэлза И. Ф.* Мицкевич и музыка. — В кн.: Литература славянских народов. Вып. I, Адам Мицкевич. К 100-летию со дня смерти. М., 1956.
18. Ромасы и песни. Муз. С. Монюшко, серия IV, № 40, «Барчук и девушка» (Гол. с ф-п). М., 1898.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ТРЕХТОМНИК ФОЛЬКЛОРИСТИЧЕСКИХ РАБОТ Ю. КШИЖАНОВСКОГО

Имя польского литературоведа, историка культуры и фольклориста профессора Юлиана Кшижановского * (1892—1976) хорошо известно далеко за пределами Польши. Рано начав научную деятельность (его первая статья появилась в 1913 г.), Кшижановский затем на протяжении более 60-ти лет интенсивно и увлеченно работал над проблемами истории средневековой польской литературы взаимосвязи литературы и фольклора, становления отечественной фольклористики, наконец, много внимания уделял специальным разысканиям в области польской фольклористики. Им самим или при его активном участии были созданы фундаментальные труды, значение которых для развития современной науки о фольклоре трудно переоценить: это — двухтомный Систематический указатель польских народных сказок [1], «Словарь польского фольклора» [2], «История польской фольклористики» [3], сборник пословиц в трех томах с ценными историческими комментариями, выдержавший уже три переиздания (последнее — в 1975 г.) [4].

Рецензируемый трехтомник «Фольклористических очерков» [5] представляет собой сборник статей, очерков, докладов и выступлений, рецензий Ю. Кшижановского, написанных им за период 1933—1975 гг. Отбор их для включения в «Очерки» произвел сам автор. Среди них есть проблемные научные статьи, публиковавшиеся ранее на страницах специальных журналов, предисловия к переизданиям фольклорных сборников, ряд очерков, написанных для «Истории польской фольклористики», некоторые статьи, касающиеся характеристики отдельных фольклорных жанров, доклады, прочитанные на Международных съездах славистов, рецензии на фольклористические издания, статьи, публикуемые впервые. Подобранные таким образом материалы

удачно дополняют крупные исследования польского ученого и вместе с ними создают цельное представление о путях поиска, направлении и достижениях его научной фольклористической деятельности.

Основное содержание первого тома «Очерков» — «Из теории и истории фольклористики» — разработка вопросов становления и развития польской фольклористики от зарождения фольклорного собирательства (начало XIX в.) вплоть до достижений науки о фольклоре в Народной Польше (итоговая статья «Двадцатилетие польской фольклористики»). Сюда вошли очерки, написанные для «Истории польской фольклористики» («Фольклор и идеология в творчестве Великой Эмиграции», «Польская фольклористика периода романтизма и ее связи с Петербургом и Киевом»), а также многочисленные вступительные статьи и предисловия к фольклорным сборникам, в которых подробно характеризуется собирательская и научная деятельность таких фольклористов, как З. Доленга-Ходаковский, Ю. Ломпа, К. Вуйчицкий, О. Кольберг, З. Глогер, М. Федеровский и др. Большой интерес представляют статьи, посвященные польско-славянским, польско-венгерским и иным фольклорным связям, в которых формулируется тезис о необходимости сравнительно-исторических исследований в области фольклора соседствующих друг с другом народов (статья «Славянская народная словесность») [5, т. 1, с. 79].

В меньшей степени отражаются в статьях 1-го тома теоретические фольклорные разыскания Кшижановского. Здесь необходимо отметить особое внимание автора к основополагающему — с его точки зрения — принципу фольклорных исследований, сформулированному им впервые в 1936 г. и актуальному в системе его теоретико-методологических устано-

вок до последних дней. Речь идет о тенденции выделения фольклористики из сферы традиционно понимаемой этнографии и включения ее в круг чисто литературоведческих дисциплин. Кшижановский исходит из убеждения, что хотя устное народное творчество и имеет ряд специфических особенностей, отличающих его от литературы (устность, вариативность, коллективное авторство и проч.), однако эти различия не являются достаточным основанием для отрыва фольклористики от сферы литературоведческих исследований и включения ее в область этнологии (статья «Фольклористика в орбите литературоведения») [5, т. 1, с. 54—55]. Такая позиция ученого определялась в значительной степени особенностями эволюции его научных интересов: фольклористика Кшижановского формировалась в сфере категорий и исследовательских методов литературоведения. Начав с изучения старопольской литературы, он естественно подошел к решению вопроса о взаимодействии творчества польских писателей с произведениями отечественного фольклора и много внимания уделил в свое время выяснению характера этого взаимодействия [6—8]. («Параллели» — 1935 г., «Народность в творчестве Кохановского» — 1953 г., «Народность у Мицкевича» — 1958 г. и др. труды). «Литература и фольклор», — писал он в „Параллелях“, — сливаются воедино, перекрещиваются, взаимно проникают одно в другое и создают общую основу, из которой вырастает национальная литература... В теоретическом аспекте литературу от фольклора невозможно отделить, ибо это ветви, отросшие от единого материнского пня» [6, с. 23—24].

Эти взгляды польского ученого нашли свое отражение в большинстве статей теоретической части 1-го тома «Очерков». Надо сказать, что в современной фольклористике можно отметить обратную тенденцию все более последовательного отхода от литературоведения и сближения методов фольклорных исследований с языкознанием, семиотикой, этнографией. Однако следует помнить, что изначальной целевой установкой Кшижановского было показать, как явления фольклора функционируют в системе литературоведческих категорий, раскрыть историю процесса вовлечения фольклорных мотивов в круг ценностей национальной культуры.

Во 2-й том «Очерков» вошли работы, посвященные изучению конкретных фольклорных жанров — песен, сказок, преданий. Песенная традиция интересо-

вала Кшижановского прежде всего в разновидностях так называемых «популярных», мещанских, ярмарочных форм, которые до него не привлекали к себе внимания фольклористов, для Кшижановского же были выразительным материалом, раскрывающим тесную связь литературы и широко бытующего песенного фольклора. Ряд статей этого раздела был написан специально для «Словаря польского фольклора» («Светская народная песня», «Популярные песни»). К песням такого рода он справедливо относил и чрезвычайно популярные в крестьянской среде польские коленды, заимствованные некогда из средневековых церковных кантычек, а также песни странствующих певцов.

Внимание к славянскому народному творчеству проявилось в интересных статьях о русских былинах, о полемике вокруг «Слова о полку Игореве», о южнославянском народном эпосе.

Второй раздел 2-го тома — более значительный по объему — посвящен сказковедению. Этому направлению своих фольклористических исследований Кшижановский придавал особое значение. Сказочная фольклорная традиция интересовала его на протяжении всей долгой и плодотворной научной жизни. Будучи хорошо осведомленным в области достижений европейского сказковедения, Кшижановский рано осознал острую необходимость систематизации славянского сказочного материала, который долгое время был плохо известен западноевропейским ученым и не мог быть в полной мере учтен при составлении общеевропейских сказочных каталогов. Более 25 лет кропотливого труда понадобилось для составления «Систематического указателя польских народных сказок» [1], который в настоящее время признан лучшим из европейских каталогов вообще и наиболее авторитетным по охвату польского материала [9]. Ученый обработал около 5800 вариантов сказочных текстов. К тому же их приходилось выискивать в огромном количестве печатных изданий, в периодике, в архивах, так как польская фольклористика не располагала к тому времени таким представительным собранием сказок, как издание А. Н. Афанасьева в России или братьев Гримм — в Германии. В процессе этой сложной многолетней работы Кшижановский столкнулся с рядом методологических трудностей, которые ему приходилось решать в ходе систематизации материала.

Разработка вопросов о принципах классификации сказочных сюжетов, мотивов

и их вариантов, учет традиционных контаминаций, выявление национальных особенностей польского материала и сопоставление его со сказочным репертуаром славянских народов — таков круг проблем, содержащийся в работах 2-го тома «Очерков», посвященных сказке. Сюда вошли вступительные статьи к разного рода изданиям сборников сказок и ряд рецензий, доклад о систематизации польских сказок, написанный к V Международному съезду славистов, очерк о жанровых особенностях народной сказки, включенный в свое время в «Словарь польского фольклора», наконец, работы, в которых раскрывается характеристика региональных отличий гуральских, мазурских, шленских, кашубских и других польских сказок.

Со второй половины 50-х годов фольклористические интересы Ю. Кшижановского распространяются на исследования в области паремииологии. В процессе подготовки нового 4-томного издания польских пословиц, в основу которого положен сборник С. Адальберга [10], рождается целая серия паремииологических статей и замысел создать подробный исторический комментарий к неясным и устаревшим формам пословиц и устойчивых фразеологических выражений [4]. Этому кругу вопросов посвящен 3-й том «Очерков». Основное содержание включенных сюда статей — это исследования, касающиеся происхождения, структуры и функции пословиц. Автор пытается выяснить источники — исторические, литературные, фольклорные и др. — устойчивых пословичных выражений, устанавливает их связи с профессиональным жаргоном, со стихией популярных песен, с библейской тематикой, со многими жанрами средневековой литературы. Настоячиво подчеркивается мысль об огромном значении литературы в происхождении пословиц. В круг пословичных выражений Кшижановский включал афоризмы, общеупотребительные цитаты и сентенции, народные календарные приметы, сами пословицы и поговорки. Эти выражения, по его мнению, в силу ряда специфических черт (аллегоричность, образность, дидактизм, устойчивость формы и проч.) можно признать кратчайшими литературными произведениями.

Ряд статей 3-го тома посвящен собирательской и научной деятельности польских паремииологов: С. Быстроны, С. Адальберга, С. Рышинского и др.

Таким образом, «Фольклористические очерки» отражают в той или иной степени

все основные направления фольклористических исследований польского ученого и вместе с тем являют собой наглядную историю формирования и развития современной польской фольклористики, основателем и организатором которой Кшижановский заслуженно считается. Именно по его инициативе в послевоенное время в Институте литературных исследований ПАН был создан Сектор фольклора, а с 1957 г. начал выходить специальный журнал «Народная словесность» («Literatura ludowa»). Ю. Кшижановский был прекрасным педагогом, он воспитал несколько поколений учеников, которым сумел привить бесценное для ученого качество — стремление овладеть фольклорным материалом путем его систематизации, упорядочения, каталогизации, детального описания, — и лишь затем переходить к постановке исследовательских теоретических и историко-генетических проблем.

Стремясь поставить изучение фольклора в Народной Польше на прочную научную основу, Кшижановский еще в 1947 г. наметил перспективную программу организации фольклорных исследований. Он писал: «...так сложилось в нашей культуре, что отношение между тем, что говорится о фольклоре, обратно пропорционально тому, что в действительности о нем знают... Многими вопросами в этой области занимались крайне не профессионально, без специальной фольклористической подготовки... Пришло время начать их разработку на новом научном уровне» [5, т. 1, с. 41]. Прежде всего он считал необходимым провести инвентаризацию существующих текстов, заняться упорядочением архивов, составлением указателей, библиографий, осуществить переиздания старых фольклорных сборников, призывал начать работу по систематизации фольклорных жанров, важной задачей признавал создание специального фольклорного журнала. В настоящее время можно с уверенностью сказать, что большая часть этих грандиозных планов была осуществлена в Польше по инициативе, под руководством и при непосредственном участии заслуженного ученого профессора Юлиана Кшижановского.

Посмертное издание трех томов его «Фольклористических очерков» представляет интерес не только для фольклористов, но и для литературоведов, этнографов, историков культуры, а также для специалистов самого широкого профиля в области славистики.

Виноградова Л. Н.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Krzyżanowski J.* Polska bajka ludowa w układzie systematycznym. T. 1—2, Wrocław—Warszawa—Kraków, 1962—1963.
2. *Słownik folkloru polskiego.* (Pod red. J. Krzyżanowskiego.) Warszawa, 1965.
3. *Dzieje folklorystyki polskiej. 1800—1863. Epoka przedkolbergowska.* (Pod red. H. Kapeluś i J. Krzyżanowskiego.) Wrocław, 1970.
4. *Krzyżanowski J.* Mądrzej głowie dość dwie słowie. Pięć centurij przysłów polskich i diabelski tuzin. Warszawa, 1975.
5. *Krzyżanowski J.* Szkice folklorystyczne. T. 1 — Z teorii i dziejów folkloru; t. 2 — W kręgu pieśni. W krainie bajki;

- t. 3 — Wokół legendy i zagadki. Kraków, 1980.
6. *Krzyżanowski J.* Paralele. Studia porównawcze z pogranicza literatury i folkloru. Warszawa, 1935.
7. *Krzyżanowski J.* Poeta żywy. Rzecz o Janie Kochanowskim. Warszawa, 1953.
8. *Krzyżanowski J.* Ludowość u Mickiewicza. Warszawa, 1958.
9. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979, с. 11.
10. Nowa księga przysłów i wyrażení przysłowiowych polskich. (Pod red. J. Krzyżanowskiego), t. 1—4. Warszawa, 1969—1980.

КНИГА О КУЛЬТУРЕ ЧЕШСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Ленинградским отделением издательства «Наука» в серии «Из истории мировой культуры» выпущена в свет новая работа, посвященная культуре Чешских земель эпохи национального Возрождения [1]. Автор книги А. С. Мыльников ранее опубликовал и ввел в научный обиход много ценных материалов по истории и истории общественно-культурной мысли Чешских земель XVIII—XIX вв. [2—6]. Логичным продолжением и результатом новых исследований явилась книга о культуре чешского национального Возрождения — одной из наиболее значительных и ярких глав в истории чешского народа, его социально-экономического и культурного развития периода кризиса феодализма и развития капиталистических отношений, формирования чешской нации, национальной чешской культуры.

Прекрасно осознавая многоплановость и сложность предмета исследования, автор стремится дать в работе по возможности полную картину культурного развития Чешских земель в конце XVIII — первой половине XIX в., хотя и оговаривается, что не ставит перед собой задачу «всестороннего, целостного освещения истории чешской культуры эпохи национального Возрождения» (с. 6). Книга предназначена для широкого круга читателей, не всегда достаточно знакомых с проблематикой чешской культуры как своеобразного феномена. Это и обусловило методологические принципы работы.

А. С. Мыльников сознательно стремился дать читателям разнообразные сведения не только об эпохе чешского национального Возрождения, тех общественно-политических условиях, в которых

протекал процесс формирования новой чешской культуры, но и познакомить с лучшими произведениями деятелей чешского искусства и науки этого времени. Научно-популярный характер издания отнюдь не означает в данном случае отказ от высокого научного уровня книги, от требовательности автора к себе и к своей работе. А. С. Мыльников опирается на новейшие труды советских и чехословацких исследователей и на результаты собственных изысканий, вводит в научный обиход ряд ранее не известных материалов, широко использует рукописные, архивные источники, материалы институтов, музеев и библиотек Советского Союза и ЧССР.

А. С. Мыльников избрал хронологический принцип построения книги. Четыре главы соответствуют основным периодам развития чешской культуры эпохи национального Возрождения, что одновременно отвечает и объективным критериям периодизации истории Чехии. Автор справедливо обосновывает необходимость предварительного определения социально-экономического, политического и духовного содержания эпохи, а также уточнения понятия «культура», соединяя свою конкретную задачу — показать особенности культурного развития эпохи национального Возрождения — с более общими проблемами истории культуры. Отметим здесь интересные наблюдения, касающиеся исторической типологии культуры, личности и стиля культуры. Далее автор рассматривает круг вопросов, составляющих основное содержание книги: «Как отразила социальный и духовный облик Чешских земель эпохи национального Возрождения культура, каковы были ее общественная роль,

пути и особенности ее развития и функционирования, в чем заключалась идейная и эстетическая ценность чешской культуры того периода» (с. 32).

Глава II — «У истоков нового видения мира» — хронологически охватывает эпоху чешского Просвещения — начальную фазу национального Возрождения. Четко дифференцируя и характеризуя отдельные этапы Просвещения, автор стремится выявить концепцию национально-просветительской мысли на каждом этапе, проследить поиски новых путей национального культурного развития в разных областях культуры. Особое внимание А. С. Мыльников уделяет сложности и неоднозначности процессов, происходящих в чешской культуре этого времени, своеобразной многослойности сосуществовавших разносторонних тенденций. В небольшой главе о чешском Просвещении проявляется способность автора создавать емкую картину эпохи, включающую и анализ социально-экономических и идеологических предпосылок культурного развития, и сопоставление различных видов искусства, и исследование их художественных особенностей.

Период с начала 1790-х годов и первая четверть XIX в. охарактеризован автором как этап «перегрупуировки и собирания сил». Эволюция правительственного курса в сторону реакции направляла внимание общественной мысли на общеславянские аспекты чешской культуры. Автор убедительно показывает, что идея славянской взаимности не только активно содействовала развитию чешской культуры и науки, но стала в 20-е годы XIX в. одним из существенных факторов в борьбе чешского народа за самосохранение, против национального бесправия.

А. С. Мыльников знакомит читателя с культурно-языковой программой Й. Юнгмана, определявшей развитие всей чешской культуры первой четверти XIX в., когда идеи просветительского типа сменялись выработкой концепций «национальной идеологии».

Завершающий период истории чешской культуры эпохи национального Возрождения — 30—40-е годы XIX в. (глава «Восхождение») А. С. Мыльников характеризует как качественно новый этап в развитии национально-освободительного движения, самой культуры, что нашло выражение, прежде всего, в создании романтической поэзии, реалистической прозы, жанровом и тематическом многообразии чешской художественной литературы, в том числе драматургии,

зарождении политической сатиры, появлении в разных сферах культуры капитальных, обобщающих произведений, проникнутых духом патриотизма. Все это свидетельствовало, по мнению автора, о зрелости национальной культуры, соответствовало общественно-культурным тенденциям в Чешских землях на завершающем этапе национального Возрождения, когда чешская культура включается в магистральный поток европейского культурного процесса как ее составное самостоятельное явление.

Стремясь показать по возможности все аспекты богатой чешской культуры на этапе ее становления и бурного развития, автор старается соблюдать единство при анализе главных проблем, составляющих предмет исследования. Он не выделяет в особые разделы анализ художественных произведений, не рассматривает их изолированно ни от процессов в самой чешской культуре, ни от теоретических вопросов. Это способствует внутренней уравновешенности работы и полноте охвата темы.

Через все разделы книги проходит мысль о том, что в Чешских землях в эпоху национального Возрождения именно средствами культуры решались общедемократические задачи национального движения, что являлось одной из причин единства разных форм культурной деятельности.

В работе уделяется большое место русско-чешским культурным контактам, что дает возможность автору полнее осветить процесс формирования чешской национальной культуры, глубже понять идеологическое и культурное взаимодействие обоих народов в конце XVIII — первой половине XIX в.

Одной из главных в книге является проблема профессионального и народного творчества, в той или иной мере освещаемая во всех разделах работы. Это оправдано особым историческим значением народного творчества в художественной жизни Чешских земель этого периода, когда оно являлось важнейшим слагаемым формирующейся национальной художественной культуры.

Автором учитывается такое важное явление как синкретизм, характерное прежде всего для культурной жизни народов, переживших в результате длительного иноземного гнета существенное ослабление отечественной культуры, а затем как бы возрождавших активность национального творчества.

Комплексный подход к рассмотрению

материала, стремление к выявлению связей между отдельными видами искусства, попытки показать национальное своеобразие художественных процессов в их неразрывности с общественным процессом является безусловным достоинством новой работы А. С. Мыльников.

Вместе с тем, как всякая интересная книга, эта работа содержит и дискуссионные положения. Прежде всего, в названии работы следовало включить слово «национальное», сохранив термин «чешское национальное Возрождение», принятый в советской славистике. Думается, требует уточнения предложенная в книге периодизация истории чешской культуры первой половины XIX в. О некоторых важных завоеваниях чешской художественной культуры иногда говорится вскользь, например, о любительском театральном движении, сыгравшем значительную роль в истории чешской культуры всего XIX в., о рождении программы демократической литературы (К. Сабина) и др. Не совсем правомерное место уделяется культуре барокко на этапе чешского Просвещения.

Автор справедливо подчеркивает преемственность и связь чешской культуры конца XVIII — начала XIX в. с культурой добелогорского периода, высказывает интересные мысли о едином поступатель-

ном процессе, об истоках чешского национального Возрождения. Жаль, что в работе не нашли достаточного освещения традиции культуры эпохи национального Возрождения в культурной жизни современной Чехословакии.

К несомненным достоинствам книги, обогащающей наше представление об эпохе чешского национального Возрождения и ее культуре, относится то, что она написана увлекательно и доступно, на высоком методологическом уровне и дает импульс для дальнейшего исследования этой проблематики.

Тимова Л. Н.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мыльников А. С. Культура чешского Возрождения. Л., 1982, 166 с.
2. Мыльников А. С. Павел Шафарик, выдающийся ученый-славист. М. — Л., 1963.
3. Мыльников А. С. Чешская книга: очерки истории. Книга. Культура. Общество. М., 1974.
4. Мыльников А. С. Йозеф Юнгман и его время. М., 1973.
5. Mylnikov A. Vznik národně osvícenské ideologie v Českých zemích XVIII. st. Praha, 1974.
6. Мыльников А. С. Эпоха Просвещения в Чешских землях. Идеология, национальное самосознание, культура. М., 1977.

Фашизм и антидемократические режимы в Европе. Начало 20-х годов — 1945 г. М., 1981, 190 с.

Коллективный труд, авторы которого исследуют диктаторские режимы в Европе периода между двумя мировыми войнами, — новое серьезное достижение марксистской историографии фашизма. В книге представлены работы советских и польских историков.

В сборнике содержатся новые оценки историографии фашизма. В нем отвергается антикоммунистический тезис о том, будто причиной возникновения фашизма была только психологическая дезориентация населения после первой мировой войны. Одни буржуазные исследователи, субъективно определяя общие признаки фашизма, создают произвольные классификации, в которых с легкостью смешивают существенные и несущественные признаки, другие стремятся к абсолютизации фашизма как национального явления, пренебрегая, а часто и полностью отрицая его общие черты и особенности (с. 10—11).

Предлагаемая в сборнике периодизация польской историографии фашизма, по нашему мнению, применима и к другим европейским странам, вступившим на путь социализма в 40-е годы. Намечены три этапа. На первом (конец второй мировой войны — начало 50-х годов) в понятия «фашизм» и «борьба против фашизма» вкладывался прежде всего политический смысл. На втором этапе, охватывающем 50-е и большую часть 60-х годов, понятие «фашизм» употреблялось очень широко и применительно ко всем диктаторским режимам рассматриваемого времени без специального исследования конкретных вариантов. С конца 60-х годов начали появляться конкретные разработки и преодолевался неизбежный ранее схематизм общих формул (с. 65—66).

Важное значение в материалах сборника имеет постановка вопроса о типологии «классического» фашизма, проявившего себя в Германии и Италии. В этом

плане очень интересна мысль о том, что наиболее благоприятные условия для прихода фашистов к власти в Германии и Италии возникли в связи с их сравнительно поздним вступлением на путь капитализма, быстрой ломкой старых социально-экономических структур и обострением классовой борьбы (с. 12). Значительную ценность представляет также наблюдение, что фашизм в Германии и Италии хотя и пришел к власти формально законным путем, не располагал там достаточным влиянием, чтобы добиться этого без поддержки других буржуазных политических кругов (с. 23—25).

В книге отмечены важные черты фашистской политической системы. Объяснение успехов фашизма на этапе его утверждения нельзя искать только в терроре, но прежде всего в том, что фашисты сумели ввести в заблуждение определенные слои населения и использовать массовое движение в антинародных целях (с. 12—13). К этому мы хотим добавить, что успехам фашизма способствовало умелое использование им противоречий между старыми формами буржуазного государства и новыми потребностями монополистического капитализма!

Образование фашистами партий особого типа с разветвленным организационным аппаратом, военизацией и крепкой партийной дисциплиной создавало у рядовых членов иллюзию их личного участия в «обновлении» общества. Изучение методов создания и функционирования фашистских партий составляет одно из важных направлений познания фашизма. Связи между фашистским режимом и крупным капиталом не были ни буквальными, ни автоматическими, иногда между фашизмом и крупным капиталом возникали и противоречия (с. 13).

В книге обращается внимание на такие черты фашистской системы, как культ насилия и апофеоз войны, пропаганду идеи «объективного врага», подлежащего только уничтожению (с. 21—22). Вопреки характерной для ряда западных исследователей абсолютизации роли «вождя» и «персоналистическому» толкованию фашизма, указывается на то, что при формировании культа «вождя» фашистами был использован доведенный до абсурда католический тезис о «непогрешимости папы», а также образец военной иерархии, воплощенный в прусской армии (с. 25—26). Особенностью фашистского террора была система устрашения, созданная из мер внесудебного преследования и всеобщей ответственности при

отсутствии каких-либо гарантий защиты (с. 26—27).

Большой интерес представляют сообщения о фашистском национализме. При этом подчеркивается, что в идеологической сфере фашисты широко использовали национализм для освобождения себя от всех сдерживающих начал морального порядка и оправдания своих преступлений «интересами нации». Идея нации лежала в основе политической программы фашизма. С ее помощью отвергалось наличие классовых противоречий в обществе, абсолютизировалась роль государства как «носителя национального духа», отрицался либерализм, обосновывалась антидемократическая линия и программа внешней экспансии (с. 30—32). Особого внимания заслуживает положение, что после прихода фашистов к власти в Германии возникло противоречие между национальным началом и линией на «универсализацию римского опыта», которой придерживалось фашистское руководство Италии (с. 34—36). Исследование этого противоречия вскрывает существенную и важную особенность фашизма — он чаще всего проявлялся как политическая практика, как действующая власть, причем черты и особенности фашистских режимов были в большой степени обусловлены традициями собственной¹ страны, тесно связаны с ними. Интерес вызывает также мнение о том, что настала пора освободиться от весьма стилизованного представления о «фашисте, фанатично преданном фашистской идее», так как последней вообще не существовало, как чего-то самостоятельного и конкретно определенного (с. 36).

Получили отражение в книге и проблемы государственно-правовой системы фашизма. Фашизм обычно утверждал свою власть без ликвидации прежней конституции, но дополнял ее законами о чрезвычайных полномочиях правительства, ликвидирующих или ограничивающих права парламента. Таким образом, подрывалась буржуазная парламентская демократия, уступавшая место исполнительной власти, руководимой фашистской партией (с. 24). Обстоятельно представлен процесс создания правовой системы фашизма (с. 38—43).

Специально следует сказать о некоторых оценках, касающихся развития политической системы итальянского фашизма, сделанных на основе сравнения положения в Италии и Германии. Итальянский фашизм достиг гораздо меньшей степени концентрации власти, чем гер-

манский, итальянская фашистская партия не сумела полностью подчинить себе милитаристскую верхушку и ликвидировать монархию. Влияние идеологии и организационной структуры [фашистской партии на гражданское общество было в Италии также меньшим, чем в Германии. Весьма важной особенностью было и медленное оформление итальянского фашизма как государственного режима на протяжении 1922—1929 гг. Придя к власти, итальянские фашисты по сути дела не имели сколько-нибудь законченной программы политической и административной реформы государства (с. 15—16).

В книге сделан серьезный шаг вперед в разработке типологии недемократических режимов, существовавших в Европе между двумя мировыми войнами. Разграничены фашистские режимы Германии, Италии и Испании, с одной стороны, и диктаторские режимы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы — с другой. Одни авторы говорят о наличии двух типов систем: фашистских (или тоталитарных) и авторитарных, подчеркивая, что авторитарные системы стремились приблизиться к фашистской модели. Другие рассматривают фашизм как развивающийся феномен, считая, что в капиталистической Европе в период между двумя мировыми войнами происходил интенсивный процесс фашизации политических систем, причем в разных странах была достигнута различная степень фашизации.

В марксистской историографии сделано уже многое для разработки типологии и классификации фашистских режимов. Для нас ясны некоторые основные моменты процесса фашизации, различным образом проявившиеся в отдельных странах и регионах. Особенно важно иметь в виду известную региональную общность в развитии данного процесса. С этой точки зрения заслуживает внимания тезис, что для определения политических систем региона Центральной и Юго-Восточной Европы не хватает еще многих элементов. Было бы неточным называть их фашистскими; применяющееся сейчас название «авторитарные» режимы является более удачным (с. 80—81).

На наш взгляд, более гибкий и обобщающий характер имеет концепция, согласно которой процесс фашизации в Европе в период между мировыми войнами следует рассматривать как единый процесс, в разной степени проявившийся в каждой стране. В этом случае учитывается как различие между режимами в

Германии, Италии и Испании, с одной стороны, и, скажем, в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, с другой стороны, так и общие характерные их черты. При разграничении же режимов на тоталитарные и авторитарные акцент делается прежде всего на различие между ними. Эта концепция позволяет также лучше учитывать близость и сходство процессов фашизации в 20-е годы в таких странах, как Италия, Испания, Болгария, Венгрия, Эстония, Югославия и др., где в то время можно отметить приблизительно одинаковый масштаб и глубину их проявления. Гибкость этой концепции позволяет избежать жесткого разделения таких сложных и многоплановых феноменов как политические системы и режимы на определенные застоявшиеся группы, что всегда таит в себе опасность схематизма.

Здесь, однако, возникают и некоторые проблемы более общего, а бы сказал, методологического характера. И в частности, можно ли называть фашистским любой режим в стране, где налицо процесс фашизации, или для этого нужна определенная степень развития и углубления самого процесса? Несомненно, что определение степени фашизации при анализе конкретных явлений в данной стране представляет ряд трудностей и при этом нелегко избежать значительной доли субъективизма.

Интересны в этом отношении положения о чертах сходства и различия между фашистскими и авторитарными режимами (с. 20, 89—90), которые, как представляется, не опровергают, а, наоборот, подтверждают наши соображения. Отмечая наличие ряда общих черт в фашистских и авторитарных системах, в сборнике вместе с тем указывается, что различались они главным образом по массовой базе движения (партии) и что в целом авторитарные системы были характерны для отсталых стран (за исключением Австрии), где партии фашистского типа, опирающиеся прежде всего на городское население, не имели шансов для количественного роста (с. 20).

В книге высказана мысль о том, что многие особенности режимов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в рассматриваемое время были обусловлены уровнем их социально-экономического развития (с. 66—67). Среди общих черт названы: антидемократические перевороты совершались верхушкой армии и административным аппаратом; режимы возникали, как правило, в резуль-

гате манипуляции в верхах существующего аппарата власти; из-за экономической слабости этим режимам менее были свойственны завоевательные стремления. По тем же причинам они располагали гораздо меньшими возможностями для демагогических действий в социальной сфере, способных расширить их массовую базу (с. 77—79). С момента утверждения фашизма в Италии реакционные политики в данном регионе стали черпать методы и средства из арсенала итальянского фашизма (с. 94). Такой подход, направленный на выявление региональной общности, представляется нам весьма перспективным при создании завершенной типологии антидемократических режимов периода между двумя мировыми войнами.

В сборнике представлены некоторые новые оценки и конкретные характеристики таких режимов. В качестве характерной особенности испанского фашизма отмечается его гетерогенность, обусловленная как многоукладностью социально-классовой структуры Испании, так и особенностями ее исторического развития.

В книге дается характеристика режима «санации» в Польше. При этом отмечается, что вопросы развития фашизма в Польше все еще окончательно не выяснены и что эта задача может быть решена путем сравнительных исследований, в которых будут принимать участие историки европейских социалистических стран. (с. 69). Рассматривается политика «санации» в отношении трудовых масс и говорится, что Пилсудский, очевидно, не замыслил такой глубокой перестройки в организации «низов» буржуазного общества, которая была характерна для фашизма (с. 128). Что касается социальной базы хортистского режима в Венгрии, то она не была единой — при наличии многопартийной системы и парламента выборы организовывались так, что их исход всегда был предрешен.

Много интересных данных приводится о развитии политического процесса в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы в конце второй мировой войны.

Монархо-фашизм в Болгарии характеризуется как специфическая форма фашизма, относительно умеренного по сравнению с нацистским вариантом (с. 116). Одна из причин медленной фашизации усматривается в сравнительно ограниченном воздействии экономического кризиса 1921—1933 гг. на болгарское общество (с. 112—113). Этот вывод вызывает сомнения. Во-первых, он связывается с тем,

как развивался кризис в промышленности — отрасли, которая в то время не имела решающего значения для болгарской экономики, — и не принимается во внимание, какие жестокие удары кризис нанес сельскому хозяйству — главной отрасли тогдашней экономики. Фактически кризис привел к значительным переменам в социально-классовой структуре в целом и в болгарской деревне в частности. Как нам кажется, важнейшую причину ограниченных масштабов фашизации следует искать в особенностях политической буржуазной системы в Болгарии, а точнее — в тех широких возможностях, которые таила в себе традиционная государственно-политическая структура: оказалось, что процесс фашизации может происходить в ее рамках, без ее разрушения. В этом царь Борис смог убедиться уже в 1935—1936 гг., отказавшись от решительного изменения политического строя и взяв курс на внешнее возвращение к традиционным порядкам.

В книге много интересных данных об оформлении и развитии антифашистской линии основных социальных групп в Польше, Чехословакии и Югославии в годы фашистской оккупации.

В сборнике имеются некоторые неточности частного порядка.

Так, на с. 76 говорится, что оппозиционные партии были распущены в прибалтийских странах, в Румынии и в Югославии. Нам кажется, что наиболее характерным в этом отношении было положение в Болгарии, где запрет партий распространялся на весь период открытой монархо-фашистской диктатуры, и была предпринята попытка создать так называемый беспартийный режим.

Преувеличенным является утверждение о том, что во второй половине 20-х годов Тырновская конституция существовала в Болгарии только на бумаге (с. 88). В этот период буржуазно-парламентская тенденция как раз получала реальное выражение.

Нам кажется также, что излишне успешно использованы некоторые недостаточно обоснованные оценки болгарских историков, утверждающих, будто со второй половины 30-х годов царь Борис играл роль болгарского фюрера (с. 113—114). В действительности он чуждался действий в духе фашистского вождя и стремился утвердить свою руководящую роль, опираясь на традиционные средства болгарской буржуазной политической системы и монархизма.

Неточно утверждение относительно времени появления фашистских организаций — «Союз борцов за прогресс болгаризма» и «Союз болгарских национальных легионов» (с. 146—147). Первая оформилась в конце 1936 г., а вторая — в 1931 г. и сразу заняли определенное место в лагере фашистов.

Рецензируемый труд является удачной попыткой интеграции ученых социалистических стран с целью совместной разработки важных проблем политической

истории Европы в межвоенный период и во время второй мировой войны. Тем самым продолжается добрая традиция совместных исследований, заложенная по инициативе прежде всего советских историков. Эту традицию следует укреплять и расширять и в будущем путем организации комплексных исследований проблем фашизма с привлечением ученых всех социалистических стран.

Мигев Вл.

CONTENTS

<p><i>Noskova A. F., Pop I. I.</i> Formation of treaty relations between the USSR and the People's Democracies (1945—1949). <i>Cambel S.</i> (Czechoslovakia). Experience of the Communist Party of Czechoslovakia in the solution of the agrarian problem. <i>Zelenin V. V., Romanov V. E.</i> Soviet support of the Yugoslavian popular liberation movement in the international scene</p>	3
--	---

TOWARDS THE IX INTERNATIONAL CONGRESS OF SLAVISTS

<p><i>Zlydnev V. I.</i> Typological closeness of West and South Slavic Cultures in the age of nations formation. <i>Osipova N.</i> 90 years of Rumanian slavistics. <i>Orel V. E.</i> Linguistic contacts and interference at the IV—VIII Congresses of Slavists. <i>Osipova M. A.</i> Lexical semantics and functional relations of <i>distributiva</i> (based on the data of modern Russian and West Slavic literary languages)</p>	43
---	----

PEOPLE, EVENTS, FACTS

<p><i>Pavlyuchenko O. V.</i> «Russian clubs» in Serbia: end of the XIX — beginning of the XX centuries. <i>Labyntsev Y. A.</i> First book printed in Glagolitic alphabet and its investigator M. Bobrovsky (500 years since the beginning of Glagolitic book-publishing). <i>Gavryushin N. K.</i> The Svyatoslav's «Izbornik» of 1073 and John Damascine's «Dialectics». <i>Surta Kh. F. A. E.</i> Odyniec's and A. Mickiewicz's poem «Panicz i dziewczyna» in Russian</p>	81
--	----

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

<p><i>Vinogradova L. N.</i> Three-volume edition of writings in folklore by J. Krzyżanowski. <i>Titova L. N.</i> Book on the culture of Czech national Renaissance. <i>Migev Vl.</i> (Bulgaria). Фашизм и антидемократические режимы в Европе. Начало 20-х годов — 1945 г.</p>	101
--	-----

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 11.04.83	Подписано к печати 10.06.83	Т-03983	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆
Высокая печать	Усл. печ. л. 9,8	Усл. кр.-отт. 11,9 тыс.	Уч.-изд. л. 11,2
		Тираж 1170 экз.	Зак. 2682

Издательство «Наука». 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. Рукописи должны представляться в двух экземплярах, хорошо обработанных литературно, в готовом для печати виде, подписанные автором. И текст, и ссылки обязательно должны быть напечатаны на машинке с одной стороны листа через два интервала. После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, домашний адрес, служебный и домашний телефоны.

2. Автору посылается копия отредактированного экземпляра статьи, которую он подписывает в печать. Правка в верстке не допускается.

3. Объем статей не должен превышать 30 стр., рецензий—5—7 стр.

4. Все цитаты и ссылки в статье должны быть тщательно выверены по первоисточникам. Ссылки помещаются внизу страницы, нумерация ссылок сплошная по всей статье.

5. Классики марксизма-ленинизма цитируются по последнему изданию.

6. Иллюстрации принимаются только в пригодном для воспроизведения виде (фото — контрастное на белой глянцевой бумаге, рисунки — тушью) в двух экземплярах. На обороте каждой иллюстрации должны быть указаны (мягким простым карандашом) фамилия автора и номер иллюстрации. Подписи под рисунками должны быть напечатаны на машинке на отдельной странице в двух экземплярах.

7. Ссылки на литературные источники должны быть оформлены в соответствии с правилами ГОСТ.

Цена 1 р. 20 к.
Индекс 70891